

В. А. Аргентов

СТАРИНА И НОВЬ МАГРИБА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. А. Аргентов

СТАРИНА И НОВЬ МАГРИБА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*К. В. Малаховский (председатель),
Л. Б. Алаев, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С. В. Прожогина

Аргентов В. А.

А 79 Старина и новь Магриба. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

246 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»)

Книга рассказывает о поездках автора в страны Магриба — Алжир, Марокко и Тунис — в 1973—1983 гг., о встречах, беседах с политическими и общественными деятелями этих стран, с крестьянами Алжира и горцами Атласа, с рабочими и студентами, писателями и историками. Автор описывает современные пейзажи Магриба, памятники прошлого, особенности быта и нравов магрибинцев. В книге показано, как соединяются в жизни магрибинцев старина и новь, традиции и современность.

А 1905020000-081
013(02)-85 196-85

ББКл8

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

ОТ АВТОРА

Путевые заметки легче всего пишутся во время путешествия — в пути. Все видится тогда ярким, незабываемым, интересным. Как бы сами собой возникают нужные слова, рождаются образы и ассоциации, помогающие передать все богатство впечатлений. Но стоит перечитать свои дорожные записи спустя хотя бы месяц — и все пропадает! И дело не только в том, что свежесть впечатлений уже утрачена, а кое-что вообще потускнело и стерлось из памяти, но и в том, что путевой дневник — это вовсе не описание увиденного (на это, как правило, просто нет времени), а лишь намеченная пунктиром линия будущего изложения. Да и слова в дневнике — обычно случайные, схваченные впопыхах, самые обыкновенные и расхожие. Над всем этим надо еще много и много работать...

На протяжении последних 20 лет мне не раз довелось побывать в странах Магриба. Накопилось много самых разнообразных наблюдений, фактов и «мыслей по поводу». Далекое не все они были записаны и даже рассказаны. Вместе с тем постепенно и понемногу на первый план стало выступать нечто более важное, чем отдельные детали, которые сейчас, конечно, помнятся уже не все и не так четко, как раньше. Речь идет об облике Магриба в целом, как неповторимого и своеобразного, одновременно африканского, арабского и средиземноморского района земного шара. Нумидийское царство, Карфаген и Рим, короли вандалов и византийские императоры, халифы Дамаска, Багдада и Кордовы, османские султаны поочередно властвовали на этой земле, всегда считавшейся «западом» для Ближнего Востока и «востоком» — для Западной Европы. Здесь звучали, иногда сливаясь, иногда перебивая друг друга, берберский, финикийский, латинский, греческий, арабский, турецкий языки, а также французская, испанская, итальянская речь. История, культура и этническая самобыт-

ность Магриба многообразны и многослойны, многоцветны и многозвучны, что определяет их богатство и своеобразную неповторимость, оригинальность.

О них, разумеется, не расскажешь в путевых очерках. Но они всегда незримо присутствуют «за кадром», как только речь заходит о Магрибе. Поэтому автор и поддался соблазну выделить из своих впечатлений и наблюдений то, что принято считать «вчерашним днем» Магриба, но из чего на самом деле вырисовываются трудноуловимые черты магрибинской специфики. О них, о сохранившихся приметах магрибинской старины, рассказывает первая глава книги.

При всем сходстве стран Магриба между ними есть и различия. Небольшой по площади, более однородный по природным условиям и составу населения, Тунис на всех посещавших его иностранцев всегда производил впечатление компактности, солидности, спокойствия и даже некоторой монотонности. Это — монолог, единообразие, одноцветность. Наоборот, намного превосходящие его по территории, разнообразию природы и населения Марокко и Алжир гораздо более полифоничны. Каждая из этих двух стран — многоголосье, пестрота красок и образов. Друг от друга они также весьма и весьма отличны. В Марокко больше первозданности, чисто берберской суровости и нетронутой, дикой красоты ландшафта, больше резкости в чертах внешнего облика и поведении людей, больше традиционности в быту и экзотики в архитектуре. Наоборот, Алжир, более европеизированный и «осовременившийся», более тяготеющий к средиземноморской палитре сине-голубых и золотисто-белоснежных тонов, поражает своими контрастами между «восточным» и «западным», между «вчера» и «завтра», которые внезапно довольно отчетливо проступают в сегодняшнем облике страны.

Чем именно похожи и не похожи друг на друга страны, о которых идет речь? Ведь еще недавно они считались частями единого Магриба и официально именовались арабскими историками средневековья и даже прошлого века Ближним, Средним и Дальним Магрибом. Последнее название, как мы увидим далее, сохранилось до наших дней.

О сходстве и различиях между странами Магриба, о пяти наиболее запомнившихся поездках в Алжир (в 1973, 1976 и 1979 гг.) и Марокко (в 1980 и 1982 гг.), о наиболее ярких ассоциациях и сравнениях этих стран с

Тунисом, в котором автору довелось побывать еще в 1962 г., о сопоставлении увиденного в Магрибе и прочитанного о нем рассказывает эта книга. В ней хотелось бы не только описать магрибинские реалии, но и показать, как они менялись. Эти перемены — магрибская повесть, составляющая не только все новое, но и все главное в сегодняшней жизни Магриба.

Но ведь сама эта жизнь просто немыслима без глубоко впечатавшихся в нее следов древнейших цивилизаций, в частности щедро разбросанных по всему Магрибу руин древнеримских сооружений, крепостей, произведений искусства. Тем более это относится к старинным арабо-берберским традициям и средневековой архитектуре, к легендам, питающим фольклор и литературу наших дней. Историческая память всякого народа является в известной степени мерилем его цивилизованности. Эта память о минувшем у магрибинцев просто поражает. Если не каждый из них знает о Ганнибале и императоре Траяне, то уж о древнеберберских царях — агеллидах Масиниссе и Югурте знают очень многие. А об арабских полководцах, династиях, поэтах и предводителях восстаний большинству магрибинцев известны не только легенды.

Всегда очень трудно передать колорит чужой жизни, сделать понятным, «чем дышит» человек иной страны и иной культуры, живущий за тридевять земель в рамках правил, привычек, нравов и законов, столь отличных от наших... И дело тут не только в том, что лучше хоть раз самому увидет неповторимые пейзажи, памятники славного прошлого и приметы интересного будущего Магриба, самому подметить особенности внешнего вида, быта, одежды и обычаев магрибинцев, нежели многократно читать об этом. Дело еще и в том, что старина Магриба, являющаяся существеннейшей частью его специфики, многолика и своеобразна. Исключительное богатство культуры Магриба — прежде всего во множественности ее истоков. В значительной мере они восходят к блестящей цивилизации арабо-мавританской Андалусии VIII—XV вв. Но были и другие истоки, игравшие важную роль при тех или иных крутых поворотах прихотливой исторической судьбы Магриба. В жизни современных алжирцев, марокканцев и тунисцев старина и новь, традиции и прогресс сплетены воедино гораздо теснее, чем это принято думать. О том, как это происходит, и пойдет речь далее.

Камни римской Африки

Огромные плиты с барельефами, обломки гигантских мраморных колонн, остатки античных скульптур и жилищ с явно нарочитой небрежностью разбросаны на довольно большой утрамбованной площади прямо у побережья. Африканское солнце эффектно золотит белизну лишь кое-где начавшего желтеть мрамора на фоне темной синевы моря. Кажется, что на какой-то рекламной открытке уже видел и эту назойливую красоту, и избыточную сочность красок, и ленивую томность поз, которые принимают туристы, желающие запечатлеть себя на фото- или киноплёнке среди руин Карфагена. Откровенно говоря, не верится, что ты — в Карфагене, тем более что он был стерт с лица земли в соответствии с бесконечно повторявшимся пожеланием римского сенатора Катона.

— Перед вами Карфаген, но только римский! Римляне построили свой Карфаген на месте разрушенного Карфагена финикийского, от которого остались лишь могилы. Очевидно, римляне боялись их разрушать, опасаясь мести финикийских богов.

Объяснение гида еще более усиливает недоверие, хотя камни могил, потемневшие и кое-где выщербленные, действительно выглядят намного древнее, чем колонны и плиты. Но тут нам говорят, что колонны и плиты привезены из Италии. Сомнение в подлинности живописных (не слишком ли?) развалин Карфагена еще более увеличивается. Не рассеивает этих сомнений, разумеется, и явная реставрированность отдельных фрагментов колонн и статуй.

— Это работа приглашенных нами итальянских археологов, — не без удовольствия сообщает гид.

Так где же подлинный Карфаген? Неужели от него ничего не осталось? Сосуды, монеты, стелы, маленькие статуэтки, небольшие светильники — вот уцелевшие следы пунической (т. е. карфагенской) цивилизации, которые мы потом видели в главном тунисском музее Бардо. Немного. Однако с какой гордостью и с какой любовью говорил о значении пунической коллекции музея его директор профессор Абд аль-Азиз Идрис! Для

него каждый экспонат — это не просто керамика и бронза, золоченые украшения и гончарные изделия, чудом дошедшие до нас сквозь века. Для него, как для культурного тунисца, было совершенно очевидно: Карфаген — это неотъемлемая часть национального наследия Туниса, один из истоков его самобытности.

Действительно, в Тунисе, да и в других странах Магриба пуническая цивилизация оставила глубокий след. И если относительно малы пунические коллекции магрибинских музеев (ибо римляне безжалостно уничтожали все, что напоминало им об их грозном противнике), то вполне достаточно свидетельств пунического влияния на жизнь магрибинцев вплоть до настоящего времени. Карфагеняне познакомили местное берберское население, в основном охотников и скотоводов, с земледелием, научили их выращивать столь распространенные ныне в Магрибе виноград и оливки. Печать древней культуры Карфагена — это и современные пищевые запреты (бытовавшие у жителей Магриба еще в доисламские времена), и особенности одежды (по некоторым данным, туника, шапочка и плащ, которые носили карфагеняне, — прототипы длинной рубашки-гандуры, фески и бурнуса современных магрибинцев), и отдельные пунические слова (главным образом в берберских диалектах Магриба), в том числе слово «гарет» («быть цивилизованным», т. е. «быть подобным горожанину»), восходящее к финикийскому «карт» («город»). Ведь на пуническом языке в Северной Африке говорили еще около тысячи лет после разрушения Карфагена! И не только потомки карфагенян, которых уцелело не так уж много, но и главным образом пунизированные берберы и африканцы, а также переселившиеся сюда греки, евреи, сирийцы. Для многих из них пунический наряду с латынью был языком межэтнического общения. Но окончательно этот язык был вытеснен не латынью, а арабским примерно в VIII—IX вв.

Карфаген дал Магрибу много, а оставил после себя мало. Все пуническое здесь уничтожил или подмял под себя Рим. И хотя он оставил местным жителям гораздо меньше, чем взял от них, следы пребывания Рима — от латинских заимствований в языке местных арабов и берберов до архитектурных сооружений — выглядят внушительнее и многочисленнее. Достаточно взглянуть на руины «нового» Карфагена, т. е. римского города, выстроенного примерно через сто лет на месте разру-

ленной пунической столицы. Просуществовав более семи веков, он снова был уничтожен и более не восстановливался. Его камни постепенно выветривались и выщербливались, использовались в качестве строительного материала окрестными жителями, а с XVI в. — даже наиболее предприимчивыми строителями итальянских городов, особенно Генуи и Пизы. Генуэзские и пизанские купцы и моряки вывозили на кораблях целые колонны, фризы и другие фрагменты античных построек Карфагена, которыми украшали здания и площади у себя на родине. Поэтому-то и пришлось впоследствии привозить обратно из Италии (да и из других районов Средиземноморья) мраморные плиты, колонны, статуи, дабы сами тунисцы могли составить себе представление об архитектурном облике римского Карфагена.

Больше всего говорят об этом облике, да и вообще о взгляде на мир жителей Карфагена тех времен мозаики и фрески музея Бардо — своеобразного «тунисского Версаля», выстроенного в трех километрах от столицы великолепного дворца в мавританском стиле, когда-то бывшего загородной резиденцией тунисских беев. Весьма символично в нем сочетались в 1962 г. старина и новь: одна часть дворца была предоставлена парламенту молодой республики, другая — лучшему музею страны с его пятью секциями: доисторической, пунической, римско-языческой, христианской и мусульманской. Но из всех собраний музея, каждое из которых заслуживает особого разговора, наиболее привлекает внимание коллекция древнеримских мозаик — «крупнейшая в мире», как не без гордости сказано в местном путеводителе.

Осмотр мозаик действительно производит сильное впечатление. Почти все они выполнены во II в. н. э. В них чувствуется близость заката великого Рима и иное, не классически-античное, а более сложное, пестрое, более внимательное к деталям и более раздумчивое видение мира, скорее напоминающее византийское.

Вот, например, «Титаны в кузнице Вулкана». Мощные обнаженные атлетические фигуры и обреченные, покорные лица. Один замахнулся молотом с трудом, напрягая все силы, другой — нехотя, еле-еле, третий же вообще бессильно опустил молот и уставился на него с тупым безразличием. А вот мозаика из Дугги «Рабы, разливающие вино». Голые тела рабов кряжисты и непропорциональны, в них как бы заключена грубая, сти-

хийная сила. А те, кому они паливают вина, — мелки, невзрачны, смотрят робко, почти боязливо. «Охотящаяся Диана» из Утики — отнюдь не красавица, а злая хищница, безжалостно целящаяся из лука в стройную газель. А веселый бог Нептун на другой мозаике печальным ликом и растрепанной бородой скорее похож на растерявшегося неудачника, не знающего, куда влечет его лодку четверка полулошадей-полурыб. И уж совсем иконописцы, с остановившимися византийскими глазами, Одиссей и его спутники, слушающие пение сирен на мозаичном панно, сохранившемся лучше всех остальных. Можно отчетливо разглядеть не только завитки волос, застежки на плащах и роспись на щитах, но и оснастку и украшения корабля Одиссея.

Конечно, далеко не все из этих мозаик сейчас хорошо сохранились. Их краски, возможно, первоначально были светлее. Тем не менее не только по колориту и выбору цветовой гаммы, но и по форме рисунка, очертаниям и позам фигур, выражению лиц видно, что создателям мозаик хотелось высказать отнюдь не бездумный оптимизм и не типичное для классической античности любованье красотой жизни, духа и тела человека. Нет, это искусство другого времени — эпохи пресыщенности и утомленности, уже явно знакомое с христианской идеей греховности и несовершенства человека, хотя христианство тогда еще не стало официальной религией. Но, очевидно, почти постоянная роль оппозиции по отношению к императорскому Риму способствовала более быстрому распространению христианства и влиянию его идей на местных жителей. Известно, что к концу II в. н. э. большинство их были христианами.

Римская Африка, располагавшаяся сначала на востоке нынешнего Туниса, а затем — на всем побережье Магриба, до сих пор внимательно изучается. Она как бы открывает иное лицо древнего Рима, каким оно выглядело на периферии самой могучей античной империи. Многие восприняв из наследия Карфагена, допуская употребление пунического языка и даже нечто вроде смешения культа древнеримских и финикийских богов, римляне зорко следили за тем, чтобы их военная и политическая мощь оставалась неизменной. Поэтому они без усталости возводили города и военные поселения, которые сплошной каменной цепью постепенно опоясали римскую Африку. Остатки этой цепи до сих пор напоминают о властной, величественной, но так в конечном

счете и не удавшейся попытке латинской колонизации севера Африки.

По дороге из столицы Туниса в Кайруан, недалеко от Загуана (где есть источник, от которого берет начало 130-километровый Карфагенский акведук — самое большое сооружение такого рода в древности), среди невысоких холмов и степных просторов внезапно возникают руины древнеримской крепости.

— Здесь была мирная берберская деревня, — говорит гид, — затем карфагенское селение, на месте которого римляне заложили свой город Тубурбо-Майус.

На первый взгляд это еще более беспорядочное нагромождение камней, нежели развалины Карфагена. Прямо из земли торчат остатки строений, вернее, их фундаментов, основания стен и колонн, среди которых скупно пробивается жесткая степная трава.

Здесь был военный лагерь, форпост дальнейшей римской колонизации и одновременно сторожевая крепость на границе с древнеберберской Нумидией, воевавшей с Карфагеном и с Римом. Но что осталось от него? Каменные плиты в основании храма Меркурия, обломки колонн на центральной площади-форуме, широкая лестница и четыре великолепно сохранившиеся колонны несколько приподнятого над форумом Капитолия. Его исчезнувшие стены покоились на сохранившихся до сих пор шести слоях мощной каменной кладки. С другой стороны форума — красивая колоннада с длинным перекрытием. Нам показывают то, что когда-то было «банями», «рынком», «святилищем», но представить их себе трудно даже при очень сильном воображении. Всюду камни, камни... Разбитые, выветрившиеся, отколовшиеся, потемневшие от времени, треснувшие и... даже подгримированные. Видно, что некоторые колонны, начиная с основания, буквально заново сложены из отбитых и опять скрепленных цементом кусков. Они даже своим видом напоминают о грустном конце римской колонизации Магриба.

— После того, что вы видели в Тунисе, вам не стоит смотреть древнеримские памятники в Алжире, — сказал мне знакомый историк, хорошо знавший обе страны.

Я не послушался его и очень хорошо сделал. Справедливости ради стоит добавить, что в Тунисе мне не удалось осмотреть большинство сохранившихся здесь и всемирно известных руин финикийских и древнеримских

городов, таких, как Утика, Дугга, Фисдрус (ныне Эль-Джем). Во многом этот пробел и был восполнен внимательным ознакомлением с тем, что осталось от римской Африки в Алжире.

После примерно часа езды на запад от столицы Алжира мимо сплошной шеренги отелей, приморских ресторанчиков и снежно-рафинадных туристических комплексов, теснящихся вдоль извилистого шоссе, мы прибываем в Типазу. Здесь, в уютной зеленой бухте на фоне вздымающегося прямо из моря горного массива Шенуа, с конца прошлого века ведутся раскопки одного из наиболее красивых городов, выстроенных римлянами в I в. н. э. на месте карфагенской колонии. Здесь сохранилось многое: остатки древнего амфитеатра, мраморный бассейн фонтана Нимфеум, фрагменты домов и богатых вилл. Проходя по аккуратно вымощенной узкой улице между низких стен, сложенных из огромных гранитных блоков, буквально чувствуешь, что очутился где-то в первых веках нашей эры, когда город процветал и был резиденцией раннехристианских епископов. Основная часть руин — на полого спускающемся к морю косогоре. Хорошо сохранившихся улиц, стены которых закрывали бы обзор, нет. Поэтому, пройдя такую улицу (обычно в верхней, не наклонной части города), имеешь возможность наслаждаться общим видом Типазы: поросшими травой и кустарником склонами, белеющими и желтеющими тут и там остатками лестниц, фундаментов, портиков, колонн. Все более ценное вывезено отсюда в Шершель.

Этот город, возникший на месте древнеберберского поселения Иол, был переименован нумидийским правителем Юбой II (29 г. до н. э. — 24 г. н. э.) в Цезарею в честь Юлия Цезаря, племянник которого, император Октавиан Август, усыновил Юбу II в детстве. Воспитанный в Риме, Юба II стал образованнейшим человеком своей эпохи, выдающимся знатоком эллинистической культуры, географом, филологом, исследователем горных пород и животного мира, автором многих трудов. Цезарей за время правления Юбы II превратилась в один из ведущих центров культуры Средиземноморья благодаря тесным связям как с Римом, так и с эллинистическим Египтом, ибо женой Юбы II была Клеопатра Селена, дочь знаменитой Клеопатры и не менее знаменитого римского проконсула Марка Антония. Однако процветание Цезареи окончилось после убийства

императором Калигулой в 40 г. н. э. Птоломея, сына Юбы II и Клеопатры Селены. Цезарея после этого стала столицей римской провинции Мавритании Цезарейской, а затем постепенно разрушалась в ходе непрерывных войн местных берберских правителей с вандалами, византийцами, бедуинами, андалусцами, турками, испанцами, но более всего в результате землетрясения 1738 г.

Ныне руины почти несохранившейся Цезареи находятся в черте современного города Шершель. Мало что осталось от амфитеатра III в. н. э., от окружавшей город стены, кирпичных бань, трехъярусного акведука в окрестностях города. Но собранные на берегу моря обломки колонн, искусно выполненные капители, тяжелые мраморные плиты и осколки статуй довольно выразительно напоминают о превратностях нелегкой судьбы Цезареи. Ее разрушение продолжалось и в годы колониального господства Франции. В частности, камни римских терм и амфитеатра пошли на строительство казарм для французских солдат. Но зато сохранены античные колонны на главной площади Шершели — Римской Эспланаде, на которой расположен и местный музей. К сожалению, в нем представлено не все, что уцелело от Цезареи, ибо наиболее сохранившиеся скульптуры из богатейшего для своего времени собрания Юбы II ныне находятся в известных музеях мира, прежде всего в Лувре, а также в Античном музее столицы Алжира.

Однако и то, что осталось, поражает. Это прежде всего выставленная во внутреннем дворике статуя Октавиана Августа. Даже лишившись головы, рук и одной ноги, статуя не утратила горделивой осанки властного императора, передавая богатство его одежды, украшения панциря, надетого поверх туники. Творение безымянного скульптора было, очевидно, подлинным шедевром, если даже сейчас, плохо сохранившись, каменная фигура Августа производит впечатление внутренней силы, непоколебимой уверенности в себе. Такое же впечатление производит бронзовая скульптура Геракла с дубиной — копия работы Фидия. Вообще копий в музее много, и сохранились они лучше подлинников. Объясняется это тем, что Юба II, отлично сознавая гениальность живших за 400—500 лет до него великих ваятелей античности, заказывал современным ему греческим скульпторам копии творений Фидия, Праксителя и дру-

них мастеров античной Греции. Во многом благодаря этому человечество полнее может знакомиться с их искусством.

В музее много изображений самого Юбы II, его жены, сына, тещи-царицы Клеопатры, а также бесчисленных греко-римских богов: Аполлона, Вакха, Венеры, Деметры. От иных скульптур сохранились лишь торсы (они так и называются «Торс Меркурия», «Торс Дианы»). Представляют ценность и выставленные в музее мозаичные панно или их фрагменты. Некоторые из них доставлены из расположенной в 30 километрах отсюда Типазы, начавшей процветать вскоре после смерти Юбы II.

На обратном пути из Шершели и Типазы в город Алжир чуть в стороне от шоссе можно увидеть на небольшой возвышенности нечто вроде кургана или каменного шатра 40-метровой высоты. Основание его охвачено поясом античных колонн. Над ними полуразрушенный конус довольно плотной кирпичной кладки. Это сооружение называют «Гробницей христианки» или «загадкой двух тысячелетий». Более века с четвертью археологи не могут ее разгадать. Сейчас внутрь мавзолея можно войти, поплутать там в сопровождении гида с фонариком или с зажженной спичкой, но так ничего и не увидеть. Этот мавзолей, судя по всему, еще во времена Карфагена служил местом захоронения нумидийских царей III—II вв. до н. э. Но почему он украшен греческими колоннами? Подобное же сооружение, называемое Медрасен и, как предполагается, хранящее останки наиболее знаменитого нумидийского царя Масиниссы (умер в 149 г. до н. э.), таких колонн не имеет. Возникла легенда, что в мавзолее близ Типазы погребена Клеопатра Селена, то есть «римлянка». По-арабски «румийя» означает и «римлянка», и «христианка». Отсюда закрепившееся с XVIII в. и ставшее известным европейцам название «Гробница христианки». Но кто на самом деле погребен в мавзолее, неизвестно. Однако в алжирских проспектах решительно утверждается, что в действительности это могила берберского царя Юбы II. Алжирский историк Мунир Бушнаки издал в 1970 г. брошюру, в которой предлагает именовать это сооружение «Царским мавзолеем Мавритании», хотя он и не уверен в том, что здесь погребен именно Юба II.

Гораздо более, чем Типаза и Шершель, впечатляет Тимугади (совр. Тимгад), выстроенный императором

Траяном в 100 г. н. э., как и соседний Ламбез, в качестве укрепленного лагеря и военной колонии. Это правильный квадрат со стороной 355 метров, стоящий среди сплошь заснеженных холмов (мы видели его в декабре 1973 г.), которые четко выделяются на черном фоне дальних гор. Здесь всегда прохладно (1,5 тыс. метров над уровнем моря), довольно просторно и хороший обзор на все четыре стороны, что, вероятно, и определило выбор места Траяном. Существовал Тимгад не более трех с половиной столетий и был разрушен пришедшими сюда в V в. вандалами. И хотя его камни, как и прочие античные руины, служили материалом для новых построек местного населения, город неплохо сохранился и систематически изучается с 1880 г. За сто лет до этого он был полностью засыпан землей, нанесенным из пустыни песком и пеплом. Сейчас он раскопан на три четверти. Видны четкие латинские надписи, совсем неповрежденные классические колонны с гладкой или ребристой поверхностью, почти не тронутый временем трехъярусный амфитеатр: первые три ряда (для стоящих), вторые восемь и третьи десять рядов (для сидящих) разделены каменными перегородками.

Город начинается с западной стороны массивной триумфальной аркой Траяна, воздвигнутой в честь побед императора. От нее идет на восток широкая главная улица, мощенная огромными прямоугольными плитами с глубокими следами, вдавленными тяжестью въезжавших в город боевых колесниц. Улица доходит до восточной оконечности Тимгада, минуя центр города — форум — с остатками храма Юпитера. И всюду, куда ни бросишь взгляд, однообразный пейзаж: поросшие травой и кое-где покрытые мхом большие ноздреватые камни — основания стен домов, бань, порталов. Они расположены правильными прямоугольниками различной величины. По их очертаниям легко угадываются размеры комнат, двориков, входов и выходов. Их утомляющую глаз одинаковость разнообразят вздымающиеся остатки стен и бесчисленные колонны почти у каждого дома, а также идущие правильными рядами вдоль улиц или по периметру форума.

Есть в Тимгаде, конечно, немало и беспорядочных и разгромленных осколков, обломков, бесформенных камней непонятного назначения. Но удивиться надо не тому, что они есть, а тому, что в них не превратилась

основная часть Тимгада. Прекрасно сохранился, например, рынок, расположенный вне черты города, недалеко от арки Траяна. Это торговый ряд, над каждым каменным прилавком которого — соответствующий товару барельеф. Например, под изображением капусты сидел торговец капустой, пьяного Вакха — виноторговец, бобов — торговец овощами, винограда — виноградарь и т. п. Многочисленны бани (их тут нашли четырнадцать), служившие древним римлянам, как известно, одновременно клубом и кабачком.

Представление о жизни в Тимгаде дают и выставленные в местном музее мозаичные панно. Некоторые из них очень плохо сохранились, на других видны растительные и геометрические орнаменты, различные символы, изображения животных, чисто «ковровые» узоры и росписи. Но есть и целые картины. Среди них опять Нептун на колеснице, запряженной четверкой полулошадей-полурыб. Но насколько же эта мозаика отличается от уже упомянутой в тунисском музее Бардо! Нептун в Тимгаде — это не грустящий святой с византийской иконы, а стоящий во весь рост мускулистый атлет с грозно поднятым трезубцем и решительным выражением лица, явно похожего на лицо Зевса. Изображения веселых дельфинов в нижней части панно подчеркивают впечатление оптимизма, еще не утраченной античным человеком веры в свои силы, в разумность бытия и справедливость богов. Именно таково и должно было быть мироощущение воинов победоносных легионов на редкость удачливого Траяна.

По дороге из нынешней Константины в Сетиф (а в эпоху древних римлян — из старой нумидийской столицы Цирты в римскую колонию военных ветеранов Ситифис), если остановиться у бывшего французского поселка Сент-Арно и свернуть в сторону на 30 километров, то можно добраться до Джамилы. Так назван небольшой поселок у развалин древнеримской колонии Куинкуль, основанной в 96 г. н. э. императором Нервой на месте древнеберберского селения. «Неизвестно, — говорится в путеводителе, — когда Куинкуль взял себе арабское имя Джамила (Прекрасная), но известно, что он его заслуживает благодаря своей красоте и изысканности, очаровывающим посетителей, а также сокровищам, вызывающим энтузиазм у археологов». И действительно, в Джамиле все чарует и восхищает: и огромная чаша широко раскинувшегося древнего города во

впадине между желто-зелеными, изрезанными оврагами холмами, и великолепный музей, и продуманная планировка, и, наконец, яркость красок. В Тимгаде, где мы столкнулись с африканской зимой, даже цвет камня был какой-то сыровато-серый, потемневший от холода и мелкого дождичка. А здесь декабрьское солнце было по-весеннему ласково и умело высвечивало всю гамму цветовых оттенков Джамилы: светло-зеленого, золотисто-коричневого, желтого, белого. Даже попадавшийся кое-где черный цвет выглядел здесь как-то оптимистично. Очевидно, дело не просто в том, что в Тимгаде был плохой день, а в Джамиле — отличная погода. И даже не в особенностях климата, более сурового в окружающих Тимгад и удаленных от моря горах. Конечно, в Куикуле всегда было больше солнца и средиземноморского тепла. Важнее всего то, что Куикуль, впоследствии перестраивавшийся, — не только военный форпост, как Тимгад, где все было подчинено целесообразности и необходимости, но и город, в котором удобно было жить мирному населению. Поэтому здесь заботились и о красоте, и о комфорте, и о развлечениях.

Куикуль разросся при императорах из династии Северов, которые родом были из Магриба и правили на рубеже II—III вв. н. э. У западного входа в город возвышается огромная арка Каракаллы (211—217), третьего императора династии, посетившего город в 216 г. Жестокий и коварный в Риме, Каракалла заигрывал с легионерами и жителями провинций, которым даровал полные права гражданства. Поэтому жители Куикуля постарались отблагодарить Каракаллу, всячески украшая арку его имени. Она двухъярусна и более изящна, чем арка в Тимгаде. По фронтону ее выступают восемь классических колонн (по четыре вверху и внизу). Колонны и пилястры как бы скрадывают массивность арки, облегчают ее. Недаром на всех рекламных проспектах изображение этой арки как бы символизирует Джамилу.

Город сохранил следы заботы и других императоров той же династии. Здесь есть площадь Северов, храм основателя династии Септимия Севера (193—211). От храма осталась лишь крутая лестница и площадка с колоннами, местами поврежденными, но в целом сохранившими свою стройность и изысканность капителей. Уцелели кое-где и стены из крупных каменных блоков, тяжелая полукруглая арка с перекрытием. Недалеко от

храма — очень хорошо сохранившийся двухъярусный амфитеатр с 25 рядами. Его подъем более крут, чем у театра в Тимгаде, а каменные скамьи еще более потемнели и поседели от времени. В отличие от Тимгады, который был разрушен войнами как крепость, в Джамиле, превращенной временем в развалины, сохранились не только основания фундаментов домов, но и стены, иногда даже остовы зданий, арки, перекрытия, части порталов. Здесь были храмы, фонтан в виде каменной трубы посередине выложенного большими плитами круга, бани, рынок.

По руинам жилищ видно, что они имели много комнат разных размеров, подвалов, отличались друг от друга высотой, наличием или отсутствием третьего этажа, солидностью каменной кладки, количеством и стилем колонн. Куикуль далек от аскетической строгости Тимгады. Объясняется это тем, что здесь, среди плодородных в то время равнин, на скрещении важных путей из Цирты в Ситифис с востока на запад и из карфагенского порта Игильгиль (ныне — Жижель) к Тимгаду с севера на юг, жило много богатых землевладельцев и торговцев. Они хотели не воевать, а жить в свое удовольствие. Возможно, поэтому город не был разрушен ни вандалами, ни византийцами (при которых он даже расширился) и сохранился лучше Тимгады. Более того, бюсты, скульптуры и мозаики, найденные в домах Куикуля, говорят о больших запросах и роскоши местных богачей. Часть из этих экспонатов увезена в столицу Алжира, другие находятся в местном музее. Это совершенные статуи обнаженных богинь и богов из белого мрамора, фрагменты скульптурных портретов римских императоров, хозяйственные сосуды и домашние украшения, огромные (иногда во всю стену) мозаичные панно с изображением львов, газелей, волков, павлинов и еще каких-то птиц со всеми мыслимыми и немыслимыми вариантами геометрического и растительного орнамента, использующими всю палитру красок, но с преобладанием золота, зелени и теплых коричневых тонов.

Последний из древних городов римской Африки, который мне довелось увидеть, — это Волюбилис. Он возник внезапно, буквально за поворотом дороги из Феса в Танжер, всего в нескольких километрах от священного для мусульман Марокко города Мулай Идрис. Сначала мы увидели одиноко торчащие колонны, затем верх уцелевших стен, а после этого весь склон пологого от-

коса, густо усеянный уже привычными глазу античными руинами. Волюбилис сохранился меньше, чем Тимгад или Джамила. Здесь мало крупных каменных блоков, хотя именно они, заложенные в основание зданий, и уцелели в первую очередь. Всюду преобладают более мелкие, иногда искрошившиеся в щебень, чуть ли не насквозь выветрившиеся камни довольно рыхлой породы. Однако можно различить остатки домов (у входа в некоторые из них до сих пор видны какие-то подобия урн и каменных ваз), порталов, выложенных плиткой полов в помещениях бань и других общественных зданий. Можно даже спуститься от форума по главной улице, поросшей выгоревшей куцей травкой, к горделиво возвышающейся с 217 г. триумфальной арке Каракаллы. Она не столь хороша, как в Джамиле, несколько обветшала (из украшавших ее колонн сохранились только две на левой стороне), но не разрушена и не утратила своего грозного величия. Вдоль главной улицы колонны тоже сохранились лишь по одной стороне.

Однако больше всего поражают в Волюбилисе сохранившиеся на протяжении почти двух тысячелетий мозаичные полы. Судя по всему, техника исполнения мозаики совершенствовалась. Отстраивать город начали в то время, когда был уже опыт украшения Тимгада, Джамилы и Цезареи. Работавшие в Волюбилисе мастера явно старались показать все, что они умели. В их произведениях геометрия чередуется с живописью, прямые углы — с эллипсами, переплетения орнаментальных цепей и гирлянд — с изображениями деревьев, животных, сцен охоты. Столь искусную технику мозаики можно увидеть, пожалуй, лишь в Джамиле.

По преданию, Волюбилис был основан Юбой II на рубеже нашей эры на месте существовавшего здесь уже триста лет берберского селения. Во всяком случае, так утверждает марокканский проспект на арабском языке. В пользу этого говорит и найденный здесь великолепный бронзовый бюст Юбы II, находящийся сейчас в археологическом музее Рабата. Но нельзя исключить и того, что Волюбилис — чисто римский город, имевший и военное, и политическое значение. Ведь римляне, чувствовавшие себя здесь, в Тингитанской Мавритании, менее уверенно, чем в Мавритании Цезарейской, господствовали далеко не везде, тщательно избегая, например, заходить в горы. Однако с середины I в. н. э. римский прокуратор из Тингиса (ныне — Танжер), управлявший

сей провинцией, взимал налоги, вершил суд и распоряжался войсками и т. п. По мнению некоторых историков, резиденцией прокуратора на деле часто был не прибрежный Тингис, а Волюбилис, находившийся и самом центре провинции. Возможно, это мнение продиктовано исключительно богатыми результатами раскопок Волюбилиса. Помимо того, что можно здесь увидеть, археологи нашли еще многое, ныне экспонируемое в музеях Марокко и других стран. Это мозаичные панно, скульптуры и бюсты из бронзы и мрамора, изображающие как видных людей того времени (Юбу II, Катона Утического), так и местных жителей, предков современных марокканцев.

Римская Африка — это не только каменные руины, через два тысячелетия донесшие до нас, хотя бы частично, внешний облик императорских колоний и крепостей. Это еще и воспоминания, причем не столько о могуществе древнего Рима, сколько о том, чем были для него африканские провинции. Отсюда в столицу империи вывозились пшеница и вино, оливковое масло и фрукты, шерсть и мясо, слоновая кость и хищные звери для цирковых игр (только при Октавиане Августе за 26 дней таких игр было убито до 3,5 тыс. животных). Здесь римляне набирали из местных жителей крепких воинов и умелых моряков. Некоторым магрибинцам, например Северам, удавалось достичь самой высшей власти в Риме. Магрибинцами были многие замечательные литераторы древнеримской эпохи, в первую очередь Луций Апулей (II в. н. э.) из Мадавры (на востоке Алжира), знаменитый автор «Метаморфоз» или «Золотого осла», популярного во всем мире (достаточно вспомнить пушкинское: «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал»). Был и другие, в том числе Корнелиус Фронтон из Цирты (II в. н. э.), воспитатель будущих императоров Марка Аврелия и Луция Вера. Однако наиболее прославленными магрибинцами оказались раннехристианские идеологи Септимий Тертуллиан (155—240) и епископ Киприан (210—258) из Карфагена, особенно Аврелий Августин (354—430) из Тагасты (на востоке Алжира). Августина (называвшегося римлянами Берберием, а церковниками — Блаженным) и Киприана причислили к лику святых. Они были крупными деятелями нарождавшейся христианской церкви, ораторами, философами и авторами теологических трудов, которые в громадной степени способствовали ста-

новлению церкви и распространению ее влияния. Вместе с тем некоторые их высказывания актуальны и сегодня. «Мы, — писал темпераментный морализатор Тертуллиан, — стали в тягость земле, на которой живем. Природа с трудом нас удовлетворяет, потребности наши становятся все более острыми».

Горожане Магриба говорили на латыни почти до XI в. (по другим сведениям, до XIV в.). Неудивительно, что в арабском и берберском языках обнаружены латинские по происхождению слова, обозначающие, например, «бурнус», «сад», «петух» и др. Советский лингвист Ю. Н. Завадовский насчитал до полутора десятков таких слов у берберов и до двух десятков у арабов Магриба.

Гораздо меньше заимствований из греческого языка, хотя приходу арабов предшествовали примерно 140 лет византийского господства в Магрибе. Но византийцы не создали, вернее, не успели создать в Магрибе чего-либо оригинального. Их усилия были направлены на частичную реставрацию существовавших при римлянах порядков и даже построек. В этом можно убедиться, хотя бы взглянув на развалины их базилик и крепостей в Тимгаде и Джамиле. Практически они мало отличаются от тех, что возводились римлянами. Бесчинствовавшие около ста лет до прихода византийцев вандалы в основном разрушали римскую Африку. Византийцы пытались ее восстановить. Ни тем, ни другим не удалось довести свое дело до конца. Римская Африка окончательно перестала существовать лишь во второй половине VII в., после прихода арабов, открывших новую главу в истории Магриба.

Кайруан и Карауин

Кайруан — первый арабский город в Магрибе, ныне — религиозный центр современного Туниса. Карауин — и мечеть, и старинный мусульманский университет в Фесе, бывшей марокканской столице, также претендующий на положение ведущего в Магрибе религиозного и культурного центра. Сходство их названий не случайно, а роль в истории Магриба во многом сходная.

Чтобы добраться до Кайруана, надо долго мчаться на автобусе от столицы Туниса в глубь страны по обсаженной кактусами дороге среди зелени, цветов, пальм и

фруктовых деревьев многочисленных загородных садов, потом среди оливковых рощ, полей и огородов, наконец, по сухой серой степи с далекой цепью гор на горизонте. Надо немножко постоять у развалин гигантского, 30 метров шириной, каменного полукруга древнего фонтана в Загуане и храма над ним (воды фонтана считались священными), потом миновать древнеримские руины Тубурбо-Майуса и снова пуститься в путь, еле успевающая разглядеть из окна автобуса то белоснежные дома нового поселка, то старый, выгоревший на солнце черный шатер бедуина, то надменно поднятую голову заваленного поклажей верблюда. Изредка попадаются фермы и возделанные участки, одинокие пастухи с малоподвижными отарами овец.

Неожиданно въезжаем на рынок, который незаметно переходит в город. Из-за пыли и жаркого солнца не сразу различаем белизну глухих, без окон, стен. Столь же белы и джеллябы, длинные полукафтаны-полурубahi, в которые одеты местные жители. На головах у них красные круглые плоские шапочки — шешия. Это низкая феска, отличающаяся от высокой («шешия стамбулийя» — «стамбульской фески»), которую чаще носят в Египте и редко в Магрибе. Однако заметно, что, чем богаче, скажем, торговец на рынке, тем чаще он носит высокую феску, украшенную позументами джеллябу (чаще всего белую, но мне запомнился один из наиболее импозантных торговцев в коричневой джеллябе с золотым шитьем) и парчовые бабуши (туфли без задников). Среди людей попроще многие в белых тюрбанах (или просто в белой повязке вокруг фески) и полосатых джеллябах различных оттенков серого цвета.

Разумеется, здесь немало людей, одетых по-европейски. Но обилие людей в традиционных мусульманских костюмах бросается в глаза, особенно в сравнении со столицей Туниса. Объяснений этому несколько. Во-первых, Кайруан — это тунисская глубинка, периферия, до которой современные европейские моды доходят позже. Во-вторых, в Кайруане проживают в основном те социальные слои, которые крепче всего связаны с традицией и обычаями, может быть, в чем-то и косными: торговцы, ремесленники, мелкие сельские хозяйства, занятые садоводством и овцеводством в окрестностях города. Только выделкой ковров в 60-х годах в Кайруане было занято, как говорится в брошюре «Кайруан вчера и сегодня», которую вручил нам руководитель

провинциальной организации правящей партии «Новый Дустур» * Хасан Касем, около 5 тыс. человек, то есть седьмая часть населения города. Во многом этим же заняты расселившиеся вокруг Кайруана и влияющие на быт и хозяйство горожан племена конфедерации Злас. Прочие племена области заняты большей частью скотоводством.

Однако самое главное заключается в том, что Кайруан — священный город для мусульман Туниса и всего Магриба, оплот традиционализма и клерикальной оппозиции. Теоретически роль такого оплота всегда сохранялась в стране за религиозным университетом Зитуна, соперничавшим даже со знаменитым Аль-Азхаром в Каире. Однако с завоеванием независимости в 1956 г. правительство Туниса взяло университет под контроль и, осуществив в нем многие реформы, лишило его роли центра оппозиции. Иное дело Кайруан. Здесь до столицы далеко, а до Аллаха близко. К ярко-синему небу над белоснежным (лишь кое-где желтым и серым) Кайруаном тянутся минареты и купола многочисленных мечетей. Сюда текут нескончаемые толпы паломников: ведь семь посещений Кайруана приравниваются в Тунисе к паломничеству в Мекку, то есть к совершению обязательного для правоверных хаджа! И конечно, здесь мусульманское духовенство, пытавшееся в первые годы независимости сопротивляться политике преобразований, чувствует себя несколько свободнее, чем в столице, иногда даже организует манифестации верующих под лозунгами поддержки «подлинного» ислама.

Все это мы знали еще до приезда сюда. Однако сам город — тихий, провинциально степенный, с неторопливым ритмом размеренной жизни, подстегиваемым лишь наездами туристов, — внешне был спокоен и приверженность традиции обнаруживал в основном в одежде как мужчин, так и женщин, среди которых редко попадались (в отличие от столицы) те, кто рисковал пройти по улице с открытым лицом. Естественно, нам хотелось увидеть подлинное лицо города. Сделать это было трудно, так как закрывающее это лицо покрывало традиций стало фактически его частью.

Кайруан был основан в 670 г. как укрепленный лагерь наиболее известным из арабских завоевателей Магриба — Окбой ибн Нафаа. По преданию, Окба ре-

* С октября 1964 г. правящая партия Туниса называется Социалистическая дустуровская партия.

шил именно здесь, посреди голой степи, выстроить арабский город в тогда еще враждебной арабам стране только потому, что здесь проходил караванный путь и бил источник питьевой воды Бир Барута. Вода, очевидно, сыграла решающую роль, поскольку для бедуина VII столетия жизнь была там, где была вода и где проходили торговые караваны. Кроме того, далекий обзор во все стороны давал возможность издали заметить приближавшегося врага. Поэтому Окба, как пишут историки, воткнул копье в землю близ источника Бир Барута и воскликнул: «Здесь будет построен наш Кайруан, наш лагерь, который станет оплотом ислама навеки!» «Кайруан» по-арабски значит «оплот», «укрепленный лагерь». Так это название и закрепилось за первым арабским городом в Магрибе, впоследствии — центром всех владений арабов на севере Африки и Пиренейском полуострове, в Сицилии, Сардинии и Южной Италии.

В окружавшей город местности было достаточно строительного камня. Соседние себхи (пересохшие соляные озера) давали соль высокого качества, а оливковые рощи — масло и дерево. Найденная неподалеку глина послужила основой для процветания гончарного производства. Здесь был создан университет Дар аль-Хикма (Дом мудрости), в котором наряду с теологией и мусульманским законоведением преподавались также философия, история, химия и медицина. Составлявшие большинство новообращенные мусульмане горячо верили в грядущее «царство фикха» («права»). Поэтому популярны были религиозные деятели, такие, как Ибн Аби Зейд и особенно Сахнун Ибн Саид (755—854), утвердивший в качестве верховного кади всего Магриба непререкаемость маликитского толка суннитского ислама — самого строгого и бескомпромиссного. В X в. своими трудами по медицине на весь халифат прославился Ахмед Ибн аль-Джаззар (924—1004). Здесь процветали архитектура и ирригация. В помощь местным зодчим приглашали строителей из Дамаска, Багдада и Александрии. Население отличалось грамотностью, любовью к литературе, музыке, к шумным празднествам. Оно умело торговать и преуспевало в ремеслах.

Всему этому верится с трудом, когда идешь вдоль улицы Великой Мечети, главной в городе. Она протянулась более чем на 4 километра от разрушенного портала старых Тунисских ворот до южной оконечности

Кайруана, завершавшейся прежде ныне исчезнувшими воротами Абу Раба. Это была самая оживленная улица города, застроенная крытыми единой кровлей торговыми рядами лавочников всякого рода, ковроделов, ткачей, оружейников, сафьянщиков, кожевенников, чеканщиков и т. п. Чем только здесь не торговали: драгоценными камнями, инкрустированными мечами и щитами, аравийскими благовониями, всеми специями Востока, золотыми изделиями и слоновой костью Судана, финиками и фруктами из оазисов Сахары! Мясники за один лишь день закупали до тысячи голов скота. Сейчас на этой улице тоже попадаются лавки, привлекающие туристов изделиями из черной и красной кожи с золотым тиснением, различными сувенирами, цепочками, цветными платками. Но они редки. Торгуют в основном на местном рынке — суке. А о былом процветании ремесел напоминают лишь отдельные названия, вроде Баб аль-Джаллядин (Ворота кожевенников). Нет уже ни прежних оживленности и размаха, ни прибыльной торговли. Возможно, отсутствие бойкости у коммерсантов вызывалось тем, что мы приехали не в разгар туристского сезона: в январе 1962 г. Но это не главное. Кайруан уже тогда был не тот, что прежде. Это признавали и сами местные жители, и руководители города, и даже упомянутая рекламная брошюра «Кайруан вчера и сегодня».

В полной мере сохранилось лишь местное ковроделие. Оно обязано своим существованием искусству кайруанских женщин. Более 2 тыс. мотальщиц и около 3 тыс. ткачих выделывают за год до 40 тыс. квадратных метров ковров. Посетив одну из мастерских, гордо называвшуюся «центром ковроделия», мы увидели там за работой девочек 8—14 лет. Их руками и создаются ковры самых различных видов: исполняемые по старинным восточным образцам «зербия» и «аллуша», коротковорсовые бедуинские ковры «клим» и «мергум». Обычно за месяц при 10-часовом рабочем дне девочки делали один ковер. Наилучшие из них с 1830 г. выставляются в музеях Туниса или украшают кайруанские мечети. Несколько в иной манере, как нам сказали, работают ковроделы в окружающих Кайруан племенах злас. Они ткут длинноворсовые домашние ковры «ктифа», широкие покрывала «абана» и декоративные шали «бахнуг».

Сегодня Кайруан — это прежде всего прошлое Туни-

са. И его нам показали, хотя и не полностью. Недалеко от города (менее чем в километре от северного входа в него — Тунисских ворот) расположен бассейн Аглабидов, династии арабских правителей Ифриккии, т. е. восточного Магриба (800—909). Глядя на этот гигантский (128 метров в диаметре) круглый водоем 6-метровой глубины, мы слушаем рассказ гида:

— Бассейн вмещал до пятидесяти тысяч кубометров воды и был соединен с тридцатишестикилометровым акведуком, питавшимся из источника в Джебель-Шериншра к западу от Кайруана. Отсюда вода поступала в город. Такие же бассейны, называвшиеся в те времена «фескийя», обнаружены и в других местах. Некоторые из них использовались для орошения садов загородных резиденций Аглабидов и их преемников. Один из них сохранился в Раккаде. Он имеет форму трапеции, длина наибольшей стороны которой сто восемьдесят два метра.

Да, Кайруан за 800 лет до Парижа окружил себя своими «Версалем», «Фонтенбло», «Рамбуйе». Только назывались они Аль-Аббасийя (в честь правившей в Багдаде династии Аббасидов, формальными вассалами которой были Аглабиды), Раккада и Сабра-Мансурийя. От первой из них, просуществовавшей 75 лет (801—876), ничего не осталось: ни дворца, ни мечети, ни семиэтажной башни, ни казарм для четырехтысячной гвардии африканцев, набиравшихся аглабидскими эмирами в Судане и оазисах Сахары. Говорят, именно здесь эмир принимал посланцев императора Карла Великого, приехавших за останками святого Киприана. Выстроенная в 876 г. эмиром Ибрахимом II Раккада в 5 километрах южнее Аль-Аббасийи была знаменита цветами и плодами своих садов в той же мере, как и крепостью стен. Именно отсюда бежал в 909 г. в Иерусалим, прихватив с собой казну, последний аглабидский эмир Зиядет-Аллах, разгромленный пришедшими из Кабилии берберскими племенами. И именно здесь в январе 910 г. был провозглашен махди (мессией) и принял титул халифа основатель династии Фатимидов Убейд-Аллах. Но через 11 лет он покинул Раккаду ради новой резиденции — Махдии, расположенной на берегу моря. Раккаду после этого постигла судьба Аль-Аббасийи.

Спустя 26 лет, в 947 г., в 1,5 километрах от Кайруана фатимидский халиф Абу-ль-Аббас аль-Мансур основал новую резиденцию — Сабра, которую в честь

основателя стали называть также Мансурийя. Это был круглый по планировке городок с дворцом правителя в центре, соединенный с Кайруаном своего рода коридором шириной в полкилометра, по обе стороны которого высились кирпичные стены. Здесь располагались двор, учреждения и большая часть армии Фатимидов, а после их отъезда в Египет в 973 г. — их преемников Зиридов. Зиридские эмиры, считавшиеся вассалами Фатимидов, тем не менее соперничали с ними в роскоши, строили в Мансурийе дворцы, окружали их садами, устраивали пышные празднества, привлекали сюда искусных мастеров, ремесленников и законоведов со всех концов арабского мира. На все это требовалось много денег. Поэтому ни один караван и ни один купец не мог попасть на многочисленные базары Кайруана, предварительно не заплатив пошлины в Мансурийе.

В настоящее время Мансурийя — это остатки нескольких больших (до двух метров в диаметре) колонн розоватого мрамора, наполовину вросших в землю, расположенных вблизи от Аль-Кеблия, юго-западного предместья Кайруана. Каков был конец этой третьей резиденции правителей города, гиды помалкивают. Но известно, что Мансурийя была разрушена вместе с Кайруаном в 1057 г. после вторжения в Магриб из Египта бедуинских племен бану хиляль и бану сулайм. «Подобно нашествию сарацин, — писал три века спустя великий арабский историк и мыслитель Абд ар-Рахман Ибн Халдун, — они уничтожали все на своем пути». Однако современные магрибинцы об этом не любят вспоминать. В сущности, волна бедуинского нашествия XI в., сметавшая на своем пути города, государства, городскую жизнь и даже культуру земледелия, вытеснявшаяся пастушеством, ускорила арабизацию Магриба.

В глазах многих магрибинцев ни экономический регресс целых областей, ни запустение ранее процветавших городов, в первую очередь Кайруана, не перевешивают позитивных аспектов «бедуинизации» Магриба: вытеснения латинского, берберского и других языков арабским языком, подрыва позиций христианской общины (до того времени довольно влиятельной в городах), начала этнической арабизации местных жителей не только в городах, но и в сельской местности. Так называемые бедуинские говоры разговорного арабского языка, на которых говорит большинство арабов Магриба, принесены были кочевниками бану хиляль и бану сулайм.

Более того, можно с известной долей условности считать значительную часть современных магрибинцев прямыми потомками пришельцев XI в., учитывая истребление теми очень многих горожан и оседлых крестьян. Косвенно в пользу этого предположения свидетельствуют не только данные лингвистики, но и уважение, которым пользуется до сих пор в Магрибе эпос бану хильяль и других бедуинских племен. Стоит обратить внимание и на распространенность в ряде областей Магриба некоторых имен собственных, таких, например, как Хуари, означающего «бедуин на коне» и происходящего от того же корня, что и «быть безрассудным, смелым, опасным, разрушительным». Это говорит не просто о качественной оценке магрибинцами бедуинов, но и о том, что бедуин в их глазах — синоним доблести и воинственности, достойный уважения, даже когда он опасен.

Разрушенный кочевниками (многие из которых с тех пор постоянно обитают в его окрестностях), Кайруан утратил значение политического и хозяйственного центра, сохранив авторитет центра религиозного. Здесь около ста мечетей и завий (обитателей религиозных братств) — больше, чем в каком-либо другом городе Магриба. Но интерес представляют лишь немногие, такие, например, как мечеть Трех дверей IX в., или Великая мечеть, о которой речь пойдет позже. Все они привлекают как тунисцев, так и иностранных туристов. Наиболее популярна мечеть-завия Сиди ас-Сахиба (букв. «господина спутника»). Ее называют еще мечеть Брадоброя, так как в ней находится гробница Абу Замма аль-Балауи, близкого соратника и брадобрея пророка Мухаммеда. Аль-Балауи участвовал вместе с войсками Окбы Ибн Нафаа в завоевании Магриба, был смертельно ранен в одной из битв и скончался в Кайруане, где и был похоронен. В XVII в. над его гробницей возвели мавзолей, а рядом — мечеть. Купол мавзолея и минарет мечети возвышаются над длинным прямоугольным зданием с мощными стенами. Войдя внутрь, попадаешь в обширный дворик, выложенный мраморными плитами, далее — в следующий дворик, принадлежащий медресе и украшенный красивыми мавританскими аркадами со стройными колоннами и чередованием черных и белых полос по своду каждой арки. Вдоль стен — деревянные скамьи для студентов медресе. Стены выложены керамическими узорами и мозаичным орнаментом, сверху искусно украшены скульптурной лепкой. Вдоль

одной из стен постелен толстый ковер. Дверь ведет в небольшой квадратный зал с мраморным полом, почти целиком покрытым коврами. Стены в зале облицованы цветными изразцами. Здесь стоит гробница святого аль-Балауи под узорчатыми дорогими тканями. Впрочем, разглядеть ее затруднительно, так как вокруг теснятся верующие, особенно мусульманки, закрытые покрывалами. Некоторые из них даже не решаются войти в зал с гробницей и замирают на ковре у входа. При виде всех этих людей, горячо верящих в исполнение святым их желаний (избавить от болезней или помочь рождению ребенка), хочется поскорее выйти на улицу. А выйдя, мы почти все с сожалением оглядываемся: в мечети так много красивого, что за один раз всего, разумеется, не разглядишь. Мне, во всяком случае, пришлось потом читать о различных достопримечательностях мечети Брадобрея, которых я просто не заметил.

О Кайруане мне вспомнилось через много лет в древней марокканской столице Фесе, вернее, в его самой старинной части (Фес аль-Бали). Мы шли по узким, музейным улицам так называемых традиционных кварталов, где буквально на каждом шагу видны приметы раннего средневековья, седой старины нарождавшейся мусульманской цивилизации. Кайруан — первый арабский город в Тунисе. Фес — первый арабский город в Марокко. Вернее было бы сказать, что Фес — это первый город, выстроенный в Марокко арабами. При этом население его вначале составляли преимущественно берберы, притом оседлые, очевидно романизированные (город был заложен примерно в 789 г., а официально основан в 809 г.) и занимавшиеся земледелием, на что указывает само название города — Мадинат Фас (Город мотыги). Берберское селение на правом берегу небольшой речки Уэд Фас продолжалось на левом берегу заметно поднимающимся вверх арабским Мадинат аль-Алия (Верхним городом), в котором поселились пришедшие вместе с завоевателями воины, чиновники, купцы, соответственно строившие крепость, дворец и базар. Была, разумеется, и мечеть, поскольку само появление арабов здесь имело лишь одно оправдание: распространение ислама.

Вскоре население города существенно пополнилось за счет двух волн беженцев — из Кордовы в 818 г. и из Кайруана в 825 г.

— Их было несколько сот семей, вынужденных по-

гнуть родные места по политическим мотивам, — рассказывает гид. — Андалусцы спасались от жестокости кордовского эмира Хакама, который при подавлении восстания в Кордове казнил триста человек. А кайруанцы были недовольны правлением Аглабидов, весьма не твердых в вере.

К этому следует добавить, что изгнанные из Кордовы были берберами, хотя и арабизированными, но в то время находившимися в Кордовском эмирате в неравном по сравнению с арабами положении. По возвращении на родину они надеялись на более достойную жизнь. А кайруанцы, действительно возмущенные не столько деспотизмом, сколько скандальными кутежами и пьянством аглабидских эмиров, не без основания полагали, что в Дальнем Магрибе, где борьба и за арабизацию, и за исламизацию была в самом разгаре, их приверженность исламу и всем предписаниям Корана встретит гораздо большее уважение.

Новые пришельцы, в сущности, и заложили основы подлинно городской жизни в Фесе, жителями которого до их прихода были либо правобережные берберы — сельчане, либо левобережные арабы-воины, более привычные к превратностям походной и кочевой жизни. При этом кайруанцы особенно преуспели в религиозном благочестии и строительстве. Практически они заполнили весь Верхний город, который с тех пор стал именоваться Кварталом кайруанцев, ибо они составили большинство живших на левом берегу арабов (по некоторым данным, до их прихода в Дальнем Магрибе было не более 500 арабов). Кордовские изгнанники, наоборот, поселились среди берберов на правом берегу и, превосходя их по уровню культуры, вскоре настолько ассимилировали первоначальных обитателей этой части города, что она стала называться Кварталом андалусцев. Благодаря жертвованиям благочестивых сестер из богатой кайруанской семьи Аль-Фихри оба квартала получили возможность выстроить свои мечети. Они так и называются: мечеть Андалусцев и мечеть Кайруанцев. Первая из них, выстроенная на средства младшей из сестер, Мирнам, и сейчас поражает великолепием подковообразной арки и мозаичных украшений высокого портала, а главное — совершенством декоративной резьбы деревянных ворот. Вторая, строившаяся с 859 г. старшей сестрой, Фатимой Умм аль-Бани, целых 15 лет, заслуживает особого разговора.

Мечеть Кайруанцев по-арабски называется Масджид Аль-Карауийин. Сокращенно ее именуют просто Карауин. Такие мечети в первые века арабского господства были во многих городах Ближнего, Среднего и Дальнего Магриба. Кайруан был главным форпостом арабов, священным городом мусульман и резиденцией наместника дамасских (до 750 г.), а затем — багдадских халифов. Поэтому выходцы из этого города направлялись наместником халифа в другие города по мере их возведения и освоения Магриба арабами. Например, в Тахерте в IX в. существовали «мечеть пришедших из Кайруана и их базар». Многие кайруанцы покидали родной город и по собственной воле, из-за обстоятельств, которые не всегда благоприятствовали спокойной жизни: войн, осад, репрессий и разорений, периодически обрушивавшихся на Кайруан.

Кайруанские мечети во всех других городах Магриба со временем были разрушены или переименованы. Сохранилась лишь мечеть Карауин в Фесе, которая теперь единственная носит это имя. Она не раз перестраивалась за счет присоединения к ней различных медресе, ибо в соответствии с традицией ислама мечеть — не только религиозное, но и культурно-просветительное учреждение, а также центр науки, под которой в средние века понималось прежде всего богословие. Овладевший Фесом кордовский халиф Абд ар-Рахман III построил в 956 г. нынешний минарет мечети и примыкающую к ней библиотеку. Мечеть и ее внутренний двор, не вмещавшие всех желавших помолиться, были расширены при альморавидском эмире Али Ибн Юсуфе (1107—1143).

В течение веков Карауин был таким же символом магрибинского ислама и всего, что с ним связано, как и Кайруан. Это давно уже не столько мечеть, сколько центр религиозной мысли и религиозного образования, каковое в средние века нередко было формой любого образования. Здесь учились Абу Абдаллах Мухаммед аль-Идриси (1100—1166), впоследствии великий арабский географ и путешественник; Абу Бекр Ибн Баджа, называвшийся европейцами Авемпас или Авенпаце (конец XI в. — 1138 г.), ставший известным философом, врачом, поэтом, математиком и астрономом; знаменитый писатель и путешественник Мухаммед Ибн Баттута (1304—1377). Да и среди тех, кто преподавал в Карауине, немало выдающихся людей арабской науки и

культуры: блестящий историк и философ Абд ар-Рахман Ибн Халдун (1332—1406); Хасан ибн Мухаммед аль-Ваззан, более известный как Лев Африканский (1495—1550), крупнейший в средние века исследователь Азии и Африки; Бен Маймун или Маймонид (1135—1204) — крупный средневековый авторитет в медицине, философии и законоведении, впоследствии личный врач знаменитого египетского султана Салах ад-Дина (Саладина).

Ныне Карауин — одновременно мечеть IX в., известный далеко за пределами Магриба мусульманский университет, крупнейшее в Марокко хранилище книг и рукописей, а также комплекс учебных заведений современного типа. Только относящихся к нему медресе теперь 895. Кроме теологического факультета он включает ныне «светский» факультет права, осовремененные колледжи и начальные школы. Во всяком случае, покидая Фес, мы видели здания с вывеской «Карауин» даже на окраинах города, а около них толпы учащихся разного возраста, в том числе и школьниц в белых и голубых халатиках. Это само по себе занятно: обучение девушек под эгидой мусульманского университета, еще недавно твердо стоявшего на том, что образование — удел исключительно мужчин. Ветер перемен косянулся даже оплота теологии, базирующейся на незыблемости Корана и шариата... Эту незыблемость, впрочем, мы ощутили самым непосредственным образом, ибо так и не смогли войти в мечеть Карауин, осмотреть ее знаменитый «запретный двор» и другие помещения. Мы лишь взглянули на нее с улицы, сумев различить частично закрытый циновками расписной паркет, немногочисленных верующих, оставивших обувь у входа. Через другие ворота мечети видны подковообразные арки, близна стен и глубокая зелень черепичной крыши, квадратный бассейн для омовения с большой чашей фонтана, а за ним роскошный портал, искусно сочетающий серебристую голубизну и густую синеву мозаики, лепки, резьбы по камню.

— Этот бассейн, — говорит нам гид, — точная копия такого же при мечети Омейядов в испанской Кордове.

Постояв у ворот знаменитой мечети и, возможно, одного из первых в мире университетов, мы двинулись дальше. Было досадно, что не удалось осмотреть Карауин изнутри, хотя известно, что как памятник архитектуры — это не самая важная достопримечательность

Феса. Но, конечно, самая старинная... Мы с любопытством наблюдали за входившими в Карауин и выходящими оттуда молодыми людьми в черных, серых и полосатых джеллябах, иногда в тюрбанах или фесках. Они оживленно переговаривались, смеялись, но умолкли при виде пожилого смуглого человека невысокого роста в белой джеллябе с накинутым на голову капюшоном. Очевидно, «толба» («студенты») увидели своего «шейха» («профессора»). Когда-то, например в XIV в., шейхи и толба составляли около половины населения Феса. Причем большинство из них жили тут же, в Карауине.

Глядя на предполагаемого шейха, я вспомнил других шейхов Карауина, виденных мною ранее. Первый из них, Мухаммед аль-Фаси, был когда-то даже ректором Карауина. Высокий, прямо державшийся, моложавый, деловой, свободно и изысканно говоривший по-французски, строго поглядывая сквозь стекла очков, он производил бы впечатление почти европейского академика, если бы не тюрбан, не белоснежная джелляба с капюшоном, откинутым на спину, и не расшитые золотом бабуши. Дело было в Москве, на Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. Мухаммед аль-Фаси выступал с докладом на заседании секции истории арабских стран, рассказывал о богатом фонде арабских рукописей Карауина, говорил быстро, четко, сжато. В нем, если отвлечься от костюма, не было ничего от религиозного деятеля. Наоборот, чувствовалась привычка современного интеллигента ценить и свое, и чужое время. Это и неудивительно: Мухаммед аль-Фаси, один из видных представителей образованной элиты Марокко, занимал посты министра просвещения и министра по делам молодежи в первых правительствах независимого Марокко, затем стал ректором основанного в 1957 г. университета в Рабате, несколько лет работал в ЮНЕСКО.

Второго шейха из Карауина мне довелось увидеть лет через десять, и тоже в Москве. Это был Абд аль-Азиз Бен Абдаллах, директор Национального центра арабизации Марокко, одновременно читавший лекции в Карауине и на филологическом факультете Рабата. Он тоже был одет в джеллябу, но без тюрбана, говорил по-французски, но напевностью и метафоричностью своей речи как бы напоминал о том, что его родина принадлежит Востоку.

— Карауин, — сказал он, — несколько лет назад от-

метил одиннадцатое столетие своего существования. Уже тысячу лет он продолжает играть важную роль в интеллектуальной и политической жизни страны. Он всегда был центром мирового значения, чье влияние чувствовалось в разных концах света, и особенно в Африке.

Бен Абдаллах особенно гордился тем, что Карауин основан на 110 лет раньше каирского Аль-Азхара, возникшего в 969 г.

Открываю книгу Бен Абдаллаха «Ислам в его истоках», подаренную мне с надписью: «На память от автора. 17 сентября 1969 года. Абд аль-Азиз Бен Абдаллах». В ней говорится, что в Европе университеты возникли намного позже Карауина: в Салерно — спустя 191 год, в Париже — 321 год, в Падуе — 363 года, в Саламанке — 384 года, в Оксфорде — 390 лет, в Кембридже — 425 лет. Поэтому неудивительно, что в Карауин ехали учиться не только все арабы и все мусульмане, но и «иностранный всех национальностей и всех религий», в том числе европейцы. Фес в те времена был, по выражению Бен Абдаллаха, «симбиозом науки Кайруана и Кордовы», «Багдадом Магриба», или, как называл его один из европейских исследователей, «Афинами Африки». Рассказывали даже, что один испанский монах специально прошел полный курс обучения в Карауине, что будто бы папа Сильвестр II именно в Карауине научился употреблению арабских цифр, которое впоследствии ввел в Европе.

Конечно, эти страницы книги Бен Абдаллаха можно считать патристическими преувеличениями, чрезмерными проявлениями национальной гордости. Но вот в другом месте читаем: «Карауина Аверроэса и Ибн Халдуна больше не существует». Почему? «Даже в области канонического права и арабской филологии преподавание утратило глубину. Что же касается изучения наук, то в этом деле на протяжении последних веков провалы становились все более явными. В мусульманских канонических школах произошло то же самое, что в свое время происходило в средние века у христиан». Мысль для нас не новая, но достойная быть отмеченной в произведении шейха Карауина. А в том, что он действительно человек верующий и мыслитель сугубо религиозный, убеждает чтение других глав той же книги. Достаточно лишь перечислить их заголовки: «Дух и материя», «Гуманизм ислама», «Общественный характер ис-

лама», «Подлинная вера», «Гибкость и удобность ислама», «Практическая мораль ислама», «Ислам и наука», «Обновление ислама», «Исламизация Африки».

Не стоит удивляться религиозности Бен Абдаллаха, образованного историка, филолога и юриста (он окончил в 1946 г. Алжирский университет со степенью лиценциата права и литературы), много лет возглавлявшего систему высшего образования и научных исследований Марокко. Религиозность — почти неизбежное качество магрибинского интеллигента, получившего образование на арабском языке, к тому же в период 40—50-х годов, ознаменовавшихся триумфом идей национализма, неотъемлемой частью которых является приверженность исламу и преклонение перед арабо-исламской цивилизацией. Удивляться надо другому: горячему стремлению столь убежденного мусульманина к научному знанию, его гордости достижениями родной страны и родного города в деле подлинного просвещения. И разве не заслуживает внимания следующий тезис Бен Абдаллаха: «Ценность всякого религиозного понятия должна подтверждаться его приспособленностью к современной жизни». В этом главная идея современного «обновленчества» в исламе, или мусульманского модернизма, который не обошел стороной и Карауин.

Сиди Окба и Сиди Бумедьен

Из Карауина — опять в Кайруан! Но вовсе не для сравнения. Кайруан — первый арабский город, и в нем первая в Магрибе мечеть, называемая Великой. Когда мы подошли, вернее, подъехали к ней на автобусе, первое, что бросилось в глаза, — это множество контрфорсов с полого срезанным верхом у высокой и толстой стены, издали белой, вблизи сероватой и облупившейся. Сняв обувь, мы прошли по соломенным циновкам полутемного молитвенного зала со множеством колонн, нижняя часть которых также была закрыта циновками. Капители колонн выполнены в античном стиле. Попав во внутренний двор, мы поразились его размерам, обрамляющей его тройной колоннаде с подковообразными арками, громадному трехъярусному четырехгранному минарету, представляющему собой массивную башню явно военного назначения, несмотря на белый ребристый купол с тремя декоративными шарами на самом верху.

— Двор выложен мрамором, — сообщил гид. — Он занимает до двух третей всей территории мечети, имеющей длину сто двадцать пять метров, а ширину семьдесят пять метров. Высота минарета тридцать пять метров.

По внутренней лестнице мы поднялись на второй этаж башни. Отсюда великолепный вид на Кайруан, кажущийся сверху скоплением разнообъемных сахарно-белых квадратов, и на окружающую его сероватую степь. Недаром, как нам рассказывают, раньше минарет использовался для военных целей, так как давал возможность обзора местности километров на восемь-десять в любую сторону. Сверху также хорошо видна толщина окружающих мечеть стен. Когда-то город не имел иных укреплений и стены мечети одновременно служили как бы крепостью.

— Минарет был построен еще эмиром Хасаном, — говорит гид.

Каким именно? Судя по всему, гид имел в виду Хасана Ибн Нумана, который, будучи наместником Магриба (695—705), непрерывно воевал с берберами и византийцами, а в 698 г., захватив Карфаген, заложил недалеко от него, на месте финикийско-римского поселения Тунет, новый город Тунис, давший впоследствии название всей стране.

Но вернемся к Великой мечети Кайруана. По преданию, ее основал одновременно с городом Окба Ибн Нафаа. Но после этого она трижды разрушалась и перестраивалась, наиболее основательно в 774 и в 836 гг. Тем не менее она называется Сиди Окба (Господин мой Окба). Связано это с ролью и личностью самого Окбы, а также его потомков в истории Туниса и всего Магриба. Талантливый полководец, человек безумной отваги и неукротимой воли, Окба первым среди арабских военачальников прошел через всю Северную Африку от Египта до Атлантического океана и, въехав в океан на коне, сказал: «Призываю Аллаха в свидетели, дальше идти нельзя». Окба погиб на обратном пути на востоке современного Алжира, близ оазиса, с тех пор называющегося Сиди Окба. После своей гибели он был провозглашен святым, а над его могилой в мечети оазиса был воздвигнут мавзолей, ставший с тех пор местом паломничества окрестных жителей. Потомки Окбы в последующие годы участвовали в повторных походах по покорению Среднего и Дальнего Магриба, Судана и Саха-

ры, руководили многими морскими экспедициями арабов (только в первой половине VIII в. арабский флот из Туниса 20 раз нападал на Сицилию и Сардинию). Известно, что правнук Окбы командовал в 752 г. набегом на юг Франции и 11 лет, с 744 по 755 г., правил Тунисом самостоятельно, изгнав наместника халифа.

Из уважения к самому полководцу и его заслуженному роду последующие наместники багдадских халифов и сменившие их аглабидские эмиры (остававшиеся наместниками лишь формально) сохранили за Великой мечетью Кайруана имя ее основателя. Но от первоначального здания, заложенного самим Окбой, сохранился лишь михраб — ниша в стене, указывающая направление на Мекку. Впрочем, нынешний михраб, как нам сказали, скрыл в 836 г. прежний, времен Окбы, после того, как был богато украшен. Мы любуемся этими украшениями — изразцами и мраморными плитками с арабесками в виде виноградной лозы. Им более 1100 лет! И все же крадывается мысль, что сам Окба, суровый воин и фанатик джихада (священной войны), вряд ли допустил бы подобные излишества. Та же мысль приходит и при виде декоративного мимбара — кафедры, с которой имам обычно произносит в мечети проповедь. Этот мимбар, изготовленный из платанового дерева, был установлен в мечети Сиди Окбы в 836 г. при Аглабидах, которые думали уже не только о завоеваниях и распространении ислама, но и об удовольствиях, в том числе эстетических. Кроме того, Аглабиды считали необходимым пышностью своих построек и изяществом их отделки подчеркнуть значение своей власти. Об этом не стоит забывать, восхищаясь великолепным резным орнаментом мимбара, представляющим собой сплетение узоров в виде листьев, плодов, ягод, гроздьев винограда.

Кстати, не только Аглабидам были свойственны стремление украсить постройки в целях возвеличения своего господства и желание использовать с выгодой для себя авторитет Окбы. Алжирский историк Рашид Буруиба, специально изучавший искусство мусульманской архитектуры Магриба в различные эпохи, установил сходство между скульптурными деревянными украшениями мечети Сиди Окбы в Кайруане и таковыми у входа в его гробницу в оазисе Сиди Окба. И те, и другие были выполнены в XI в. при эмирах из берберской династии Зиридов. Обнаружены и другие следы влияния

архитектуры мечети Сиди Окбы на принципы построения и особенности декора магрибинских мечетей последующих эпох, прежде всего на востоке Алжира.

Мечеть Сиди Окбы — многозначный символ: прихода арабов в Магриб и вообще в Африку (что выражается в суровой простоте ее внешнего облика и в типично восточной планировке), распространения ими ислама (о чем говорит последующая забота о мечети), их непрерывных войн (что доказывается самим характером мечети-крепости). Она — как бы переход от арабских построек раннего периода к более типичным, сложным и прихотливым сооружениям магрибинского средневековья.

Таковы, в частности, мечети Тлемсена, старинного города на западе Алжира, где в свое время римляне выстроили укрепленный лагерь Помарию, на месте которого затем берберы возвели крепость Агадир. Агадир увидел первых мусульман через год после основания Кайруана. Соперник и преемник Окбы, Абу аль-Мухаджир, пришел сюда с войском в 671 г. и оставил о себе память в названии горного источника Айн аль-Муджир («айн» по-арабски «источник», «аль-Муджир» — искаженное временем имя полководца). Через 10 лет здесь побывал и сам Окба, возвращенный к власти и совершавший свой знаменитый поход. Арабы не задержались, однако, здесь. Лишь в 790 г. берберские правители крепости признали верховенство государя Феса Идриса I, который заложил тут мечеть и посадил наместником своего брата Сулеймана. После падения власти потомков Идриса город подпадал под господство то различных соперничавших племен, то халифов Кордовы, то других правителей, пока его не захватили пришедшие из Сахары фанатичные аскеты Альморавиды. Наиболее видный и грозный представитель этой династии Юсуф Ибн Ташфин (1061—1107) выстроил к западу от Агадира в 1079 г. новый город Таграрт и заложил в нем мечеть, сохранившуюся с той поры и названную Великой. При следующей династии — Альмохадах (1145—1269) — оба города фактически слились, хотя и были разъединены стеной, отделявшей простой народ старого города от власть имущих нового города. Подлинное объединение обоих городов в единую, по словам великого арабского историка Ибн Халдуна, «столицу Среднего Магриба» произошло уже в государстве Зайянидов (1235—1554), созданном предводителем одного из

племен берберов — зената — Ягмурасаном Ибн Зайяном (1235—1283). При Ягмурасане город и стал называться Тлемсен (по-берберски «Источники») ввиду множества источников с целебной или просто вкусной и чистой водой в окрестностях.

Мы стоим на Корниш — нависающем над Тлемсеном горном карнизе, куда нас привез по крутому петляющему серпантину Хамуда Ишми, ответственный за информацию и ориентацию в национальном комиссариате правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО) вилайи, то есть провинции, Тлемсена. Слушая его, любуемся панорамой города, широко раскинувшегося на всхолмиях волнистой долины у подножия горы.

— Мы находимся на плато Лаллы Сетти, — говорит Хамуда Ишми. — Так называли это место в честь святой проповедницы ислама в четырнадцатом веке. Недалеко отсюда ее гробница.

Показав, где находится гробница, он терпеливо ждет, пока я запишу в блокнот то, что он сообщил. С интересом наблюдаю за ним и начинаю расспрашивать. Ишми — невысокий, худощавый, смуглый, в больших очках, с копной беспорядочно вьющихся темных волос. Его фамилия — диалектный вариант классического арабского эпитета «шами» («сириец»), что указывает на сирийское происхождение его рода. В Магрибе много таких фамилий, восходящих ко времени прихода арабов и свидетельствующих, что род или племя носителя данной фамилии пришли из той или иной местности Арабского Востока (например, «аль-Макки» — «мекканец», «аль-Ямани» — «йеменец», «аль-Мадани» — «мединец» и т. п.). Такие фамилии, так же как и прямые указания на принадлежность к племенам бану хилляль (например, «аль-Хилляли» — «хиллялиец», «аль-Бадауи» — «бедуин», «Раххаль» — кочевой, «Фарес» — «всадник»), в XI в. заселившим равнины и плато Среднего Магриба, особенно часто можно встретить на западе Алжира. Но, может быть, Ишми андалусец. Их много среди арабов Тлемсена, а, как известно, часть андалусцев была сирийского происхождения.

Беседуя со мной об этом, Ишми сдержанно кивает, хотя, возможно, соглашается не со всем. Он любит родной край и предпочитает говорить о нем, а не о происхождении своей фамилии. Улучив момент, он меняет тему разговора:

— Взгляните отсюда на город. Не правда ли, вели-

колепный вид? И как выбрано место! Недаром в старину Тлемсен называли не иначе, как «хранимый Аллахом». А один из средневековых историков, глядя на город именно с этого места, сравнил его с невестой на брачном ложе.

Красочные поэтические сравнения, упомянутые Ишми, можно продолжить. Мне как-то пришлось разговаривать с известным алжирским художником Баширом Йеллесом, уроженцем Тлемсена. Речь, в частности, заходила и о красоте его родного города, и о том, что он, пожалуй, дал больше всего мастеров алжирскому искусству вообще, изобразительному в особенности.

Продолжая любоваться панорамой Тлемсена, вспоминая отличную дорогу к городу, идущую вдоль зелени и золота холмов, пашен, виноградников и оливковых рощ, среди которых то белеют новенькие свежевстроенные деревни с обязательным рафинированным минаретом мечети над равниной крыш, то желтеют старые поселки колонистов с заброшенными или разрушенными церквами. А вот сейчас, когда мы как бы воспарили над городом и его окрестностями, видна даже какая-то синеватая дымка, окрашивающая город и окружающие его холмы в нежно-лазоревого тона. Здесь, конечно, всегда было раздолье для художников и поэтов, музыкантов и мечтателей. Вспоминается прежде всего национальный герой алжирцев эмир Абд аль-Кадир, возглавивший в прошлом веке борьбу против колонизаторов. Он написал по случаю вступления его войск в Тлемсен такие строки:

Увидев меня, красавица протянула мне свою руку
для поцелуя.

Я поднял покрывало, скрывавшее тонкий овал ее лица,
Мое сердце затрепетало от радости и счастья.
Ее алые щеки напоминали плающий огонь...

В какой мере все эти восторженные гиперболы оправданы? С Корниш — гигантской смотровой площадкой скалистого плато Лалла Сетти, вздымающегося над городом с юга, — Тлемсен действительно сказочно красив. Сверху хорошо видны скопления домов, белоснежно отражающих солнечный блеск на фоне густой зелени садов и бульваров, длинные, извилистые ленты шоссе и главных улиц, белые кубики домов традиционных кварталов и высоко взлетевшие над ними четырехгранники минаретов, разноцветные, оригинальной окрас-

ки стены недавно выстроенных многоэтажных зданий. Алеют двускатные черепичные крыши, чередующиеся с плоскими, используемыми хозяевами как балконы для отдыха и просушивания белья. Впрочем, в современных домах есть балконы и лоджии. Старина и новь Магриба живут здесь бок о бок, не тесня друг друга. Кажется, что они не только не мешают, но даже помогают друг другу.

— Здесь, в горах Тлемсена, просто второй рай. Недаром сюда присылают на заслуженный отдых ветеранов, много сделавших для отечества, — говорит сопровождающий нас историк Мухаммед Гентари, полной грудью вдыхая горный воздух.

Следуя его примеру, вспоминаем только что мелькнувший по дороге рекламный щит с плакатом: «Национальная кампания за чистоту и здоровье проводится с 10 мая по 30 июня 1979 года». Сегодня — 27 мая 1979 г. Следовательно, кампания в разгаре, и мы в ней тоже участвуем, хотя бы тем, что не торопимся покинуть это благодатное место. Оздоровительные кампании здесь можно проводить, судя по всему, круглый год. Со временем будет сооружен, очевидно, где-нибудь вблизи от этого места обзор «храм воздуха» и горный курорт. Сейчас же видны лишь отдельные виллы, расположенные вдали от дороги, как удается заметить, довольно красивые, выстроенные в столь характерном еще для колониального Алжира претенциозном псевдомавританском стиле.

Пора спускаться вниз. С 800-метровой высоты город достоин всех тех громких эпитетов, которые упоминались выше. Въехав в него, убеждаемся, что он еще лучше при ближайшем рассмотрении. Много зелени, прохлады, какого-то ощущения уюта и гармонии, хотя дома — самые разные и не похожи один на другой. На улицах многолюдно, но никакой спешки и толчеи. Наоборот, в поведении прохожих, одетых и по-современному, и в традиционные мусульманские костюмы, ощущается какое-то спокойное достоинство. Ловлю себя на мысли, что таким и должен, очевидно, быть идеальный город, если таковой вообще возможен: не перенаселен, не загазован, удобен, красив, свободен от скученности и суеты. В Тлемсене помимо природных особенностей известную положительную роль играет отсутствие заражающих атмосферу производств и удаленность от морского побережья, которое притягивает жителей внутрен-

них областей. В городе (по данным 1974 г.) всего 80 тыс. человек, живущих преимущественно торговлей и ремеслами. Но хочется почему-то верить, что в создании благоприятных условий для жизни Тлемсена немалый вес имеет и наследование исторических традиций городской цивилизации, сменявших друг друга на этой земле различных эпох и династий. Как местные, так и прибывавшие сюда из разных уголков Средиземноморья — от Пиренеев до Малой Азии — правители обычно не ломали этих традиций.

Вчера и сегодня (разумеется, в историческом смысле) здесь еще иногда путаются. Из экзотической лавки ремесленника можно попасть прямо в кинотеатр, а из ультрасовременного магазина — в мечеть. Названный средневековым именем «Зайяниды», отель являет собой образец сверхмодерна внутри и подражания феодальному замку снаружи. Расположенная недалеко от него старая крепостная стена поросла мхом и производит впечатление запущенности, в то время как в самом отеле мы смотрим на телеэкране документальный фильм о Ленинграде и памятных местах Октябрьской революции...

С утра следующего дня направляемся в центр города, на площадь эмира Абд аль-Кадира. Почти вся она занята большим и тенистым сквером, под каждым деревом которого расставлены стулья и столики большого кафе. Большинство сидящих — старики в белых, серых и коричневых джеллябах, в традиционных тюрбанах, иногда с золотистыми или цветными повязками на красных фесках. Они степенно беседуют, медленно перебирая четки или потягивая кофе из маленьких чашечек. Кое-где среди них можно увидеть и молодых людей в пиджаках или белых рубашках, без какого-либо головного убора. Они, в отличие от старшего поколения, либо читают газеты, либо явно томятся в ожидании, то и дело покидая свои места и подходя к окружающим площадям многочисленным киоскам.

Недалеко от площади — национальный комиссариат партии ФНО и мэрия. Мы встречаемся с Хамудой Ишми и отправляемся на экскурсию по городу. Ишми рассказывает, что Тлемсен испокон веков был центром ремесел, особенно ковроткачества, и остается таковым и сейчас. Я вспоминаю, что первым из алжирских писателей у нас стал известен тлемсенец Мухаммед Диб, в чьих романах (в частности «Большой дом» и «Ремесло ткача»), переведенных на русский язык, описывается

жизнь обитателей Тлемсена накануне второй мировой войны.

— Сейчас многое изменилось, — говорит Ишми. — Но тлемсенские ковры по-прежнему знамениты и на девяносто пять процентов экспортируются в Европу, что пополняет наши валютные запасы. Техника их выделки меняется. Раньше преобладали цветные ковры ручной работы, делавшиеся чаще всего в соответствии с традициями ковроткачества Кайруана. Ныне их вытесняют иные, окрашиваемые способом штамповки. В основном их производят мелкие мастерские, среди которых всего десятка два имеют более чем по двадцать работников.

Мы и сами замечаем, проходя мимо лавок, мастерских и ателье, которых здесь видимо-невидимо, что в каждом таком помещении, иногда втиснутом в полуподвал или в погреб, обычно не больше двух мастеров или мастериц — ткущих, вяжущих, режущих или еще что-то делающих. Как правило, вход к ним с улицы свободен. Но нередко бывает и так, что самих хозяев просто не видно за плотной кучкой столпившихся то ли покупателей, никуда не спешащих, то ли соседей, которым надоело работать у себя в мастерской и захотелось прогуляться, то ли родственников, пришедших поразвлечь хозяев. Обычно такая небольшая толпа у входа не торопится расступаться перед вновь прибывшими и сладостно предается наслаждению тягучей, как мед, и повосточному вежливой, приятной беседы.

Это вовсе не означает, что тлемсенцы вообще никогда не спешат. Наоборот. Достаточно посмотреть на быстрые, точные движения ковроделов, прядильщиц, сапожников, шорников, чтобы убедиться в обратном. Неподвижный на первый взгляд торговец, казалось приросший к своему стулу, начинает демонстрировать завидную живость движений и особенно речи, как только замечает, что посетитель вошел в его лавку не просто из любопытства, а что-либо купить. Помню, как еще в первый свой приезд в Тлемсен я заглянул в одну из лавок, где продавались одеяла и покрывала на кровати. Продавец не тронулся с места, не сделал никакой попытки меня заинтересовать и проводил равнодушным взглядом. Потом мне объяснили:

— Он торговал хашаиш — одеялами, которые в основном идут на приданое алжирским невестам, особенно на юге страны. В приданом должно быть не менее семи-восьми таких одеял. Но зачем они европейцу?

Обычно хашаиш — это вытканые вручную покрывала из чистой шерсти с геометрическим узором (квадратным, ромбовидным, чаще всего шахматным) яркой и многоцветной окраски, в которой преобладают черные, красные, желтые и коричневые тона.

— Разве вы не знаете, — спросил меня потом один алжирский историк, уроженец Тлемсена, — что производство покрывал в Тлемсене славится с семнадцатого века? Его наладили изгнанные из Валенсии андалусцы, о которых в Тлемсене вообще напоминает многое.

Начинаем знакомиться с историческими памятниками Тлемсена, в первую очередь с Великой мечетью. Заложена она была в 1102 г. Юсуфом Ибн Ташфином, но в 1125—1136 гг. ее перестроил его сын Али (1107—1143), да так, что именно этого альморавидского правителя, ханжу и морализатора-казуиста, стали считать строителем Великой мечети Тлемсена. Очевидно, вскоре после смерти Али она подверглась разрушению, ибо в 1145—1146 гг. ее пришлось восстанавливать первому правителю из династии Альмохадов — искусному полководцу Абд аль-Мумину. Может быть, в связи с этим исследователи всегда искали и находили сходство в планировке и внутреннем убранстве Великой мечети Тлемсена с мечетями Кутубийя в Марракеше и Карауин в Фесе, которые относятся к наиболее известным постройкам эпохи Альморавидов и Альмохадов, правивших всем Магрибом и стремившихся объединить его не только в политическом, но также в духовном и культурном отношении. Эти династии владели и арабо-мавританской Андалусией, блестящие достижения которой в области культуры стали образцом для подражания во всех остальных владениях Альморавидов и Альмохадов.

— Великая мечеть Тлемсена, — говорит нам Ишми, — является яркой иллюстрацией роли Альморавидов как связующего звена в истории искусства мусульманского Запада. План зала для молитвы с его куполами над центральным нефом, форма арок и михраба, окружающий михраб декор напоминают великую мечеть Кордовы.

В общем Ишми прав, хотя в деталях, например относительно плана мечети, его утверждения не совпадают даже с алжирскими исследованиями мусульманского искусства. Тем не менее мы продолжаем его слушать, осторожно ступая по циновкам и толстым пестрым коврам, сплошь устилающим пол мечети. Огромный зал

(49×25 метров) почти пуст. В отличие от мечети Сиди Окба, здесь мало колонн, вернее, они теряются за мощными прямоугольными или многогранными в поперечнике столбами — пилонами. Гигантские подковообразные арки чередуются с многолопастными. Это придает всему пространству мечети особенно нарядный и изысканный вид.

— Такие же арки в Великой мечети столицы Алжира и в Карауне в Фесе, — сообщает Ишми, перехватывая наши удивленные взгляды. — Все они выполнены по кордовским образцам. — И добавляет: — Ведь это все строилось в те времена, когда великий аль-Идриси писал о Тлемсене как о городе прекрасных садов, предельно чистой воды и обильных плодов, а о тлемсенцах — как о самых богатых жителях Магриба.

Так и кажется, что создатели мечети сделали все, чтобы всякий вошедший вспомнил о славных для Тлемсена временах. Мы смотрели на великолепную люстру, на играющие всеми цветами радуги витражи над высоким порталом, сквозь который видны аркада и пилястры внутреннего дворика. Михраб мечети напоминает таковой мечети Сиди Окбы в Кайруане и в то же время отличается большей прихотливостью своей трапециевидной формы и многообразного декора.

Верующих в мечети немного. В разных местах зала несколько человек замерли на коленях, присев на пятки и опустив голову. Их мало, потому что мы пришли не в час очередной молитвы. К нам подходит имам мечети, пожилой плотный человек в тюрбане, пиджаке и широких шароварах турецкого типа. Он рассказывает об истории мечети, о ее архитектуре и значении для города. Очевидно, Ишми предупредил его о нашем визите.

— Больше всего народу, — говорит имам, — здесь бывает по пятницам. Мечеть вмещает до семи тысяч человек. Но для ежедневной пятикратной молитвы верующим незачем ходить сюда. Для этого есть мечети в каждом квартале. Но наша — первая по значению. Далее следуют Сиди Брахим, Сиди Бумедьен и Сиди Хальви.

Порядок, в котором перечислены главные мечети Тлемсена, соответствует их размерам и способности вместить наибольшее количество молящихся. Но по значению, по известности, по исторической ценности и даже по чисто религиозному влиянию все мечети Тлемсе-

на, даже Великую, превосходит мечеть Сиди Бумедьен. Она названа в честь святого покровителя города Сиди Бумедьена, как называют в Алжире на разговорном марокканском языке Шуаиба Абу Мадьяна, наиболее чтимого до сих пор не только в Алжире, но и во всем Магрибе марабута (святого дервиша) и суфия (аскета-мистика), подвижника и проповедника. Родился он в Андалусии (в Севилье) в 1126 г., учился в Фесе и проповедовал свое учение в Беджайе (на востоке Алжира), быстро став популярным во всем Магрибе, так как призывал к опрощению и отказу от богатства, одевался в грубый шерстяной плащ и вел бродячий образ жизни отшельника, хотя и обладал высокой для своего времени культурой. По дороге в Марракеш, столицу Альморавидов, куда он был приглашен халифом, Абу Мадьян заболел и умер в 1188 г. в Аль-Уббаде, небольшом местечке на юго-восток от Тлемсена. Здесь он был похоронен, над его могилой воздвигнут мавзолей, а само местечко переименовано в Сиди Бумедьен и впоследствии слилось с Тлемсеном.

После смерти марабута стали почитать еще больше, а его могила превратилась в объект поклонения и паломничества магрибинцев. О Сиди Бумедьене существует большая литература и сложено немало народных преданий. Он оставил много последователей, среди которых наиболее известен Аль-Хабба, провозгласивший: «Нет никого сильнее бедняков и никого ничтожнее богачей». Стихийный демократизм и религиозное освящение принципа равенства людей до наших дней привлекают к Сиди Бумедьену и его приверженцам симпатии рядовых верующих. Неудивительно в этой связи и то, что один из руководителей алжирской революции 1954—1962 гг., Мухаммед Бухарруба, взял себе псевдоним Бумедьен, под которым он и стал известен всему миру в качестве лидера революционного Алжира.

Культ Сиди Бумедьена в Тлемсене естественно предопределял создание здесь рано или поздно мечети его имени. Но поскольку святого называли «наставником страны» (имея в виду Магриб в целом), возведение храма его имени должно было явиться делом не местной, а общемагрибинской власти в лице выдвинувшейся из марокканских берберов восточной династии Меринидов. Наиболее могущественный из Меринидов — «черный султан» Абу-ль-Хасан (1331—1351), — взял Тлемсен штурмом и через 10 лет стал властителем всего Магри-

ба, заняв Тунис. Глубоко символично, что уже в 1338 г. он начал и в 1339 г. закончил строительство мечети Сиди Бумедьен, культ которого он всячески поощрял.

По дороге к мечети вспоминаю, как шел к ней в первый свой приезд в Тлемсен. Хотя и смеркалось, найти дорогу было легко, ибо всюду щедро расставленные указатели не давали сбиться с пути, а высокий, искусно подсвеченный минарет был хорошо виден издали, даже когда стало быстро темнеть. Дорога, помнится, шла мимо каких-то заброшенных мест, а потом через старинный квартал (очевидно, когда-то называвшийся Аль-Уббад), изумлявший обилием бесчисленной детворы, со смехом, шумом и гамом носившейся взад и вперед. Тогда мне удалось лишь заглянуть внутрь мечети, в ярко освещенный зал, где шла молитва. Удивило тогда многое: старинные кафтаны с откидными рукавами и золотое шитье на тюрбанах мусульман, отдохнувших после молитвы, их дружелюбие и словоохотливость, немыслимые в таком месте при встрече с иностранцем-немусульманином во многих других арабских и вообще мусульманских странах, хорошая французская речь именно этих, судя по всему, завсегдатаев мечети, не только одевавшихся, но и мысливших, очевидно, по традиционным канонам ислама. Нежелание людей такого типа, да еще около мечети, общаться с «неверными» иногда, как сказал мне один знаток Магриба, доходит до полного пренебрежения привычной восточной вежливостью. Например, на приветствие «Ас-салям алейкум» («Мир вам») могут ответить не «Ва алейкум ас-салям» («И вам мир»), а совсем по-другому: «Ас-салям аля муминин!» («Мир правоверным!»). В Тлемсене, да и вообще в Алжире мне такого слышать не доводилось.

Подъезжаем к мечети. Разумеется, ничего узнать нельзя. Очевидно, теперь мы ехали другой дорогой и оказались у мечети совсем с другой стороны. Кроме того, в тот раз были сумерки, а сейчас — яркое солнце. Пожалуй, лишь глухие, побеленные стены домов и теснота изогнутых переулков те же самые. Сначала Ишми показывает нам остатки дворца Абу-ль-Хасана и еще какие-то постройки его времени.

— Этот меринидский султан, матерью которого была эфиопка, — говорит Ишми, — знал, что тлемсенцы чтут Сиди Бумедьена. Поэтому он решил построить мечеть у его могилы, чтобы заставить жителей города

принять его власть и забыть грабежи, учиненные его воинством. Кроме того, Абу-ль-Хасан вообще чтит святых марабутов. Ведь грабеж Тлемсена после захвата он прекратил по просьбе Абу Зейда и Абу Мусы, ученых улемов, сыновей известного марабута имама Мухаммеда из Тенеса. В их честь впоследствии была сооружена мечеть Улад аль-Имам (Сыновей имама), которая сохранилась до наших дней.

Ишми рассказывает и про других известных в истории Тлемсена марабутов, в частности севильского кади Абу Абдаллаха Шудси, оставившего богатство и власть ради полной превратностей судьбы суфия в начале XIII в.

— Став марабутом, — продолжает Ишми, — он переехал из Андалусии в Магриб и обосновался в Тлемсене, где его прозвали аль-Хальви (Сладкий) за то, что он любил раздавать сладости детям и играть с ними. Именно он положил начало плеяде святых мудрецов, сочетавших науку, фантазию, аскетизм и молитву. Мечеть его имени — одна из красивейших в Тлемсене.

Аль-Уббад был в свое время расположен выше Тлемсена. Ныне же, став его частью, он как бы нависает над городом. Поэтому от дворца Абу-ль-Хасана вниз к Тлемсену ведут ступени, а мы поднимаемся по ним к мечети Сиди Бумедьен, выходим в проулок, отделяющий мечеть от расположенного ниже дворца, и вновь поднимаемся по ступенькам к главному входу.

Уже при взгляде на этот огромный портал разбегаются глаза: гипсовая лепка над бронзой ворот, резьба по кедру, старинные письма. Все многообразие узоров, рисунков, украшений, способов расцветки просто невозможно не только передать, но и разом воспринять. Мозаика, растительный и геометрический орнамент, арабская вязь, белая, желтая, зеленая и коричневая краски, а над самым входом — расписная, с многолопастным барельефом над ней подковообразная арка того неповторимо-неправдоподобного бирюзового тона, какой можно увидеть лишь в Самарканде на куполе Гур-Эмира или на мозаике Шах-и-Зинды. Пройдя богато украшенный внутри портал, попадаем в прямоугольный двор с аркадами на пилонах, а из него в молитвенный зал, сплошь застеленный зелеными, красными и пестро-полосатыми многоцветными коврами. Большие подковообразные арки на пилонах, стены и потолок столь обильно оснащены лепными и резными украшениями, орнамен-

тальными барельефами, сталактитовыми наростами различной формы, мозаичными панно и цветной вязью, что в первый момент теряешься. Впечатление дробится, становится фрагментарным, ибо каждый элемент, рисунок или иной декоративный прием заслуживают отдельного рассмотрения.

— Этот роскошный интерьер, — поясняет Ишми, — типичен для андалусского стиля. Мериниды любили этот стиль и при возведении своих мечетей, мавзолеев и дворцов обычно пользовались услугами андалусских мастеров. Поэтому не только специалисты легко замечают во всех постройках Меринидов подражание знаменитым зданиям Кордовы, Севильи, Гранады. Мечеть Сиди Бумедьена по своему плану напоминает мечеть Кордовы, а по декору — мечеть Карауин и другие постройки Альморавидов, также вдохновлявшихся андалусскими образцами. Некоторые элементы внутреннего убранства даже напоминают роскошь Альхамбры в Гранаде, которая строилась позже.

Выходим на улицу молча. Не хочется выражать словами то, что мы испытываем. Ишми словно чувствует это, замечая как бы мимоходом:

— Самое удивительное — не то, что все это было создано здесь, ибо в Тлемсене всегда строились самые прекрасные дворцы и мечети, славившиеся на весь мир ислама. Самое удивительное, что очень многое дожило до наших дней. Ведь история Тлемсена почти не давала для этого никаких шансов. Достаточно вспомнить, как французы превращали наши мечети в склады или казармы, а иногда и в церкви. Но мы все же сумели сохранить немало.

Покинув пределы Тлемсена, мы направились к гигантскому монументу, возвышавшемуся среди развалин.

— Это Мансура, — произносит Ишми, выходя из машины. — Здесь была резиденция меринидских султанов Феса в четырнадцатом веке.

Мы подходим к башне, которая когда-то служила минаретом самой большой на территории Алжира мечети, занимавшей, по данным путеводителей, площадь в 60×85 метров. Эта мечеть была частью города Аль-Махалла аль-Мансура (Победоносный лагерь), или, как стали его называть позже, просто Мансура. Его воздвиг султан Абу Якуб Юсуф из династии Меринидов, когда в четвертый раз пришел под стены Тлемсена в 1299 г.

Окружив Тлемсен сплошной стеной, так что, по словам Ибн Халдуна, «даже духу, невидимому существу, было бы трудно проникнуть в город», Абу Якуб выстроил в 1302 г. рядом новый город с дворцом, мечетью, банями, казармами, рынками и караван-сараями, куда прибывали купцы из всех стран. Осада длилась 8 лет, пока Абу Якуб не погиб в 1307 г. от руки одного из евнухов своего гарема. Мериниды отступили, и восторжествовавшие тлемсенцы разрушили Мансуру (за исключением мечети, как полагает Рашид Буруиба). Но в 1335 г. другой Меринид, султан Абу-ль-Хасан, вновь осадил и взял Тлемсен штурмом после двухлетней осады. Он восстановил Мансуру и построил тот огромный минарет, который мы видим сегодня. Ишми сообщает:

— Высота минарета сейчас тридцать восемь метров. Когда-то он вздымался на сорок метров, но годы разрушений взяли свое. В основании это квадрат, каждая сторона которого — десять метров. Минарет — самый высокий в Алжире и третий в Магрибе после Кутубийи в Марракеше и башни Хасана в Рабате.

Над входом — три свода арок, как бы вписанных в громадный прямоугольник крупной кирпичной кладки, украшенный сверху каменным барельефом в виде растительного орнамента. Первый свод состоит из больших, грубо сцементированных блоков, опирающихся на подозрительно новенькие и беленькие колонны, явно не принадлежащие эпохе Меринидов (недавняя реставрация). На широком изгибе второго свода — многолопастный рельеф в виде сплетения кругов, дуг и двойных зубцов. Чуть выступающий над ним третий свод снабжен фризом с изощренной аркатурой. Рассмотреть минарет целиком довольно трудно из-за его высоты и слепящих солнечных лучей. Можно лишь разглядеть как бы четыре яруса декора башни, из которых первый украшен сталактитовой лепкой и консолями, второй — ломаными резными арками с множеством лопастей, третий — вычурным ромбовидным рельефом, самый верхний — классической мавританской аркатурой, снизу кажущейся особенно изящной. Если пройти под минаретом внутрь двора бывшей мечети, то можно увидеть, что боковые стороны минарета имеют те же элементы декора, что и на фасаде, только хуже сохранившиеся, а с обратной стороны он полый. Верх его полуразрушен.

Оглядываемся вокруг. Стоим в центре большой площади, поросшей травой (так и хочется сказать «травой

забвения») и усыпанной галькой и щебнем. По краям — полуразрушенные стены или их замшелые остатки, следы фундаментов и большие выветрившиеся камни.

— Здесь были галереи с аркадами и восемь входов, кроме главного, по четыре с восточной и западной сторон, — говорит наш спутник.

Представить это сейчас трудно. Мы вопросительно смотрим на нашего рассказчика, и он поясняет:

— Нельзя сказать, что здесь все безвозвратно утрачено, хотя еще в прошлом веке реставраторы обнаружили, что ценный мрамор Мансуры разворовывается и продается. Сейчас в музеях Тлемсена и города Алжира выставлены основания и капители очень красивых колонн из Мансуры. Они могут дать представление о том, какое это было великолепие. Кроме того, Великая мечеть Тлемсена, в которой вы были, частично выложена плитами белого оникса, также вывезенными отсюда.

Мы прощаемся с Ишми, который приглашает нас еще раз приехать в Тлемсен, так как показал он нам, по его мнению, совсем немного. Но, пожалуй, увиденного достаточно. Ведь известно, что мечеть Сиди Хальви, которую нам не удалось осмотреть, представляет собой уменьшенную копию мечети Сиди Бумедьен, сходство с которой имеют и другие архитектурные памятники Тлемсена: куббы (мавзолеи) марабутов, медресе и т. п. Знакомство с главными достижениями архитектуры средневекового Тлемсена помогает не только наглядно представить себе развитие магрибинской культуры за 600—700 лет после прихода арабов в Магриб, но и глубже понять историю Магриба от Сиди Окбы до Сиди Бумедьена.

Андалусия в Магрибе

За много лет до поездки в Тлемсен я впервые услышал об андалусском стиле. От развалин Карфагена, над которыми возвышается церковь Сен-Луи (воздвигнутая в честь умершего здесь в 1270 г. французского короля Людовика Святого, неудачно пытавшегося возглавить крестовый поход в Тунис), мы проехали чуть на север вдоль побережья Тунисского залива и стали круто подниматься в гору. На склоне и вершине горы, гигантским

серо-коричневым мысом врезавшейся в густую синеву моря, ярко белели плоские крыши деревни. Оказавшись в ее центре, мы обнаружили, что почти все улицы или спускаются вниз, или карабкаются вверх, представляя собой вымощенные не всегда ровным булыжником покатые каменные лестницы. Слепящая белизна стен резко выделяла неправдоподобно нежную голубизну оконных рам, дверей, ворот, наличников и вообще всех железных и деревянных частей, особенно ставней, навесов и асимметрично выгнутых перед окнами узорчатых решеток. В некоторых домах вход был оформлен как высокий мраморный портал с аркой и двустворчатыми деревянными воротами, по голубому фону которых чернели тяжелые железные кольца и узоры из мелких и крупных шариков, изображавших звезды, подковы, черепах и еще что-то. В других домах двери были одноцветно голубыми, но иногда сплошь покрыты разноцветным, нарочито асимметричным геометрическим орнаментом. Однако все они как-то не противоречили друг другу. Чувствовалось, что архитектор здесь был одновременно живописцем, поэтом и философом. Из-за стен и стрельчатых решеток оград буквально рвались на улицу, образуя тенистые навесы, разлапистые ветви пальм.

Деревня называлась Сиди-Бу-Саид и считалась типичным андалусским селением, единственным в своем роде в Тунисе. Почему? Нам ответили:

— По чистоте и гармоничности своего стиля, практически не затронутого инородными влияниями.

На улицах было полно туристов, в том числе художников, стремившихся передать на холсте (без особого, впрочем, успеха) чарующий колорит деревни, изгибы ее переулков, филигранность двухэтажного, с зубцами и аркатурой, минарета ее мечети. Еще больше туристов непрерывно запечатлевали на фото- и киноплёнку великолепный вид на гору, залив, видневшиеся вдали Карфаген и Тунисское озеро, отделявшее тогда город Тунис от его гавани Ла-Гулэтт. Словом, все здесь соответствовало уже слышанному:

— Сиди-Бу-Саид — это живопись и поэзия, это одна из красивейших панорам в мире.

Нам показали куббу марабута Сиди-Бу-Саида аль-Баджи, андалусца, прозванного «адмиралом морей», похороненного здесь в XIII в. По его имени и названа деревня.

— Он был основателем религиозного братства, — сказал нам гид. — Поэтому жители Сиди-Бу-Саида всегда славилась как ревностные мусульмане.

В подтверждение этих слов одна из юных жительниц Сиди-Бу-Саида попросила ее не фотографировать, скрыв лицо в складках своего широкого белого покрывала. Казалось бы, чему удивляться: Коран ведь запрещает изображать живые существа! Но почему же тогда дома в Сиди-Бу-Саиде, в отличие от глухих стен традиционных кварталов всех мусульманских городов и деревень, имеют окна? И хоть они находятся сравнительно высоко от земли и закрыты решетками, иногда бывают столь велики, что вместе с решеткой напоминают скорее небольшой балкон в испанском стиле, чем окно. Спрятавшись за решетку, мусульманки, оставаясь невидимыми, прекрасно видят всех, кто проходит по улице. Как не вспомнить при этом, что писал о современных потомках андалусцев один из видных востоковедов Франции: «Они лучше относятся к своим женам, допускают их к решению семейных дел, не вынуждают их, как правило, терпеть присутствие второй жены».

Позднее я узнал, что именно здесь, в Сиди-Бу-Саиде, в свое время разыгрывались ритуальные праздники с красочными шествиями, игрой на бубнах и духовых инструментах, хоровым пением, восхвалением погребенного марабута и театрализованными сценами из местной жизни. По мнению специалистов, из таких празднеств и зародился тунисский национальный театр. Это обстоятельство некоторые знатоки также склонны приписывать особой «утонченности» нравов и высоким запросам поселившихся здесь андалусцев. Нам называли и другие андалусские селения в Тунисе: выстроенный в XVII в. на берегу реки Меджерды город Меджаз аль-Баб, где есть мост, который «в уменьшенном виде повторяет мост в Кордове», а архитектура — постройки в Алгарви или Эстремадуре, Тебурбу «с планом, мечетью и керамикой в испано-магрибинском стиле», Тестур — «единственный андалусский центр, еще полностью сохранивший вид испанской деревни», Громбалию, Сиди Слиман.

В Кайруане, если у вас времени хватило только на посещение мечетей Сиди Окбы и Брадобрея, гид обязательно скажет:

— У нас есть также мечеть Трех дверей, построенная в восемьсот шестьдесят шестом году Мухаммедом

Хайруном аль-Маафари, андалусским доктором богословия из Кордовы. Его привлекла слава Кайруана, в то время как в Кордове тогда также подвизались кайруанские теологи.

При взгляде на искусную резьбу по гипсу и сталактитовую лепку бывшего бейского дворца Бардо тунисцы обычно с удовлетворением отмечают: «Да, тут сразу чувствуется андалусская традиция». Услышав по радио красивую тягучую мелодию, в которой одновременно есть и что-то восточное, и европейское, они стараются просветить оказавшегося с ними рядом иностранца: «Андалусская музыка — наша классика. У нас многие ее любят больше всего на свете». Один из французских авторов сказал про минарет Мансуры в Тлемсене: «Он выдерживает сравнение с Пуэрта дель Вишо в Гранаде и с Ла Хиральдой в Севилье». Нам же в Тлемсене по выходе из Великой мечети тоже пришлось услышать от Хамуды Ишми:

— Взгляните на ее минарет. Все ее аркатуры, боковые узоры, зубцы на башне и прочий декор — следствие того, что строившие ее Альморавиды были очарованы жизнью в Андалусии и шедеврами искусства Кордовы, а также других арабских городов Андалусии. Археологи и историки европейского искусства установили, что одновременно со строительством Великой мечети в Тлемсене во Франции строились соборы в романском стиле, которые тоже несли на себе печать влияния кордовского искусства.

Во всех этих оценках нет ничего удивительного. И Кордова, и Гранада, и Севилья, и прочие города Андалусии, или, как нередко (и неверно) еще пишут, «мусульманской Испании», считались в VIII—XIII вв. такой же частью Магриба, как Тунис, Алжир и Марокко. Более того, это была лучшая часть Магриба, диктовавшая остальным частям свои законы в области эстетики, музыки, архитектуры, художественного творчества, ремесла, быта и духовной жизни.

От Кайруана до Касабланки и от города Туниса до Танжера в Марокко можно поэтому наблюдать одно и то же: показывая вам мечеть или дворец, орнамент или декоративный узор, изделие ремесленника или особенно виртуозно выполненное произведение искусства, гиды обычно говорят об «андалусском стиле». Особенно часто проводят сравнения в области архитектуры. Детали, приемы, новшества, применявшиеся зодчими Маг-

риба, легко сопоставляются с работой андалусских мастеров при создании Великой мечети Кордовы, минарета Ла Хиральды в Севилье, дворцов Альхаферия в Сарагосе и Альхамбры в Гранаде.

Именно этими произведениями в первую очередь и прославлен на весь мир андалусский стиль.

В нашей (да и в западноевропейской) литературе этот стиль чаще всего именуется «мавританским» или «арабо-испанским». Это не вполне точно. Слово «мавр» происходит от латинского «маурус», восходящего к финикийско-карфагенскому названию древнего берберов — «махур». Римляне и вестготы называли маврами берберов и вообще жителей севера Африки. Затем это название было распространено и на арабов после их прихода в Магриб, а особенно после завоевания ими в 711—714 гг. Пиренейского полуострова (за исключением его северо-западного угла). Свои владения на полуострове арабы называли страной аль-Андалус, то есть Андалусией. Это название, по мнению многих ученых, происходит от искаженного «вандалус», латинского названия вандалов, вторгавшихся в Магриб именно с Пиренейского полуострова, с тех пор ставшего для магрибинцев (говоривших тогда на народной латыни) «страной вандалов». Так или иначе, название «Андалусия» закрепилось. До наших дней его сохранила южная часть Испании, на территории которой дольше всего держалась арабо-мавританская государственность. Но в ее создании, как и в создании хозяйства и культуры Андалусии, участвовали и те, кого никак нельзя отнести к маврам. Поэтому лучше всего, как это и принято сегодня в Магрибе (в отличие от Европы), все, относящееся к арабской Андалусии, называть не мавританским, а андалусским.

В самом деле, арабы, господствовавшие в Андалусии, представляли собой лишь тонкий верхний слой населения. Они прибыли сюда в основном двумя волнами — в 712 и 741 гг. *. Их общая численность вместе с берберами (которых, по общему мнению, было больше) не превысила 50 тыс. человек на примерно 6 млн. (а по другим данным, даже 7—10 млн.) местных жителей, потомков иберов, кельтов, римлян, вестготов и др.

* Первые завоеватели-мусульмане, ступившие на полуостров в 711 г., включая их предводителя Тарика, именем которого назван Гибралтар, по-арабски Джебель ат-Тарик (Гора Тарика), были в основном берберами.

Однако сравнительно быстрый переход части коренного населения в ислам, смешанные браки и фактическое слияние с завоевателями части местной знати сделали свое дело. Новообращенные «мусалимы» (принявшие ислам автохтоны), как и их потомки «муваллады» («урожденные» мусульмане), постепенно составили большинство жителей аль-Андалуса. Фактически возникла новая народность, отличавшаяся и от арабов, и от берберов, и от вестготов, и от романизированных иберов. Кроме того, в Андалусии постоянно проживали и христиане, сохранившие романский язык (на нем говорили даже при дворе халифов в Кордове). Значительная их часть, оставаясь католиками, полностью усвоила арабский язык и культуру. Эти мосарабы (от арабского «мустаараб» — «арабизированный») в дальнейшем явились главными посредниками между арабской и испанской культурой, способствовавшими, в частности, заимствованию испанским языком более 4 тыс. арабских слов.

Численность андалусских мавров непрерывно увеличивалась за счет представителей немусульманских меньшинств аль-Андалуса, принимавших ислам, но главным образом за счет пленников-христиан, захваченных в бесчисленных войнах на Пиренейском полуострове и в Средиземноморье, а также приобретенных путем работорговли. Приняв ислам, они обретали свободу. Особенно много среди таких вольноотпущенников было «сакалиба» («славян»). В дальнейшем, смешавшись с прочими андалусцами, сакалиба разделили их судьбу.

Этническая пестрота андалусцев облегчала восприятие и критическое освоение ими достижений и местных жителей (в области хозяйства), и пришлых завоевателей (в управлении, военном деле, судопроизводстве). Арабо-андалусская культура, созданная совместно всеми общинами страны, включая христиан, принимавших арабские имена и пользовавшихся Библией на арабском языке, становится в IX в. образцом для подражания в Магрибе и в Западной Европе. Грамотность в аль-Андалусе не была исключением, как в большинстве государств средневековья. Сюда приезжали учиться и мусульмане, и христиане со всех концов мира, в том числе из враждебных Андалусии западноевропейских столиц. Далеко за Пиренеями славились андалусские врачи, философы, поэты, ученые, зодчие, музыканты, певцы, которых приглашали и к европейским дворам,

особенно сицилийского короля Рожера II (1112—1154) и германского императора Фридриха Гогенштауфена (1215—1250).

Поскольку Андалусия, как уже отмечалось, была частью Магриба и либо сама контролировала своих африканских соседей (X в.), либо подчинялась им (XII—XIII вв.), андалусцы нередко селились на противоположном берегу Средиземного моря. Об этом свидетельствует хотя бы упоминавшийся пример Феса IX в. Из андалусских семей, прибывших в Магриб в IX—XIII вв., вышло немало факихов (законоведов), марабутов, аристократов и дипломатов. К их среде принадлежал и родившийся в Тунисе, но имевший поместья в Андалусии великий арабский историк Абд ар-Рахман Ибн Халдун, служивший и в Гранаде, и в Фесе, и в Тлемсене, и в Каире. В Фесе закончили свои дни такие великие андалусцы, как философ Ибн Рушд (1126—1198), писатель и везир Ибн аль-Хатиб (1313—1374) и многие другие. Лучшая часть образованной элиты Магриба состояла из андалусцев.

В Магрибе, как и в Европе, высоко ценились андалусская поэзия и музыка, философия и медицина, архитектура и ремесло, славившееся выделкой боевых доспехов, парядных тканей, вооружения, керамической посуды, украшений и других предметов из стекла, слоновой кости, кожи и драгоценных камней. Во всех отношениях, кроме военной мощи, Андалусия обогнала Магриб, так что, «если бы не Андалусия, никто и не упомянул бы о Магрибе, который так и остался бы в неизвестности», — сказал андалусский писатель XII в. Шакунди. Чувство превосходства андалусцы долго сохраняли еще и после того, как сама Андалусия перестала существовать.

Под напором реконкисты (отвоевания), постепенно возвращавшей в руки христиан земли Пиренейского полуострова, андалусцы стали массами переселяться в страны Магриба. Однако большая их часть оставалась под властью христиан, сохраняя арабский язык и религию ислама. Как уже отмечалось, по-арабски говорили и многие христиане, в частности мосарабы. Поэтому в отвоеванных новых владениях короля Кастилии и Леона Альфонса VI Храброго (1065—1109), например, чеканилась монета с арабскими надписями, которые короля именовали «эмиром католиков», а папу римского — «имамом церкви Христа». Мусульман на территории

христианских государств Испании стали называть мудехарами (от арабского «мудажжан» — «прирученный»). Они играли значительную роль в экономике и культуре (стиль «мудехар» в испанской архитектуре, искусстве и ремеслах сохранялся до XVIII в., сочетая в себе андалусские и испанские элементы). Мудехары были искусными мастерами и монополизировали многие ремесла. Включиться в жизнь Испании им было нетрудно, так как в те времена испанцы и андалусцы, по мнению ряда ученых, «чувствовали себя единым народом».

Однако падение последнего андалусского эмирата — Гранады — в 1492 г. изменило положение. В 1502 г. мусульманам Гранады было предложено либо покинуть страну, либо перейти в христианство. Многие крестились, но втайне продолжали исповедовать ислам. Остальные уехали. В 1525—1526 гг. насильственно были обращены в христианство мудехары ранее завоеванных испанцами областей. Мусульман в Испании не осталось, так как все они стали морисками (мавританскими христианами), за исключением тех, кто предпочел изгнание. Преследования и притеснения морисков вызвали их восстание в 1568—1570 гг. После его жестокого подавления 100 тыс. морисков были изгнаны. Тем не менее в стране их оставалось еще около 500 тыс., особенно много в процветающих приморских областях. Они составляли 20 процентов жителей Арагона и 33 процента — Валенсии.

Стремясь поправить финансовые дела разоренного бесконечными войнами королевства за счет конфискации имущества морисков, испанский монарх Филипп III окончательно изгнал их из страны в 1609—1614 гг. под предлогом неверности христианству и тайного сообщничества с нападавшими на Испанию турками и магрибинцами. В Испании осталось не более 9—10 тыс. бывших морисков, признанных «верными» католичеству и королю, а также отобранные у морисков дети до 4 лет (в одной Валенсии — 2400 детей), отданные в христианские семьи. Все остальные лишились родины. Эта мера почти полностью подорвала промышленность и ремесла в Испании, экономика которой понесла значительный ущерб.

В основном андалусцы (мудехары, еще говорившие по-арабски до XV в., и мориски, изъяснявшиеся в XVI в. уже на «арабизированном» жаргоне испанского языка) переселились в Магриб. Однако и здесь они оказались

столь же неассимилируемыми, как и у себя на родине, ибо, по словам шотландского арабиста Монтгомери Уотта, «их культура была общей материальной культурой Испании, мусульманской настолько же, насколько христианской». Об этом свидетельствует и их тайная литература «альхамиада» («варварская», от арабского «аль-аджам» — «варвар», «иностранец»), которая писалась арабской вязью, но на жаргоне морисков в конце XV — начале XVII в. Это и способствовало тому, что, по мнению М. Уотта, в Магрибе кое-где «по сей день сохранились отдельные мусульманско-испанские черты».

Почти в каждом большом магрибинском городе лишь в прошлом веке стали исчезать «кварталы андалусцев» (хай аль-андалус), кое-где, например в Бизерте, сохранившиеся до сих пор. Некоторые названия поселков или районов Туниса восходят к испанским: Бардо (от «прадо» — «луг»), Бига (от «вега» — «долина»), Маркад (от «меркадо» — «рынок»). Их обитатели долго отличались от прочих горожан обычаями, языком и даже именами, звучащими почти по-испански. Например, в северных городах Туниса можно встретить мусульман с фамилиями Крису, Шикю (от испанского «чико» — «мальчик»), Миришку («мориско»), Збис (от испанского имени Льюис), а также Уиска (Уэска), Жхин, (Хаэн), Теруэль. В Рабате, куда переехали почти в полном составе обитатели одного из пригородов Кордовы, многие зовутся Варгас, Диас, Берис (Перес), Баламину (Паламино).

Более всех других магрибинских городов андалусской эмиграции обязан город Тунис — «благоухающая невеста Магриба», как прозвали его еще в средние века. Здесь всегда были значительные колонии андалусских купцов, моряков, улемов и паломников, направляющихся в Кайруан или Мекку. С XIII в. андалусские эмигранты стали здесь селиться постоянно. Подсчитано, что только после 1609 г. их осело здесь более 80 тыс. человек. Это способствовало тому, как пишет тунисский историк С. Збис, что практически в тунисской столице все стало «андалусским», поскольку люди называли себя Санчо, Карабака (от испанского города Каравака), Кабаду (от Кеводо), Бальма (от Пальма) и т. д. Даже говорили по-испански и учили этому местных жителей, внедряя новые ремесла, такие, как изготовление шпеший (шапочек из шерсти). В этом производстве вся терминология до сих пор остается испанской.

Естественно, экономическая роль андалусцев в Тунисе отражалась и на их общественном положении: вплоть до начала XIX в. они избирали своих судей и старейшин во главе с верховным «шейхом андалусской общины», имели свои мечети и медресе. Им были предоставлены равные права с другими тунисцами. Многие дворцы и виллы Туниса были выстроены ими, а минарет главной мечети страны Зитуны был перестроен Сулейманом ан-Нигро, архитектором из морисков. Недаром он напоминает мечети Марокко и Севильи и рисунком сплетающихся узоров резного орнамента, и аркатурой верхнего яруса, и особым сочетанием золота и зелени с лазурью и белизной в окраске башни минарета. Мечеть в Тестуре современные исследователи называют «наиболее ценным памятником испанского наследия андалусских беженцев». Особенно они подчеркивают влияние андалусцев в Тунисе на костюм и кулинарное искусство местных жителей, на производство мебели, ковров и покрывал, на совершенствование интерьера жилых помещений.

Разумеется, мориски отправлялись и в другие города и области Магриба. Часть их, перевалив за Пиренеи, ушла даже во Францию, где некоторые поселились в Дордони и южнее Бордо, а другие через Марсель выехали на Ближний Восток. Но главными местами их расселения стали Фес, Рабат, Тетуан и Лараш в Марокко, столица и называвшиеся уже районы Туниса, главный и другие прибрежные города Алжира, откуда они направлялись во внутренние области, где обычно находили приют у земляков, предки которых прибыли сюда двумя-тремя столетиями раньше.

Как и в Тунисе, в Алжире и Марокко они быстро находили себе занятие, ибо, как правило, были искусными кузнецами, каменщиками, оружейниками, плотниками, граверами, гончарами, сапожниками, портными, садовниками и т. п. Благодаря им в Магрибе расцвело сельское хозяйство и ремесла, городская жизнь и городская культура в таких центрах, как Константина, Медеа, Милиана. Поселившиеся в Блиде с XVI в. андалусцы положили начало разведению цитрусовых в Алжире. В Аннабе, куда прибыло много эмигрантов из Севильи, выдвинулся Мустафа Карденас (впоследствии шейх андалусцев Туниса), внедривший на востоке Алжира массовое насаждение оливковых рощ. В столице страны к 1615 г. насчитывалась «тысяча домов мори-

сков». Но это не было исключением. Алжирские порты Беджайя, Рашгун и особенно Шершель были еще с XIII в. заселены андалусцами, а с XVI в. нередко управлялись торговым патрициатом морисков. Шершель в XVI в. была целиком заполнена беженцами из Гранады, Валенсии и даже Арагона. Ремесленники и мореходы, они стали фанатичными приверженцами «священной войны» против испанцев, надеясь вернуть себе утраченную отчизну. Для организации этой войны они не жалели сил, вводя производство новых видов оружия (например, аркебузов), обеспечивая снабжение кораблей корсаров и набор их экипажей, финансируя сбыт захваченных ими трофеев и пленников.

В XVII в. в Алжире были известны такие мориски, как строитель крепостей и портов Хамиро аль-Андалуси, слепой поэт Ибрахим из Больфодо, славившийся своим богатством купец Сиди Али Морено. Тогда в городе Алжире проживало 6 тыс. андалусцев, которые делились на мудехаров из Гранады и тагаринов («об-арагонившихся») из Арагона и Валенсии. И сейчас еще в алжирской столице сохранился район Тагарэн, на месте которого раньше стояло первое поселение тагаринов. В дальнейшем влияние андалусцев на всех прочих горожан (бальяди) Алжира было столь сильным, что постепенно само понятие «хадри» («горожанин», «культурный человек») стало в Алжире отождествляться с андалусским мавром. Особенно много их было в Тлемсене и в прибрежных городах Арзеве, Шершели, Мостаганеме, Беджайе. Последний город стал почти полностью «андалусским». Среди его правителей были выходцы из Гранады (Ибн Али аль-Хусейн), Хетувы (Ибн Гамр) и Альмерии (Ибн аль-Калун). Как пишет алжирский историк Мулай Бельхамисси, рост Мостаганема во многом был вызван возникшим здесь в XII в. культом марабута Сиди Мазуза аль-Бахри, андалусца из Альмерии, ставшего для Мостаганема примерно тем же, чем был Сиди Бумедьен для Тлемсена. Кроме того, этому же способствовал приток сюда андалусских эмигрантов с XIV в.

С учетом всего этого становится понятным, почему крупнейший ученый современного Туниса Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб, андалусец по происхождению, особенно интересуется этнической историей своего народа. Почему директор Национальной библиотеки Алжира Махмуд Буайяд, говоря о своем родном городе Тлемсе-

не, обязательно упомянет о вкладе андалусцев в его развитие. Почему старейший политический и общественный деятель Алжира Тауфик аль-Мадани начинает свои мемуары с упоминания о происхождении его семьи из Гранады «в соответствии с документами семейного архива». Наконец, достаточно спросить марокканца о не вполне арабской внешности его соотечественника, чтобы он, не задумываясь, ответил: «Так ведь он родом из Феса. Очевидно, андалусец».

Нигде андалусское влияние сегодня не ощутимо столь сильно, как в Марокко. Чтобы понять это, достаточно пройти по старой касбе (цитадели) Рабата, которую строили в XVII в. именно андалусцы. И хотя в целом зубчатые стены-великаны и гигантский портал касбы оставляют впечатление излишней тяжеловесности, преувеличенной массивности, сразу же чувствуется что-то знакомое, неуловимое — то ли тунисское, то ли тлемсенское. Улицы здесь вымощены большими каменными плитами или представляют собой широкие лестницы из того же коричневатого-красного кирпича, что и стены касбы. Дома тесно прижаты друг к другу и громоздятся один над другим подобно саклям в горном ауле. Окна их по мусульманской традиции должны выходить лишь во внутренние дворики. Двери обычно массивные, деревянные, окованные медью и украшенные двойными рядами выпуклых шляпок больших гвоздей, расположенных ромбами или прямыми линиями. На каждой такой двери, напоминающей скорее ворота, висит железное кольцо-молоток для стука. Встречаются здесь и более современные дома с окнами наружу, но лишь на окраинах касбы. Над всем господствует минарет самой старой в Рабате мечети XII в., также построенный андалусскими мастерами.

Мы спускаемся по ступеням, вдыхая аромат цветов и слушая журчание фонтана. Здесь разбит великолепный сад в андалусском стиле. Выходим на уютную площадку с прекрасным видом на океан. Здесь расположилось уютное мавританское кафе. Оглядываюсь вокруг и подмечаю нечто знакомое в белой с темно-голубой каймой окраске домов, многоступенчатой террасе кафе, ее сочетании с зеленью сада и синью морской воды далеко внизу. Все это очень напоминает Сиди-Бу-Саид: те же краски, великолепие панорамы, то же сочетание седой старинности и отнюдь не музейной сервировки, то же типичное для

андалусской манеры слияние ландшафта, удобства, полезности и изощренного декора.

Не менее впечатляет знакомство с памятниками андалусского мастерства в Фесе. В созидании Феса андалусцы участвовали буквально с первых лет. Уже в IX в. сюда прибыли, как уже говорилось, изгнанники из Кордовы, основавшие кварталы Андалусцев, по сведениям гида — «наиболее беспокойное предместье» города. Впоследствии в Фесе в разное время жили почти все известные мавры, вынужденные покинуть Андалусию. Фес, какой он есть, создавался постепенно и во многом их мыслью, их знаниями, их руками. К услугам андалусцев прибегали почти все правители Магриба и все повелители Феса, в том числе вожди кочевых берберских племен. И хотя, как считают историки, «изощренной архитектурой» и «коммерческим духом» Фес в равной степени обязан и андалусцам, и переселившимся сюда еще в IX в. арабским беженцам из Кайруана, пальму первенства они все же отдают маврам аль-Андалуса.

Можно часами любоваться такими всемирно известными произведениями творцов Феса, как фонтан Наджжарин (Плотников). В нем удивительно воплотилась забота художников далского от нас времени о том, чтобы человек постоянно видел красоту, преисполнялся и наслаждался ею. Плотники, квартал которых располагался здесь, издавна приходили сюда за водой, ибо фонтан Наджжарин, как и прочие фонтаны Феса, — это источник, подобный «фонтану слез» в Бахчисарае. Однако при взгляде на Наджжарин меньше всего думаешь о его практическом предназначении. Он — совершенное произведение искусства: от зубчатого навеса над изогнутой в волны черепичной трехскатной крыши до изумительных красок мозаики и рельефной лепки, ажурной резьбы по деревянному навесу и боковым мраморным пилястрам, сложных орнаментов и переливов каменных соцветий. Нет сомнений, что все это должно было воспитывать у приходивших сюда артистизм и художественный вкус, вызывать восхищение искусством виртуозных мастеров и желание следовать его образцам в своей работе.

Об этом думаешь, любуясь внутренним двориком медресе Аль-Аттарин (Парфюмеров), самым красивым в Фесе, где кругом белый и розовый мрамор, глубокая синь майолики, пасмурные тона оникса, чеканная брон-

за и позолота, резко выделяющиеся на фоне стрельчатых арок из черного кедра, украшенных сплошной рельефной резьбой в виде затейливых арабесок. Медресе Аль-Аттарин, расположившееся в центре старого квартала торговцев благовониями в Фесе, является, по мнению Ш.-А. Жюльена, «самым изящным и, быть может, самым совершенным памятником эпохи Меринидов». Оно выстроено в 1325 г. Когдаходишь в его внутренний дворик, то буквально не знаешь, на чем остановить взгляд: на высоких пилястрах с резными арками, на мраморных стенках с многоцветной мозаикой понизу и золотой инкрустацией расположенных выше панелей или на прихотливой орнаментальной резьбе навесов из черного дерева.

— Это медресе, — сказал нам знакомый марокканец, — апогей меринидского искусства, в котором больше всего заметен вклад андалусцев. Взгляните, здесь даже пространство, свет и тень — такой же материал для архитектора, как мрамор и кедр.

Действительно, центр дворика с круглой чашей фонтана ярко залит солнцем, а галереи под навесами полутемны и прохладны. Колонны, которыми кое-где оканчиваются как бы спускающиеся сверху пилястры, имеют затейливо витые многообразные капители. Через дверь с бронзовой насечкой можно пройти в молитвенный зал, где та же игра света и тени, сочетание геометрических и растительных узоров, сталактитовая лепка кедрового потолка, ячеистые своды аркад.

В Фесе есть и другие медресе, столь же известные, как, например, Бу-Инанийя, подробно описанное в литературе и также являющееся блестящей иллюстрацией достижений андалусцев на земле Марокко, и другие здания в этом же роде: Ас-Сахридж, Ас-Сабаыйин, Мисбахийя. Подобные традиции, приемы и особенности андалусского зодчества можно наблюдать и в остальных городах Марокко, о чем речь будет впереди. Но Фес все же остается неповторимым среди городов Дальнего (да и прочего) Магриба по своему особому «андалусскому духу», по способности передать очарование андалусских традиций.

Художественные достоинства и эстетическая ценность памятников Феса определяются прежде всего тем, что сюда переселились в основном жители Гранады, более всех других андалусцев искусные и сведущие в искусствах, ремеслах и торговле, привыкшие к изощрен-

ной красоте Альхамбры и гармонии ландшафта, архитектуры, развитого хозяйства и изысканных развлечений. Именно поэтому Фес — буквально кладезь богатого наследия андалусской цивилизации. Арабо-андалусское градостроительство, садоводство, техника различных ремесел, искусство, музыка и в первую очередь литература всегда, в том числе до XV в., оказывали огромное влияние на формирование культуры Марокко. Это положение сохранилось и после поглощения страны аль-Андалус испанской реконкистой и переселения мавров в страны Магриба. Наибольшее их число осело в Марокко, прежде всего в Фесе и Рабате, где они составили значительную прослойку местных архитекторов, ремесленников, коммерсантов, военных, художников, музыкантов, поэтов. Сходное положение наблюдалось в Тлемсене, принявшем множество беглецов из Кордовы, и Тунисе, куда переселились главным образом мусульмане Севильи и Мурсии.

Все сказанное объясняет особое положение культурного наследия аль-Андалуса в жизни Магриба. Более того, можно даже говорить о бережном сохранении во всех странах Магриба своего рода «духовной Андалусии».

До сих пор многие магрибинские семьи гордятся своим андалусским происхождением. Некоторые фамилии непосредственно указывают на это происхождение: Шбила («севильский»), аль-Гирнати («гранадец»), аль-Куртуби («из Кордовы»), аль-Калаи — от слова «калаа» («замок», «крепость»), с которого начинались названия многих городов Андалусии, сохранившиеся и сейчас: например, родной город Сервантеса называется Алькала де Энарес. Типично для андалусских фамилий и окончание «-ун»: Абдун, Зайдун, Лефгун, Саадун, Сахнун, Халдун. По-арабски «-ун» обозначает множественное число. Поэтому указанные фамилии звучат примерно как русские Крученых, Косых, Ильиных, Седых и т. п. Но нельзя исключить, что это — влияние сохранявшегося у христиан Андалусии романского языка. Некоторые андалусские фамилии (например, Бен Лайун — «сын Леона») прямо скопированы с романских имен.

Немало представителей старинных андалусских родов — светлоглазых шатенов, скорее похожих на европейцев, чем на людей Востока (как, кстати, и многие берберы). Объясняется это тем, что за восемь веков

Вход во дворец Бардо (Тунис)

Нептун на колеснице (музей Бардо в Тунисе)

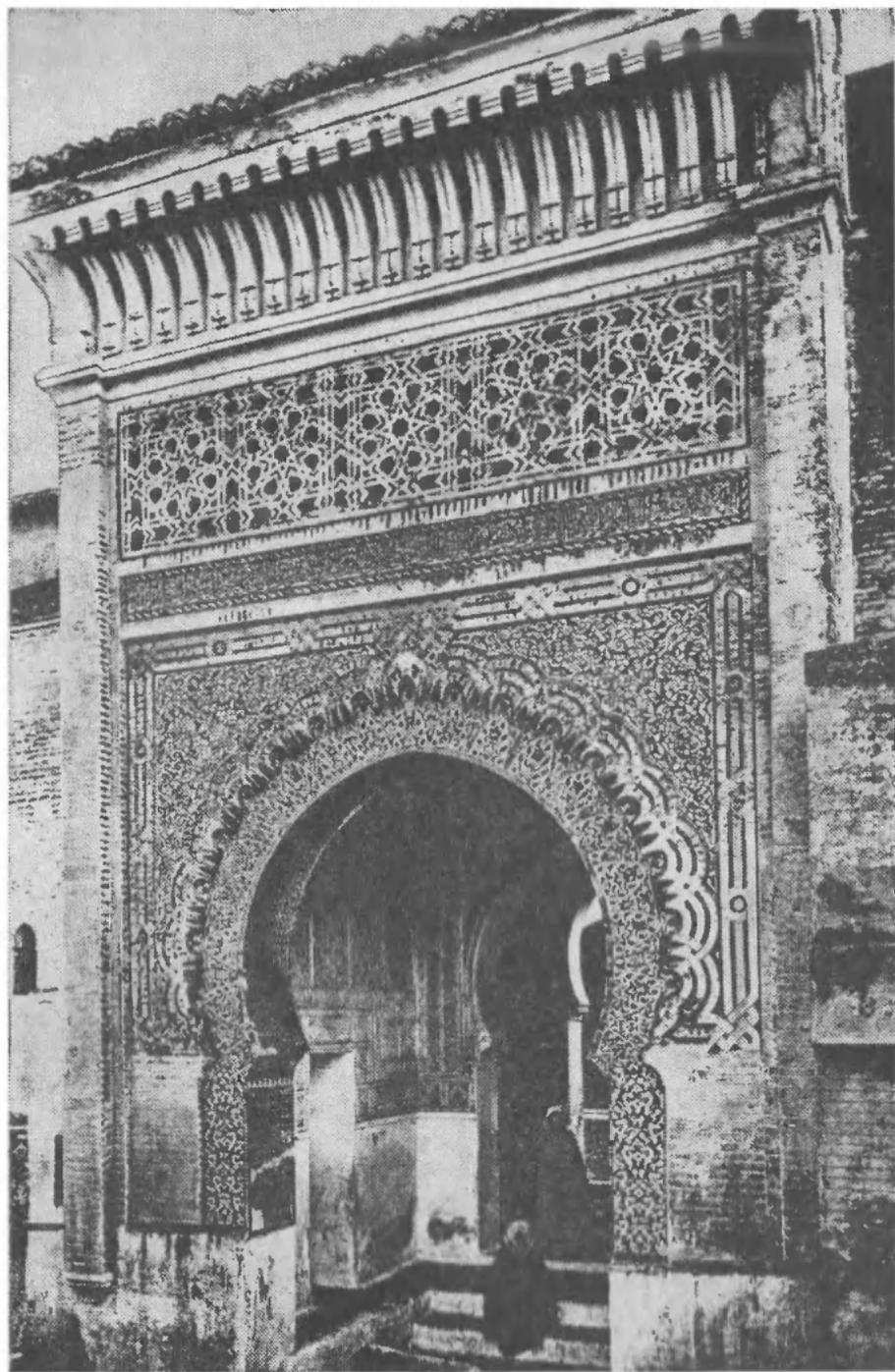
Мозаика дома Орфея в Волюбилисе

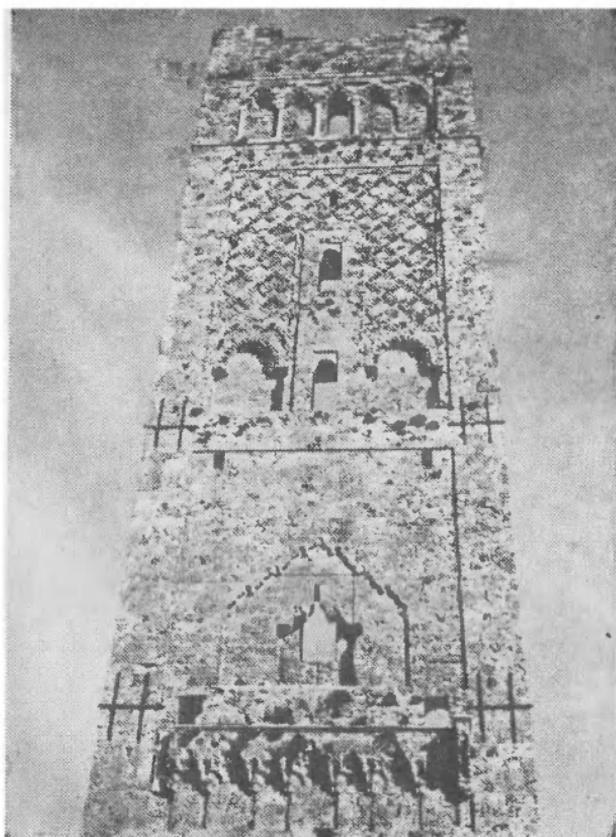
Арка Каракаллы в Волюбилисе

Площадь павших героев и мечеть Джамаа аль-Джадид (г. Алжир)

Портал мечети Сиди Бумедьен в Тлемсене

Минарет Мансура в Тлемсене

У мечети Джамаа аль-Кебир
(г. Алжир)

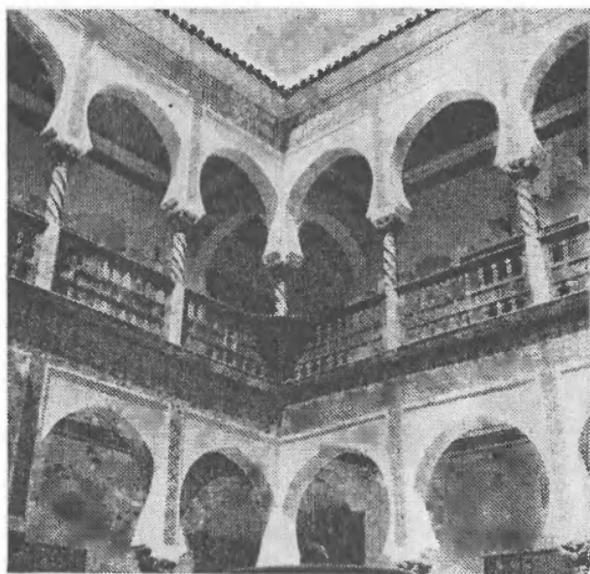
Общий вид Касбы (г. Алжир)

Мечеть Кечава (г. Алжир)

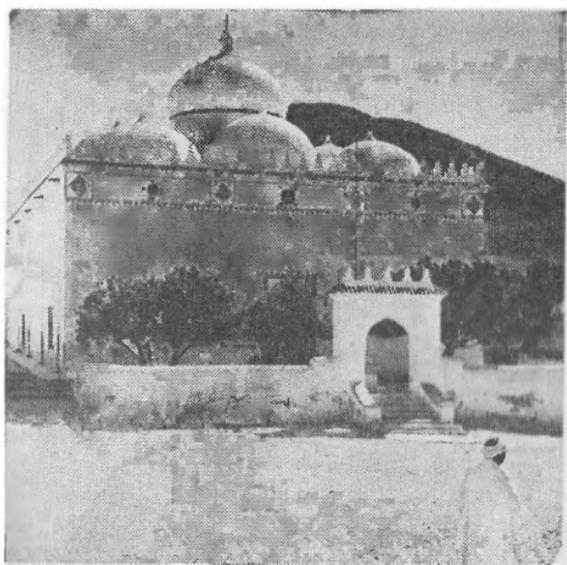
**Закоулки Касбы
(г. Алжир)**

**Аркада дворца
Дар Азиза
в г. Алжире (XVI в.)**

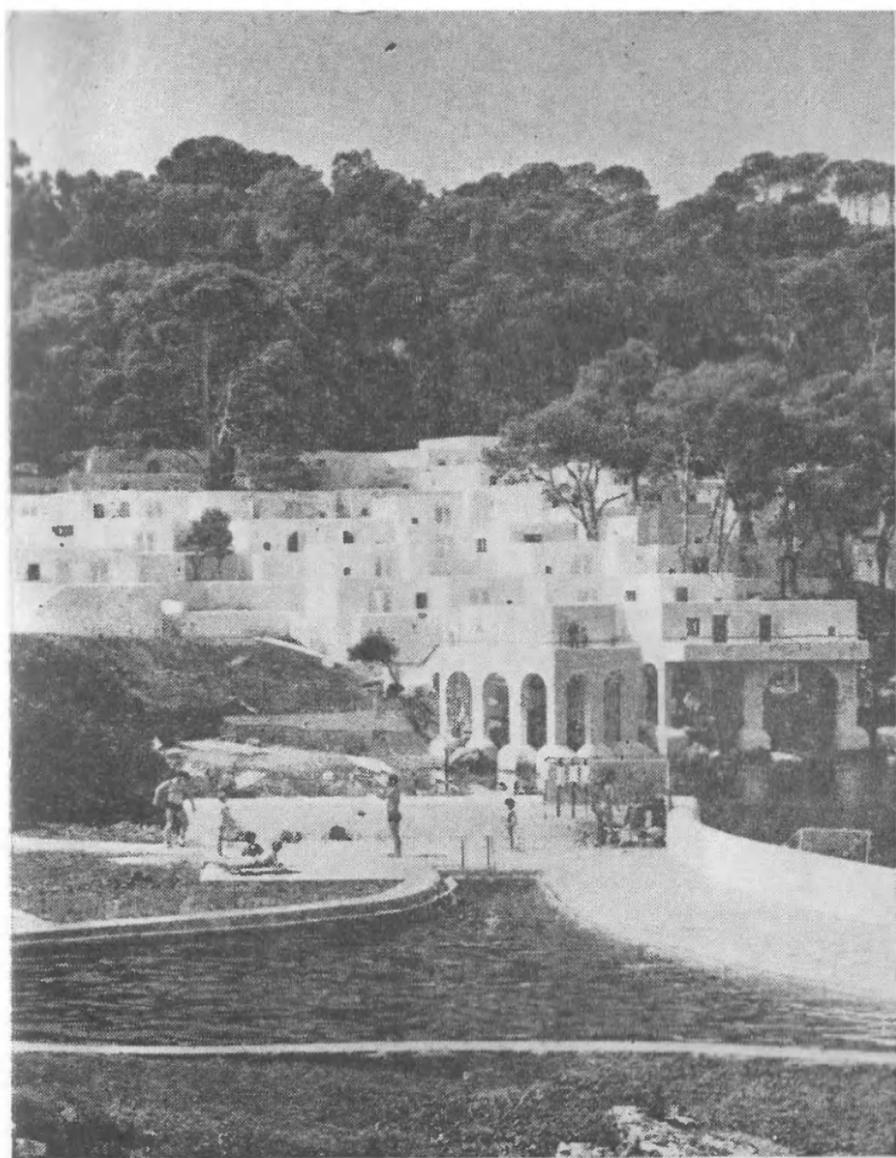
Город-лестница

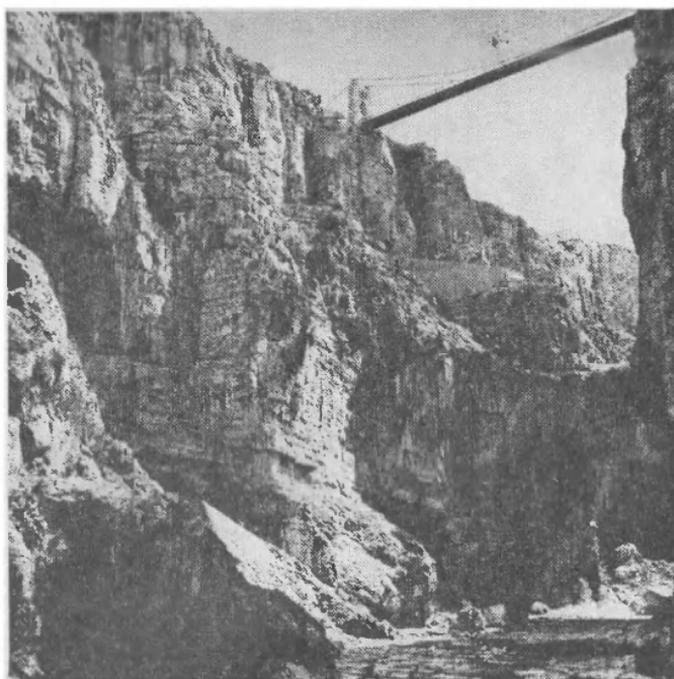
Медресе в Бу-Сааде

Улица в Константиноне

Туристический комплекс в Типазе

Мавзолей Мухаммеда V в Рабате

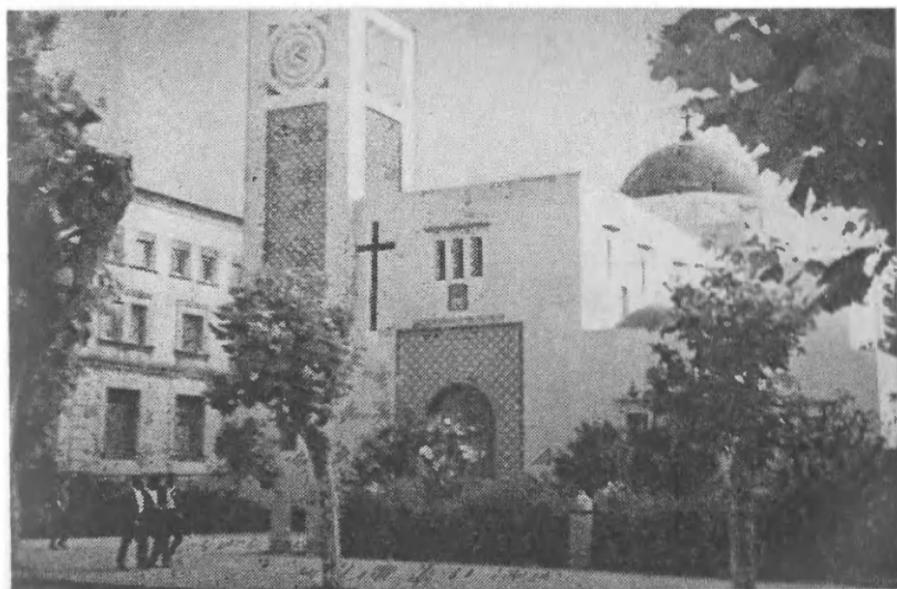

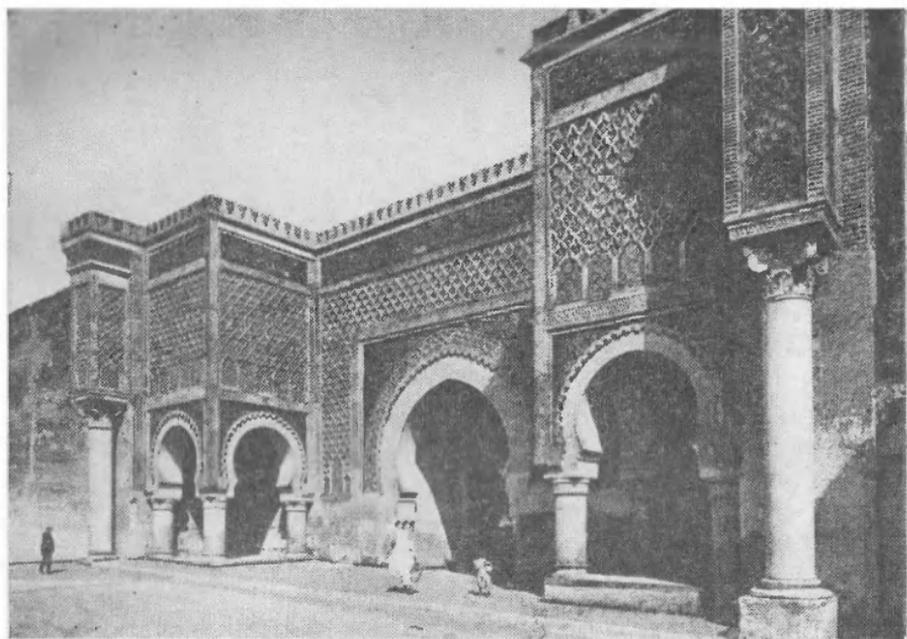
Мост Сиди Мсид в Константине

Город Оран

На улицах Рабата

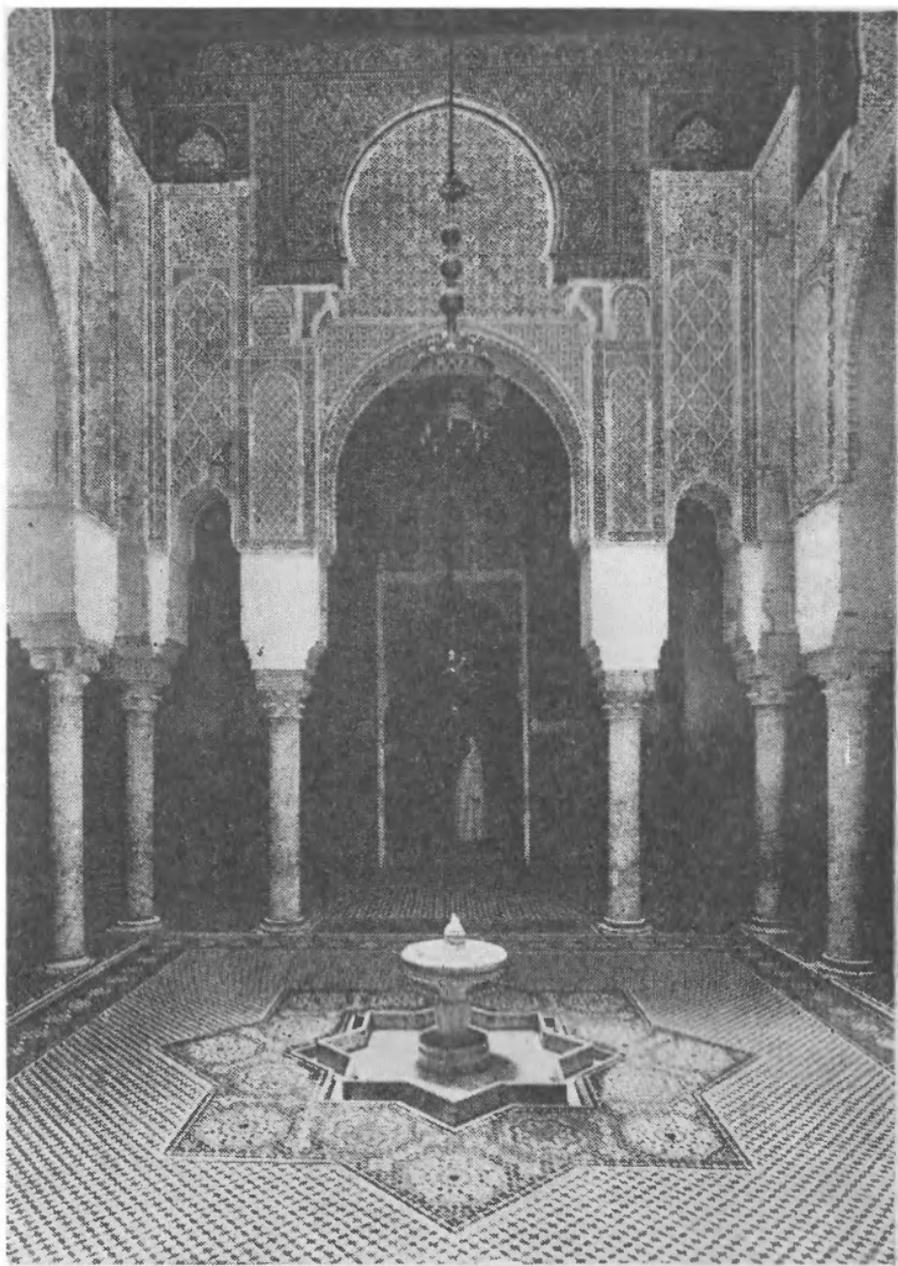

Ворота Баб аль-Мансур в Мекнесе

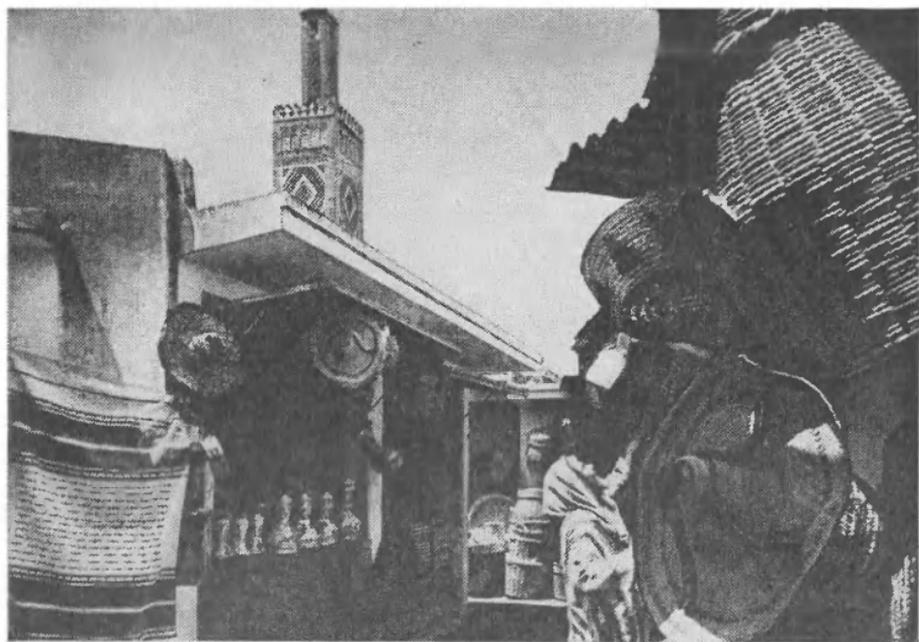

Ворота Баб Буджеллуд в Фесе

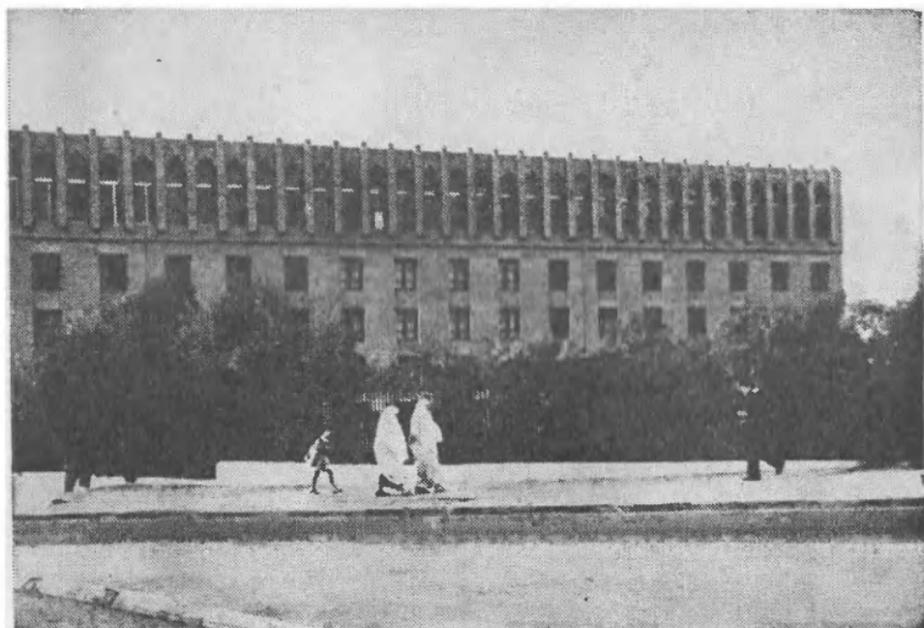

Гробница Мулая Исмаила в Мекнесе

1

Сокко Сиди Бобид в Танжере

Отель «Зайяниды» в Тлемсене

существования страны аль-Андалус ее жители действительно стали скорее европейцами, чем арабами, будучи в гораздо большей мере потомками иберов, римлян, германцев, славян и прочих обитателей Европы, особенно средиземноморской. Я всегда вспоминал об этом, глядя в небесно-голубые глаза (и одновременно слушая арабскую речь) марокканского профессора или алжирского дипломата, торговца из Танжера или историка из Туниса. Для них принадлежность к андалусским семьям — не просто воспоминание или украшение генеалогии. Она для них — свидетельство их причастности к культурной элите Магриба, к созиданию всего самого красивого и совершенного на магрибинской земле. Они привыкли считать себя своего рода солью этой земли.

В этом убеждаешься, разглядывая какое-либо искусное произведение ювелира, чеканщика или мастера керамики в Кайруане или Танжере, осматривая старинные дворцы и мечети Туниса и Тлемсена, читая стихи прославленных андалусских поэтов, а особенно слушая, как их декламируют наизусть магрибинцы. О силе андалусской поэзии свидетельствует и то влияние, какое она в свое время оказала на романскую поэзию Галисии, Каталонии, Прованса, Италии. Более того, андалусская поэзия фактически не умерла до настоящего времени, ибо на уже исчезнувшем диалекте андалусских арабов до сих пор сочиняются романсы. Этого требуют традиция и строгие каноны андалусской музыки. Они особое развитие получили в Тлемсене, где их сумели сохранить в наибольшей чистоте потомки эмигрантов из Кордовы. Андалусская музыка исполняется особым составом оркестра со строго определенным набором инструментов, в число которых входит уд (род скрипки с пятью струнами), изобретенный главным законодателем андалусской музыки Али Бен Нафи Зириабом, одновременно композитором, поэтом, певцом и учителем IX в. Зириаб канонизировал нубу — пятичастную форму андалусской музыки, основанную на чередовании пения и оркестровых пьес. Классическими считаются 24 нубы, сочиненные Зириабом и его последователями. До наших дней дошли только 12 нуб, исполняемых и сегодня по строго определенному ритуалу.

Самое примечательное во всем этом — не только тщательное сохранение в Магрибе наших дней наследия андалусской цивилизации, но и ощущение магрибинцами этого наследия как продолжающего жить, как

исотъемлемой части их культуры сегодня. Разговаривая с магрибинцем, особенно если он живет в Сиди-Бу-Саиде, Тлемсене или Фесе, вы чувствуете, что вашему собеседнику совсем не нужно «настраивать» себя на какое-либо особое «музейное» уважение к андалусским реликвиям. Для него все андалусское — живая реальность, начиная с архитектуры и ремесел и кончая потомками андалусцев, многочисленными среди деятелей культуры Магриба.

История — память народа. И чем органичнее и тверже эта память, тем больше достоинства у народа, тем больше у него уважения не только к своему прошлому, но и к настоящему. Это чувствуешь, знакомясь с любым проявлением внимания магрибинцев к андалусскому наследию. Стоит взглянуть, например, на массивные ворота Андалусцев в Рабате или на ажурную резьбу по дереву ворот мечети Андалусцев в Фесе, чтобы лишний раз вспомнить об этом.

Андалусское искусство всегда можно узнать и отличить, скажем, от берберского или искусства восточных арабов. Это не значит, что между ними нет сходства, общих приемов, мотивов, сюжетов. Они есть хотя бы потому, что творчество андалусских мастеров по своему характеру синкретично, обобщающе, готово воспринять и скупой геометрический узор берберского ковродела, и затейливую арабеску или навеянный иранским влиянием орнамент художника из Сирии или Месопотамии. Но главное в любом произведении андалусского искусства, относится ли оно к зодчеству, росписи, лепке, декоративной технике или к другим видам творчества, заключено в утонченности, даже асимметричной прихотливости и в то же время предельной насыщенности образами, использовании всех средств воздействия на человеческое восприятие, неповторимых красок, линий, форм, освещения и цветовой гаммы.

В Магрибе не скрывают, что бесчисленные дворцы, крепости, мечети и минареты, медресе, фонтаны и архитектурные ансамбли городов, как и детали их убранства, созданы по образцу шедевров мавританского искусства и зодчества Сарагосы, Гранады, Кордовы, Севильи, Толедо. Исторически и политически мавританская Андалусия умерла пять веков назад, но ее духовное и материальное наследие, ее эстетика и мастерство — словом, лучшее из того, что от нее осталось, живо до сих пор.

Город-лестница

Все великие города мира возводились на семи холмах. Город Алжир, раскинувшийся вдоль извилистого гористого побережья более чем на 20 километров, по количеству холмов, уступов и крутых подъемов превосходит, пожалуй, все города мира — и великие, и малые. Он как бы устремлен от моря к вершинам окрывающихся в дымке гор. И когда едешь из нижней, приморской его части в верхние кварталы, непрерывно преодолевая головокружительные виражи, дух захватывает от ощущения суровой вздыбленности алжирской земли, молниеносной смены впечатлений и открывающейся изумительной панорамы одной из красивейших средиземноморских столиц.

Она пленяет в любое время года. Если смотреть на нее из верхнего района Эль-Биар, это гигантский амфитеатр, спускающийся к морю, на темной сини которого в солнечную погоду (на блеклой голубизне — в пасмурную) хорошо выделяется вся гамма присущих городу красок: белизна или оранжевый цвет ультрасовременных высотных зданий, красные, зеленые или коричневые крыши (не помню ни одной черной!), серые, розоватые или пожелтевшие стены большинства домов, густая зелень парков и скверов, голубоватые отблески металлоконструкций, особенно в районе тянущегося вдоль побережья необъятного порта с далеко выступающими в море щупальцами изогнутых пирсов. Если же смотреть на город от порта или примыкающего к нему железнодорожного вокзала, то всюду, куда ни бросишь взгляд, — сплошь многоярусный подъем. Здания нависают друг над другом, демонстрируя особенности архитектуры различных эпох. Преобладают постройки второй половины прошлого и середины нынешнего века. Французы здесь особенно много строили перед своим уходом, как бы желая подольше оставить память о себе.

Улицы города вытянулись преимущественно вдоль моря, располагаясь одна над другой как бы на разных этажах. Здесь есть дома, в которые можно войти на первый этаж, подняться на лифте на седьмой этаж и с

него выйти снова на улицу. Работавшие здесь архитекторы, в том числе знаменитый Ле Корбюзье, мастерски использовали рельеф местности. Он изобилует обрывами, крутыми спусками, пропастями, образующими как бы паузы в застройке города, островки дикой природы, обычно поросшие кустарником или зияющие срезами различных слоев почвы, иногда — почти в центре столицы. Одна из примечательных черт города — хорошо продуманные «неправильности»: как бы случайно и небрежно оставленные пустыри среди аккуратных новых кварталов, фрагменты замшелых средневековых стен рядом со сверхмодными, недавно возведенными башнями из бетона и стекла, претенциозно именуемыми «Мавритания», «Лафайет», «Жоли» и т. п., уютные малоэтажные домики с остроконечными крышами, напоминающими о неторопливом укладе прошлого века, и отражающиеся в их окнах скоростные магистрали, немислимые спиралями стремительно уходящие вверх, к окружающим столицу горам.

Но главное впечатление от города — это обилие лестниц. Они бывают разных форм, калибров и назначений. Каменные, железные, асфальтированные, узкие, широкие, ажурные и почти незаметные. Большинство улиц, идущих от моря, снизу вверх, тоже представляют собой лестницы или же комбинации лестниц с пандусами. Таков, в частности, бульвар Мухаммеда Хамисти в самом центре города, широкими уступами поднимающийся от набережной к Дворцу правительства и Эспланаде Африки (площади перед дворцом) и далее, в виде небольшого сквера, достигающий стадиона, проспекта Франца Фанона и Национальной библиотеки. В середине бульвара, между зеленым массивом в его нижней части и Эспланадой Африки, расположена огромная лестница, с любой из широких ступенек которой открывается прекрасный вид на простор Алжирского залива, белеющие в синеве моря корабли на рейде, порт и приморские кварталы. Дома по обе стороны бульвара как бы движутся вверх в том же ритме, что и весь его ансамбль: каждый следующий дом на этаж или пол-этажа выше предыдущего, вследствие чего их крыши также образуют подобие лестницы. Кроме того, каждый дом имеет свое лицо, не похож на другие ни окраской, ни формой лепных украшений, ни рисунком балкончиков, решеток, окон и т. п. Но вместе они удивительно гармонируют, так как само сочетание их цветов, линий, распо-

ложения архитектурных элементов очень тонко продумано.

Все сказанное до сих пор об алжирской столице относится к европейским кварталам, выстроенным в основном французскими или учившимися во Франции алжирскими архитекторами, а также зодчими многих других стран — от Египта до Бразилии. Однако, попав в Касбу, бывшую цитадель, а ныне старинный мусульманский квартал, мы увидели, что принцип города-лестницы тут воплощен с еще большей силой и скорее всего отсюда заимствован. В сущности, природа не оставила здесь возможности какого-либо иного выбора.

Если войти в Касбу «сверху», со стороны района Тагарэн (того самого, на месте которого была основана первая деревня арагонских мавров-тагаринов), то сначала видны глухие, мрачные стены тюрьмы Барберус, а далее — крутой, относительно узкий и довольно грязный спуск мимо тесных, кривых проулков, вывешенного прямо на дороге белья, редких дверей и закрытых ставнями окон, по замусоренным бесчисленным ступенькам. И вся эта лестница, вернее, лестничный коридор (большая часть пути перекрыта сверху сводами различной высоты или же выступающими верхними этажами домов) представляет собой сплошной торговый ряд. Магазины, ларьки, лавки, парикмахерские, булочные, всевозможные мастерские. Прямо на улице бреют, стригут, что-то чинят, шьют, плетут, но главным образом пекут и жарят, далеко распространяя аромат свежих чуреков, блинов, печенья и сладостей. Здесь же — бесчисленные кафе с пышными названиями «Барака» («Благословение»), «Ислам», «Революция» и т. п. Однако хозяев, обычно стоящих или сидящих у дверей, почти не видно за целой тучей детворы, неукротимо галдящей, мгновенно исчезающей в лабиринте неожиданно возникающих слева и справа проходов и столь же молниеносно вылетающей из них. Проходы ведут не только в сторону, но и вверх или вниз, зияют проломами, обнажившейся кирпичной кладкой ветхих стен. Иногда проход столь узок, что его целиком загораживает вывешенная для продажи куртка или свитер. Хозяин этого товара, переговариваясь с соседом в глубине прохода, и не думает убирать своеобразный занавес, скрывающий от него собеседника.

В Касбе мне приходилось бывать несколько раз. Запомнилось ее посещение в декабре 1973 г., когда нашим

гидом был 24-летний Аззеддину. Жизнерадостный, быстро схватывавший все буквально на лету, он как бы символизировал пытливость и жажду знаний современной алжирской молодежи. Проучившись полтора года в Алжирском университете и по полгода в Англии, Канаде, США и ФРГ, Аззеддину бегло говорил по-английски, по-французски, по-немецки, по-испански и по-итальянски, понимал по-сербски и немного по-русски после трехмесячной стажировки в Югославии и Польше.

— Я побывал также в Скандинавии, — сказал он, — но тамошними языками не овладел. Мне легко даются языки. Я с детства слышал кабилский, арабский и французский, так как отец у меня кабил, мать арабка, а по-французски в столице говорят все. Мы живем в Хусейн-Дее, юго-восточном районе города. Там немало смешанных семей. Но больше всего их в Касбе, где срок процентов жителей — кабилы.

Хорошо ориентируясь в извилистых закоулках Касбы, Аззеддину вывел нашу группу сначала на какую-то вполне европейскую улицу, которая как бы неожиданно возникла со своими почти парижскими балконами и окнами среди традиционных мусульманских домов, а затем по скользкой лестнице с многочисленными выражениями уверенно двинулся прямо в полутьму подозрительно-го тупика. Он явно готовил нам сюрприз. И действительно: вскоре мы оказались во внутреннем дворике одного из домов. Этот дворик напомнил мне точно такой же в старой Бухаре: темные углы и залитая солнцем середина, железные двери первого этажа нараспашку, крытая галерея с деревянными перилами и довольно затейливой резьбой вдоль всего второго этажа. Женщины, надевающие дома традиционные мусульманские покрывала (хайки) и закрывающие пол-лица платки (лааджары), смотрели на нас без особого удивления.

— Я вас привел сюда, — сказал Аззеддину, — потому, что здесь живет мой брат с семьей. Он пока без работы. Я ему помогаю, хотя и сам как учитель английского языка получаю не так уж много. А всего в этом доме проживают пять семей.

На вопрос, чем живут те жители Касбы, которые не имеют работы, он ответил:

— Обычно случайными заработками, мелкими услугами соседу или родственнику, разноской писем и т. п. Но чаще всего помогают что-нибудь отнести, почистить, купить, подать.

В дальнейшем мы узнали, что в Касбе преобладают мелкие торговцы, ремесленники и безработные. Рабочих очень мало, и в основном они — неквалифицированные. Многие, особенно кабилы, сохраняют связи с родной деревней. Почти все — верующие мусульмане. Таковым был и Аззеддину, несмотря на свой возраст, знания и множество зарубежных поездок. Из Касбы он вывел нас на площадь Павших героев, на которой расположены сразу три мечети: Кечава, Джамаа аль-Кебир и Джамаа аль-Джадид. Собственно, первая из них — на небольшой площади Бен Бадиса, примыкающей к площади Павших героев с одной стороны и к последним домам Касбы — с другой.

Кечава сразу напомнила мне католический собор на авеню Хабиба Буржибы в столице Туниса: мраморная лестница и решетка перед входом, арочные ниши-оконца, две боковые башни с куполами над фасадами, тройная арка портика. Разумеется, есть и различия: Кечава украшена декоративными консолями и зазубренным фризом белого камня, лазурью росписи над входом и другими деталями, придающими ей более живописный вид по сравнению с несколько однообразными аркатурами и приглушенными розовато-коричневыми тонами тунисского собора. Но гораздо важнее сходство. А возникло оно скорее всего следующим образом: Кечава, выстроенная деєм Хасаном в 1794 г. над усыпальницей местного марабута, в 1832 г. была превращена в христианскую церковь св. Филиппа (по имени короля Франции Луи-Филиппа) и лишь в 1962 г. вновь стала мечетью. Французы, захватившие Тунис в 1881 г., судя по всему, скопировали для главного католического храма страны архитектуру одной из первых христианских церквей Алжира. Это тем более вероятно, если учесть, что основная часть обосновавшихся в Тунисе французов была родом из Алжира или же долго там проживала. Влияние архитектуры Кечавы в Алжире чувствуется и на востоке страны (в частности, в облике двухбашенной церкви св. Августина в Гилпоне под Аншабой) и на западе (в облике театра и собора в Оране).

Когда-то это место находилось вне города (само название «Кечава» означает «козлиный холм»). Ныне же мечеть — в самом центре столицы и усердно посещается как алжирцами, так и иностранными туристами, заходящими сюда обычно после экскурсии по Касбе. Во всяком случае, наша группа, войдя в мечеть, оказалась

здесь не единственной. В полумраке мы с трудом различили высокие колонны, лепные узоры и вязь декоративных надписей. На коврах и циновках застыли согнутые в земном поклоне фигуры немногочисленных молящихся, в основном пожилых. У выхода же из мечети мы увидели немало молодежи. При этом создавалось впечатление, что большая ее часть пришла сюда не молиться, а просто поболтать с друзьями и поглазеть на туристов.

Азеддину среди этой шумной толпы быстро находит знакомых. Они со смехом окружают его, тормошат, спрашивают. Исполдволь наблюдаю за ними. Конечно, есть среди них по внешности вылитые йеменцы или саудовцы. Но у большинства — так называемый средиземноморский тип, одинаково распространенный в Италии и Сирии, в Ливане и во Франции, в Египте и Греции, в Тунисе и Турции. Это относится и к Азеддину: продолговатый овал лица, прямой нос, правильные, нерезкие черты. Только матовый блеск темно-карих глаз да оливковая смуглость напоминают об арабском происхождении его матери. Окружившие его юноши выглядят примерно так же. Это и неудивительно: в горожанах Алжира давно уже смешалась кровь не только арабов, берберов и турок, но и европейцев. Ведь в средние века сюда переселились андалусцы, этнически — преимущественно европейцы. Кроме того, тысячи итальянцев, испанцев, французов, попадая в плен к корсарам, принимали ислам и оседали в Алжире. Наконец, присылавшиеся из Турции янычары были не столько турками, сколько греками и славянами по происхождению.

Центральное место на площади Павших героев — самой большой в столице — занимает Джамаа аль-Джадид, Новая мечеть, или, как здесь ее принято называть, Рыбачья. Она выстроена в 1660 г. для мусульман ханифитского толка, которого придерживались господствовавшие тогда в стране турки. На этом месте стояла небольшая мечеть местных рыбаков (Масджид аль-Хауати), название которой и перенесли впоследствии на Джамаа аль-Джадид. Легенда гласит, что строители (пленные гепузцы) тайно придали ей в плане форму креста, за что и были потом казнены. «Нет ничего более неправдоподобного», — решительно отвергает эту версию алжирский историк Мулуд Гаид, ссылающийся на то, что еще турецкий султан Мехмед II после взятия Константинополя в 1453 г. предписал «крестообраз-

ную форму как официальную модель мечети». Иными словами, османские мечети должны были копировать Айя Софию, имевшую в плане форму греческого креста. Достоверно лишь, что строил Джамаа аль-Джадид местный архитектор Хабиб аль-Хадж, что средства на нее собирал весь город и что ее всегда более охотно посещала городская беднота. Расположенная чуть ниже уровня современного города, как бы в предшествующем историческом слое, она тем не менее резко выделяется на сероватом фоне каменных плит площади и снэсвы подступающего моря яркой белизной своего огромного купола, возвышающегося над четырьмя малыми куполами, и массивных прямоугольных стен с зубчатым фризом. Построенный в 1853 г. призматический трехъярусный минарет с часами выглядит как неудачная попытка придать этому самому типичному в Алжире памятнику турецкой архитектуры обычный магрибинский вид. Издали Джамаа аль-Джадид напоминает скорее гигантскую куббу, нежели мечеть.

Наконец мы подходим к расположенной неподалеку самой старинной Великой мечети Алжира — Джамаа аль-Кебир. Она возведена в 1096 г. на руинах христианской базилики древнеримского Икозиума, когда-то стоявшего на месте города Алжира. Считается первым в Алжире памятником культовой архитектуры эпохи Альморавидов и сохранила простоту «мусульманского пуританства» Магриба XI в.

— Эта мечеть, — говорит гид, — самая древняя в городе. Ее мимбар — образец орнаментального искусства времен Альморавидов. Вместе с тем внутри она почти лишена украшений.

Смотрим на голубую кайму под фризом, на ряд подковообразных зубчатых арок («пристроены позднее», уточняет гид), на зигзагообразный узор над входом и массивный четырехгранник минарета с небольшой башенкой.

— Минарет пристроен в тысяча триста девяносто третьем году зайянидским эмиром Абу Ташфином, — говорит гид. — Однако с тех пор он столько раз перестраивался, что стал совсем не похож на прежний.

Поскольку Аззеддину заверяет нас, что внутри мечети для нас мало интересного (у меня сложилось впечатление, что он просто не хотел, чтобы мы лишней раз мозолили глаза верующим), мы не заходим в Джамаа аль-Кебир. Однако обращаем внимание на то, что око-

ло нее народу больше, чем возле Джамаа аль-Джадид, и народ этот более похож на верующих: в основном мужчины (но есть и мусульманки с закрытыми лицами), пожилые и среднего возраста, в белых джеллябах и тюрбанах, красных бабушах и фесках с кисточкой. Нигде в столице Алжира, даже в самых темных закоулках Касбы, не встретишь сразу так много людей в традиционной мусульманской одежде.

Знакомство с традиционной одеждой и архитектурой мусульманского Алжира мы продолжили на другой день в Музее этнографии, расположенном на вилле Бардо (название — от дворца тунисских беев, так как вилла была выстроена для одного из них, укрывавшегося в XVIII в. в Алжире). Изящные арки различной формы, прямые, витые или ребристые колонны, цветной мрамор пола и внутреннего дворика, пилястры и резьба по гипсу, мозаика всевозможных оттенков и рисунков, великолепно выполненные ромбовидные фигуры и решетки на окнах, сосуды из стекла и бронзы — все это впечатляет настолько, что забываешь о роскошном саде, через который мы попали в музей, об изразцах и узорах внешнего убранства фасада, наконец — о расположенных в пристройке к главному зданию экспонатах раздела исторического периода.

— Вилла Бардо, — говорит нам довольный произведенным впечатлением Аззеддину, — один из лучших в Алжире образцов мавританской архитектуры. Это выработанный андалусскими эмигрантами в Тунисе в пятнадцатом столетии стиль возведения загородных вилл для знатных особ. Здесь просто интересно побывать, даже не знакомясь с музеем. Недаром почти все французские писатели, художники и композиторы, посещавшие Алжир, обязательно приходили сюда.

Надо сказать, что раздел этнографии, открытый для обозрения с 1926 г., весьма гармонирует с характером архитектуры виллы. Здесь выставлены образцы одежды различных районов Алжира (Кабилии, Сахары, Мзаба, Тлемсена и др.), их оружия, украшений. Воссоздан с помощью гипсовых фигур своеобразный облик алжирского гарема турецкой эпохи: три женщины в ярких костюмах беседуют друг с другом. В основу положена известная картина Делакура, но гид вполне серьезно замечает:

— А в Мзабе и сейчас это можно увидеть.

Мы вышли из музея на улицу. Город-лестница нарядно с чисто эстетическими достоинствами имеет и очевид-

ные практические минусы. Попад под дождь, мы сразу же оценили неудобства передвижения по наклонному мокрому асфальту и скользким ступенькам лестниц. И все же после всего увиденного нам очень не хотелось уезжать из города, в 13 километрах от которого, рядом с поселком Зеральда, был расположен наш туристический комплекс. Издали он напоминал Касбу: скопление одинаковых свежоштукатуренных кубиков и призм, унылое геометрическое однообразие которых нарушалось лишь полукруглыми пятнами окон и проходов к морю. Комплекс в Зеральде, как и другие (в Типазе, Моретти), представляет собой попытку одного из главных строителей новых кварталов Алжира, французского архитектора Фернана Пуйона, создать «гармонию традиции и модернизма». Результат, на мой взгляд, не очень удачен, так как Пуйон не сумел в нем воплотить ни живописности традиционного зодчества, ни комфорта современных зданий. И если еще в жару, когда комплексы набиты битком, здесь как-то можно жить, ибо море — рядом, то в холодном и промозглом декабре мы основательно мерзли в Зеральде и чувствовали себя уютно.

На краю Сахары

Рано утром отправляемся в поездку по стране. Еще до нашего отъезда Зеральду покидают несколько автобусов, заполненных крестьянами в традиционных джеллябах, белых и желтых тюрбанах. Они едут на очередную конференцию по аграрной революции, которая тогда продолжалась уже второй год. Определенный опыт у Алжира в этом деле есть: даже между столицей и Зеральдой мы успели заметить несколько государственных хозяйств, обычно названных именем одного из шахидов — погибших героев революции. Проехав залитый декабрьским дождем город Алжир, направляемся сначала на восток, а потом на юг страны. По пути Аззелдину рассказывает о населении и нравах столичной области, называет города, которые мы проезжаем:

— Это Руиба. Здесь автосборочный завод, наполовину принадлежащий государству, наполовину — французской фирме «Берлие»... Это Тайния, бывший Менервиль. Здесь начинается Кабилия. Тут есть лакокрасочный завод... А вот Ладария, бывшее Палестро. В ней расположен Госпиталь советско-алжирской дружбы.

Порой, когда мы минуем новые предприятия с небольшими поселками вокруг, Аззеддину называет лишь ту или иную страну, которая помогла Алжиру построить это предприятие, но подчеркивает, что полный хозяин его теперь — государство. Особенно охотно он рассказывает о свадьбах. Когда мы встречаем свадебный кортеж (а в тот день мы встретили их не менее пяти-шести), Аззеддину вскакивает с места, возбужденно кричит:

— Свадьба, свадьба!

Он старается при этом обратить наше внимание на то, в какой машине едет жених, в какой — его родня, в какой — невеста, жалуется на дороговизну всей церемонии, вспоминает, сколько пришлось заплатить за нее его братьям и родителям. Ему свадьба была явно не по карману. Поэтому-то он много об этом говорит и смотрит вслед свадебным кортежам не без грусти и зависти.

Автобус останавливается недалеко от Лакдариин в глубоком ущелье. Мы выходим и любуемся превосходным видом каньона, крутизной обрыва, на краю которого в горную породу буквально врубилось шоссе, а высоко над ним пробит железнодорожный туннель. Несмотря на яркий, солнечный день, в ущелье хмуро и сыро. Небольшие водопады приглушенно шумят внизу, где по дну каньона робко тянется небольшая речка.

— Это Уэд Исир, — говорит Аззеддину. — У Буиры он впадает в другой, Уэд Суммам, район которого был одним из главных очагов партизанской борьбы в Кабилии.

Выехав из ущелья, мы продолжаем подниматься. Спуск начинается примерно с высоты тысячи метров над уровнем моря. Оставляем в стороне Буиру, где, как сообщает гид, есть лицей с пансионатом для учащихся из Сахары, а также Сур аль-Гозлан (бывший Омаль) со знаменитыми на всю округу стадионом и рынком. Едем на юг. Аззеддину рассказывает о кочевниках Сахары и жителях оазисов, о мусульманских праздниках. Особенно он распространяется по поводу того, как мусульмане чтут пост рамадан, когда целый месяц нельзя ни есть, ни пить, ни курить до наступления темноты.

Между тем местность за окном приобретает все более безжизненный, пустынный характер. Мы достигли границы Сахары.

В середине дня приезжаем в Бу-Сааду. В переводе это означает «Отец счастья». Чтобы понять его смысл, нужно въехать в этот городок, как это сделали мы и

как до нас это делали многие поколения кочевников Сахары: посреди выжженной полустепи-полупустыни увидеть густую зелень пальмовых рощ, почувствовать прохладу пересекающего оазис ручейка, ощутить ветерок из близлежащего горного ущелья Кабр аль-Уасис, подивиться желтовато-кремовому цвету местных домов. Располагаемся в отеле «Каид» — нагромождении белых кубов с редкими окнами, раздвоенными на итальянский манер и украшенными сверху декоративной цветной решеткой. Мы здесь не первые русские: мальчишки на улице, едва завидев нас, тут же начинают выпрашивать значки, марки или другие сувениры. До нас тут побывали и туристы из СССР, и советские врачи, геологи, ирригаторы, строители.

Все достопримечательности Бу-Саады мы подробно не осматриваем. Да их не так уж и много: развалины старой крепости, две мечети, множество мелких лавок и мастерских, выставляющих на соблазн туристам золотое шитье, керамику, ткани и шелка всех видов, расцветок и рисунков. Некоторые из этих товаров их создатели вечером приносят прямо в отель, особенно рекламируя ковры из чистой шерсти и пальмовые веера. Кое-кого из нас им удалось соблазнить кривыми декоративными ножами (в Алжире они так и называются — «бусаади») да причудливыми «сахарскими розами», — отполированными в виде цветка под действием смены температур и ветра местными камнями светлых оттенков.

На следующий день встречаемся с руководством местной даиры (окружной организации) партии Фронт национального освобождения (ФНО). Знакомимся. В комнате пятеро мужчин средних лет, некоторые — в тонких бурнусах и легких накидках поверх европейского костюма, и одна женщина — молодая красавица Салима Руиби, также одетая по-европейски: в светло-серое пальто и черные брюки. Ослепительно улыбаясь, она буквально пленяет всех нас. На вид ей не более 26—27 лет, но она уже не первый год руководит местным отделением Союза алжирских женщин. Потом появляются еще две ее помощницы, одетые в соответствии с мусульманской традицией. Увидев нас, они тут же откидывают покрывала-хаики, под которыми скрываются цветастые вязаные кофты, здороваются с нами за руку и далее вступают в беседу, не закрывая лиц.

Я уже не впервые наблюдаю в Алжире подобную ме-

таморфозу. Местные мусульманки отнюдь не пугливы и не фанатичны, держатся обычно с достоинством и соблюдают обычаи ислама, в том числе ношение хайка, по соображениям скорее патриотизма, чем религиозности. Именно поэтому в разговоре с европейцем они сбрасывают хайк, желая показать, что алжирцы вообще и алжирки в частности — люди вполне современные и цивилизованные. Недаром, когда речь зашла о положении женщины в стране, Салима Рууби, и по одежде, и по манерам европеизированная более других, сказала:

— Ислам освободил алжирскую женщину. Благодаря исламу мы совершили революцию, которая дала независимость всему нашему народу. Именно поэтому наша жизнь неразрывно связана с исламом.

Разговор ведут, отвечая на наши вопросы, Муса Маальби, ответственный за политическую работу в даире, и Хасан Али, ответственный за вопросы образования. Первый из них — седеющий, грузноватый, с хитрым взглядом и неторопливыми движениями, очевидно местный уроженец, внешне напоминает то ли торговца, то ли ремесленника, то ли хозяина отеля. Второй, напротив, молодой, динамичный интеллигент, похож скорее на столичного студента или учителя.

— В округе Бу-Саады, — говорит он, — сто восемнадцать школ, а до независимости их было всего четыре. В самой Бу-Сааде ныне пятнадцать начальных школ, а раньше было три, две средние, два центра профтехобразования, школа ткачей и общеобразовательный лицей.

Хасан Али уверенно говорит на литературном арабском языке: кампания арабизации идет в стране уже третий год; он в курсе всех новейших веяний, высказываний прессы и специалистов по проблемам культуры. В отличие от него Муса Маальби говорит на диалекте (один из его коллег повторяет сказанное им по-французски), все внимание уделяет местным проблемам и старается не касаться всего, что выходит за рамки повседневных забот. Аграрная революция?

— У нас тут нет ни развитого сельского хозяйства, ни промышленности. Вместо них — туризм. Поэтому наша забота — открыть в Бу-Сааде школу туризма.

— Чем живут местные жители?

— Торговлей, ремеслами, обслуживанием туристов. У нас тут всего двадцать тысяч жителей.

Мы напоминаем, что в путеводителе по Бу-Сааде на

четырёх языках написано, что здесь около 25 тыс. финиковых пальм. Кому они принадлежат?

— Их разводят у себя в садах те, кто хочет и умеет ухаживать за ними.

Уклонившись от ответа на вопрос о доходах пальмовладельцев, наш собеседник все же признает, что население за пределами города живет не только торговлей и туризмом:

— У нас есть кооператив скотоводов. Скотоводство и в дальнейшем будет развиваться.

Кооперация скотоводов по всей стране должна была начаться не раньше чем через два года. А вот пальмоводы уже с 1972 г. могли объединяться в кооперативы согласно закону об аграрной революции. Я, разумеется, далек от мысли, что лидеры даиры Бу-Саады намеренно замалчивали проблему кооперации пальмоводов. Но им, похоже, не хотелось говорить о ней. В этом, возможно, проявилась не какая-либо их оппозиция декретированным сверху социальным преобразованиям, а некоторая косность, консерватизм: сначала, мол, посмотрим, что из этого получится у других, а потом и сами попробуем. Наиболее же вероятная причина такого умалчивания — нежелание посвящать иностранцев в свои внутренние проблемы. Как и везде в Алжире, в Бу-Сааде, надо полагать, были и противники, и сторонники агропреобразований. Однако, как я заметил еще в 60-е годы, алжирцы всегда очень неохотно «выносили сор из избы» и всегда очень охотно подчеркивали то, что их объединяло, а не разъединяло.

На следующий день мы прощаемся с Бу-Саадой и едем в Бискру. Пейзаж все время меняется; то совершенно голая пустыня, то соленые озера — себхи, то различной высоты горы.

— Слева — горы Ходна, а справа — Зибан, — сообщает гид.

Щеголя своей филологической подготовкой, он объясняет нам, что автобус приближается к горному массиву Аурес, название которого восходит к латинскому Аурасис (от «аура» — золотое сияние).

— Аурес, — добавляет Аззеддину, — был, как и область Кабилия, главным очагом алжирской революции. Его населяют берберы шавийя, которые говорят и по-арабски, и на своем языке, близком к кабилюскому. Женщины-шавийя славятся своей независимостью и стремлением главенствовать в семье.

Это последнее замечание, очень нас развеселившее, неожиданно подтвердилось вечером того же дня, когда мы повстречали близ селения Эль-Кантара в Ауресе группу полукочевых шавийя, переезжавших на другое место. Их нехитрая поклажа была навьючена на низкорослых буро-черных верблюдов. Командовала всей этой процессией сердитая старуха с орлиным носом и синей татуировкой на щеках. Когда на нее уставились объективы фотоаппаратов, она что-то резко крикнула на своем наречии мужу (он вел под уздцы осла, на котором она восседала), остановилась и принялась кричать на довольно правильном арабском языке:

— А ну платите за право нас фотографировать! Вы что, не знаете, что мы этого не любим? Кто вам разрешил это делать?

Инцидент был исчерпан, лишь когда она получила пачку сигарет, а ее муж, все время державшийся в тени, перебросился с нами несколькими французскими фразами. Вся эта сцена доставила огромное удовольствие Аззеддину, который со смехом повторял:

— Я же вам говорил, я же вас предупреждал!

Проезжаем пальмовые рощи Фугалы, Тольги. Последняя в 34 километрах от Бискры. Слева от нас — зелень гор, типичных для севера Алжира, справа — горячее дыхание Сахары, буквально по кромке которой идет путь в Бискру.

— Бискра, — говорит Аззеддину, — финиковая столица Алжира. Здесь два миллиона финиковых пальм, а всего по стране их семь миллионов. Значительная часть «бискри», то есть местных жителей, занята их сбором, сортировкой и переработкой. Бискри еще до прихода французов в страну отличались от других алжирцев одеждой, говором и тем, что вне родного города на них всегда взваливали тяжелый труд посыльщиков, водоносов и каменотесов. Сейчас здесь живут арабы и шавийя. Кроме выращивания фиников они заняты ковроделием, чеканкой по металлу и обслуживанием туристов. Известны здесь бани с пятидесятиградусной серной водой. Всего сейчас в Бискре восемьдесят тысяч жителей.

Въезжаем в город. Сначала не верится, что здесь народу вчетверо больше, чем в Бу-Сааде. Позже мы разглядели Бискру получше. Это, конечно, типично южный город: одноэтажный, пыльный, с глухими багрово-коричневыми дувалами на окраинах, с минаретами мечетей над плоскими крышами. Но по сравнению с Бу-Саадой

это все же город, с большим парком и кое-где прямыми современными улицами, с обычной для настоящего города толчеей на рынке, где вам непременно пытаются всучить либо кинжал, либо металлического верблюдика на цепочке, либо полумесяц, либо берегущую якобы от дурного глаза «руку Фатимы» неплохой чеканки. Здесь много лавок и вне рынка. Попадают и автомобили (в Бу-Сааде мы видели только автобусы с туристами). В лавках, магазинах, ресторанах — всюду нам предлагают финики нескольких сортов, из которых особенно ценится «деглет нур» («капля света»), в основном идущий на экспорт.

Мы обедаем в отеле «Окба Ибн Нафаа». Недалеко отсюда — местечко Сиди Окба, где похоронен знаменитый полководец. Отель выстроен, как и «Каид» в Бу-Сааде, Фернаном Пуйоном, ставившим перед собой две главные задачи: имитировать архитектуру старинных сахарских крепостей и защитить обитателей отеля от солнца «ворот Сахары», как иногда называют Бискру. Азеддину рассказывает, что Бискра когда-то была поселком римских колонистов, что само ее название по-латыни звучало как «Вискера» («Ешь!») и что поэтому нам надо здесь хорошо поесть. За соседним столом пирует группа туристов из Киева. Их гид Юсуф, приятель нашего гида, произносит тост, судя по его приподнятому настроению, уже не первый. Но когда мы предлагаем Азеддину «поднять настроение» таким же способом, он решительно отказывается:

— Я верующий мусульманин и никогда не нарушаю запретов ислама. Прошу больше к этой теме не возвращаться!

Может быть, он действительно так думает, но у нас складывается иное впечатление: Юсуфу, сыну крупного полицейского чиновника, «нарушение запретов», очевидно, мало чем грозит, а нашему gidу, выходцу из бедной семьи, может обойтись дорого.

Из Бискры направляемся в Батну. Горы Луреса, багровые в отблесках заката, кажутся не очень высокими. Иногда они приобретают на фоне темнеющего неба и золотящихся вершин самые неожиданные оттенки — коричневые, голубоватые, серые. Спускающийся к вечеру туман как бы набрасывает на всю эту гамму полутонов легкую белесоватую накидку. Миновав несколько ущелий, мчимся по удивительно широкой долине (горы отступают куда-то к горизонту) и вскоре въезжаем на

прямую и широкую улицу, сплошь усаженную деревьями и застроенную невысокими домами в два-три этажа. Почти все они современного типа. Попадаются и довольно старые, начала века, но вполне европейского вида. Аккуратные лужайки, навесы, множество торговых заведений, военные казармы с часовыми. Мы не задерживаемся в Батне, направляясь в Тимгад, о котором уже рассказывалось. На обратном пути мы вновь проезжаем Батну, на этот раз ярко освещенную. Ни в первый, ни во второй раз я не замечаю в облике этого быстро промелькнувшего города чего-либо традиционного, мусульманского. Отдаляясь от Сахары и стоящих у ее границ экзотических городов, мы как бы вновь возвращаемся из прошлого Алжира в его настоящее.

Горные гнезда севера

Мы достигли средиземноморского побережья и, повернув влево, вернулись в столицу, замкнув тем самым круговое турне по центру и востоку северного Алжира. Нам запомнились теснившиеся вокруг древнеримских развалин Тимгада черные горы с заснеженными вершинами и солнечно-золотистые оттенки руин Джамилы, о которых ранее уже шла речь. Незабываемы были и крутые виражи на высокогорных дорогах Кабилии, покрытых желтоватым африканским снегом, казавшимся совершенно неуместным среди буйной, яркой зелени кустарника и густых рощ, сплошь облепивших горные склоны. Туман и бесконечные крутые виражи, блеск солнца за бесчисленными поворотами и внезапными взлетами или снижениями горных вершин нередко затрудняли наблюдение.

Нашу поездку по северу страны можно было бы назвать «полетом по горным гнездам». Действительно, кроме отдельных участков между Аннабой и Константиной, Константиной и Сетифом, в основном путь лежал через горные перевалы, ущелья, серпантины. Да и главные остановки напоминали горные гнезда — высоко взметнувшаяся на гигантских скалах среди относительно ровного плато Константина; прижатые горами к морю Аннаба и Беджайя; раскинувшееся в широкой зеленой впадине Тизи-Узу, оттянувшее к себе от обрывистого берега Средиземного моря замысловато петляющее в горах шоссе.

Первый город как бы старался не только воспарить

высоко к небу, но и уместиться на каменном утесе, иногда нависая над грозной бездной глубиной от 200 до 600 метров, иногда даже частично спускаясь в нее. Константина, называемая путеводителями «естественным акрополем», когда-то была древней Циртой, столицей Нумидийского царства, первого на территории Алжира государства, созданного в III в. до н. э. предками современных берберов. В IV в. н. э. она сменила название в честь восстановившего ее (после полного разрушения в ходе междоусобиц) римского императора Константина. По живописности и своеобразной суровой красоте этот город не имеет себе равных в Алжире. Нигде нет столь гигантского крутого обрыва опоясывающей Константину пропасти, по краю которой проходит улица, так и называемая — бульвар Бездны. Нигде нет столь внушительно окаймляющего город с юга широкого полукольца шоссе, вознесенного на высоту более 100 метров над ущельем Руммель. Это шоссе большей частью проходит над массивными арками четвертькилометрового моста Сиди Рашид, названного в честь местного марабута (его кубба — на возвышающейся вблизи скале).

О мостах Константины можно написать целое исследование. Они соединяют этот «неожиданный мыс в растительном море», как назвал город родившийся в нем известный писатель Катеб Ясин, с окружающим плато, отдельные участки которого теперь заняты новыми районами разросшегося города. После Сиди Рашида самый большой мост — Аль-Кантара, расположенный на высоте 125 метров. Он наиболее старый (возведен еще римлянами), но неоднократно разрушался и восстанавливался. Название его — весьма обычное, в переводе означает «мост, виадук, арка». Оно явно восходит к названию главного моста Толедо — Алькантара, считавшегося в эпоху процветания мавританской Андалусии образцом для строителей и также сложенного заново арабами на древнеримском фундаменте. Да и рельеф Толедо, расположенного на высоком плато с обрывистыми краями и с трех сторон окруженного рекой Тахо, отчасти напоминает рельеф Константины.

Воспоминания об Андалусии не чужды жителям Константины, многие из которых, как и прочие алжирские горожане, возводят свою родословную к известным андалусским фамилиям. Например, шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис (1887—1940), прозванный «отцом алжирско-

го возрождения», принадлежал к старинной константинской семье, происходящей от правителей Гранады XII в. Об «андалусской ностальгии» константинцев пишет в своем романе «Неджма» и Катеб Ясин, упоминая, что речка Руммель, выходя к морю, называется уже Вади аль-Кебир «в память о другой утраченной реке, Гвадалквивире, которую мавры, изгнанные из Испании, не смогли взять с собой».

Если идти от вокзала через Аль-Кантару, то можно попасть в центр города. Мы гуляем по Константине, совершенно ошеломленные ее контрастами, внезапными наклонами и поворотами тенистых прямых улиц, витыми решетками балконов, аркадами и пилястрами по фасадам домов, навесами и сводами тесного и многолюдного рынка. Выходим на вымощенную брусчаткой большую площадь со столиками кафе под открытым небом. Это площадь Первого ноября (дня начала алжирской революции), бывшая площадь Бреши, называвшаяся так в память о проломе в крепостной стене, через который французы в 1837 г. ворвались в город.

Достопримечательностей здесь так много, что мы едва успеваем их заметить и далеко не всегда — запомнить.

— Главная в городе мечеть — Джамаа аль-Кебир. У нее, как видите, остроконечный минарет турецкого типа. Местные жители долго сопротивлялись французам, еще семь лет после падения столицы Алжира. А последний правитель Константины, Ахмед-бей, был турок по отцу и кабил по матери.

Выслушав гида, мы выходим по широкой улице Ларби Бен Мхиди к легкому и тонкому мосту через каньон Руммеля, тихо журчащего внизу.

— Этот подъемный мост, — говорит Аззеддину, — только для пешеходов в отличие от Сиди Рашида и Аль-Кантары. Раньше его называли проход Перрего.

Через некоторое время мы оказываемся еще на одном висячем мосту — Сиди Мсид, который расположен выше всех прочих — на высоте 175 метров — и изображен, пожалуй, на большинстве рекламных проспектов Константины. Идти по нему даже жутковато: настолько зыбким кажется он и настолько далекими — уступы скалистых обрывов внизу, три этажа извивающегося между ними горного шоссе, редкие среди лесного массива дома в окрестностях города.

Наше пребывание в Константине было слишком ко-

ротким. Но нам удалось побывать в новом университете. Расположенный в огромной башне современного небоскреба, он отлично виден из любой точки волнообразного города, новыми кварталами раскинувшегося по близлежащим холмам, а старой частью нависшего над пропастью Руммеля. Двадцатипятиэтажное здание, только что достроенное, пахнет свежей краской и известью, внешне несколько напоминает Гидропроект в Москве у метро «Сокол». Об университетских встречах речь пойдет впереди. Замечу лишь, что посещение нового университета в самом традиционном из алжирских городов во многом помогло нам правильно понять соотношение традиций и новизны в жизни Алжира начала 70-х годов.

Из Константины мы выехали в Аннабу. Мне уже доводилось бывать в этом городе с ровными, прямыми улицами, мало характерными для облика алжирских городов, с густой зеленью высоких пальм на площади перед вокзалом и на широком центральном бульваре Революции. За истекшие десять лет Аннаба стала теснее, многолюднее, но сохранила прежний вид южного приморского города с европейской, по преимуществу геометрически правильной (квадратно-прямоугольной) архитектурой, с обилием магазинов, ларьков и просто одиночных торговцев, разложивших товар прямо на земле. Как и в Константине, здесь почти не замечаешь границы между современными и старинными кварталами. Но в отличие от Константины, где большинство мусульманок кутается в черные покрывала, здесь много женщин в европейских или традиционных цветастых платьях. Нам не удалось много походить по городу, так как жили мы в 14 километрах от него, в местечке Сераиди, куда наш автобус взбирался по крутому серпантину довольно долго, причем рев его мотора становился все жалобнее и жалобнее. Наконец мы оказывались на высоте 860 метров над уровнем моря, прямо у ворот роскошного отеля «Мунтаза», выглядевшего как рафинированный замок на высокой скале (раньше он так и назывался: Ксар дю Роше — Наскальный замок). Отличный вид на море и близлежащие горы, свежий, прохладный воздух напоминали нам, что равнинность и ровность Аннабы — это исключение из правила, случайный каприз алжирской природы, как бы пожелавшей отдохнуть от непрерывной сгорбленности и вздыбленности горного ландшафта.

Чередование равнин и гор вообще характерно для

всех районов Алжира. Пожалуй, только на востоке страны побольше гор, а на западе — равнин. Но, как правило, везде есть и то, и другое. Например, по дороге из Аннабы в Сетиф трудно даже сказать, сколько раз горный пейзаж сменяет равнинный, и наоборот. А вот от Сетифа к морю дорога идет среди желтовато-зеленых гор, а оканчивается недалеко от Беджайи обширным и ровным пляжем, который с одной стороны неумолимо выгрызают набегающие пенистые волны Средиземного моря, а с другой — теснит огромный великолепный отель «Хаммадиды», названный в честь берберской династии XI—XII вв. Отель похож на вытянувшийся вдоль берега замок, сплошные контрфорсы которого выступают наподобие исполинских белых ребер, с черными квадратами окон. С наступлением темноты очертания замка смазываются, и он становится похож на облако тумана, спустившегося с чернеющих вблизи гор.

— Рядом с нами Беджайя, — говорит Аззеддину. — Она была еще древнеримским портом Сальде, но по-настоящему расцвела при Хаммадиде, когда называлась Насырийя в честь основателя династии эмира Насыра. Однако сохранилось ее нынешнее название Беджайя, которое, как полагают, произошло от слова «бекайя», то есть «выжившие», «оставшиеся», «беглецы». Очевидно, имелись в виду андалусские мавры, заселившие город позже. Но это пока еще теория, которую предстоит доказать.

Я соглашаюсь с гидом. В самом деле, если уж говорить об андалусцах, то почему не вспомнить, что по всему Магрибу очень распространены фамилии Баджи, Беджауи, то есть уроженец Бежи — Баджи, одного из центров аль-Андалуса. В этом случае «Беджайя» может означать «беджийка» или «беджийцы». А французское название города — Бужи — произошло от арабского, что подтверждается французскими толковыми словарями.

Наутро покинув отель, мы миновали Беджайю — уютный, красивый городок, карабкающийся по склону горы над живописной бухтой, прорезанной длинными пирсами, изогнутыми, как в столичном порту.

— Похоже на Ялту, — говорит кто-то из нас, а за окном проплывают магазины, здания махакмы (суда), полицейского комиссариата, школы с толпящимися во дворе малышами с сумками и ранцами.

Некоторые улицы имеют вполне столичный вид. Сре-

ди крытых красной черепицей современных многоэтажных домов желтеют плоские кровли местной касбы. Мелькнула массивная, крупной кладки, кирпичная стена старой крепости, по словам гида — древние морские ворота города Баб аль-Бахр. А на верху горы над городом — турецкая цитадель. Но здесь не только памятники старины. Беджайя ныне — один из центров нефтяной и строительной промышленности. Напоминающие об этом склады, цистерны, новостройки мы проезжаем уже за чертой города.

Прямо от Беджайи начинаются горы Малой (Баборской) Кабилии. Вокоре мы въехали в долину Суммам, отделяющую Малую Кабилию от Великой, основу горной системы которой составляет хребет Джурджура. Хотя горы Джурджуры выше Бабора, Великая Кабилия не кажется изобилующей глубокими ущельями, обрывами и кручами. Несмотря на мелькающие кое-где снежные вершины гор, пейзаж здесь мягче, а дороги прямее, без крутых взлетов и виражей. Среди величественного ландшафта изредка попадаются селения: чуть больше десятка бело-желтых домиков, крытых оранжево-красной черепицей, а рядом — оливковые рощи или леса пробкового дуба. Такие леса особенно густы у городка Азагга, спускающегося с гор по относительно пологому склону. Несколько вполне городских улиц с бензоколонками, новых зданий с автомашинами во дворах. Но основная часть городка — скорее «деревенская», со множеством оград из кактусов и с приметамы сельского быта: стариком верхом на осле, таскающими тяжести женщинами, не закрывающими лица девчушками в пестрых платьицах, неторопливо ползущими по улицам тракторами.

— Отсюда, — сообщил Аззеддину, — недалеко до завода по монтажу электронного оборудования, выстроенного с помощью ФРГ и Италии, а также до Бени-Йенни, столицы ювелирного мастерства кабиллов, прославившейся своими изделиями из серебра и драгоценных камней.

Гид сумел поймать по своему транзистору передачу московского радио. Мы слушали в глубине алжирских гор последние известия из Москвы, а затем концерт русской музыки, после чего вели долгий разговор о русской культуре, о новейших советских машинах, о кибернетике, об академике Колмогорове и его заслугах перед мировой наукой. Чувствовалось, что наши алжир-

ские друзья, искренне интересуясь всем, что связано с СССР, все же мало информированы. А вот относительно жизни на Западе они весьма неплохо осведомлены. Аззеддину, например, хорошо знал, что тогдашний президент США Никсон за четыре года «утроил свое состояние и стал почти миллионером», что британская радиокорпорация Би-би-си передает самые подробные сведения о событиях в арабском мире, что в Алжире больше всего туристов из ФРГ, называющих Кабилию «алжирской Швейцарией», что испанцы издают у себя многие книги алжирских издательств и строят в Алжире шикарные отели, например отель «Зири» в столице, «предназначенный только для бизнесменов».

Минуя апельсиновые рощи, сады и огороды, перекрестки горных дорог и отдельные деревья, увенчанные гнездами аистов (иногда по два-три на дереве), мы подъезжаем к столице Кабилии Тизи-Узу. Гид показывает нам здание загородного тубдиспансера, в котором работают советские специалисты. Вверху, на холмах, уже видны первые дома Тизи-Узу. Здесь я, как и в Аннабе, после десятилетнего перерыва. Город вырос, в нем появилось много новых, белоснежных высоких зданий, отличающихся от старых, пожелтевших двух-трехэтажных домов французского периода. Исчез прежний рынок, появились роскошная мечеть, напоминающая почти индийский храм, и отель «Беллуа», названный в честь местного марабута. Я узнаю и бульвар Беллуа: по своей конфигурации он повторяет рельеф города, как бы забился в седловину между горами и добровольно принял форму чаши. В Тизи-Узу стало теснее: больше народу и машин, с которыми наш автобус иногда с трудом разъезжается.

Жители Тизи-Узу выглядят вполне современно в европейских костюмах и, как правило, с непокрытой головой. Тюрбанов и шеший, довольно часто попадавшихся 10 лет назад, особенно на людях пожилого возраста, теперь почти не увидишь. Сейчас старики здесь носят наброшенную поверх европейского костюма грубошерстную накидку, своего рода полуплащ-полубурнус. И кто их знает, от кого многие из них унаследовали светлые глаза и волосы? От древних берберов, римлян, вандалов, византийцев, турок, веками стоявших гарнизонами в главных пунктах Кабилии, андалусских пришельцев или принявших ислам европейских пленников? Немало тут и чисто арабских лиц. А у кое-кого явно проступают

негрондные черты. В Кабилии в свое время в турецких гарнизонах служило много африканцев (гнауа), захваченных турками в оазисах Сахары и превращенных в солдат. Одним словом, в этническом плане Тизи-Узу столь же пестр и своеобразен, как и любой другой алжирский город.

Кабилы — основная группа берберов Алжира. Естественно, столица Кабилии — центр берберской культуры. К ней и тогда, в 1973 г., в стране проявлялось внимание. Берберы гордятся тем, что еще более 2 тысяч лет назад они были независимы и от финикийцев, и от римлян, называя себя «амазиг» («свободные люди»)*. А название «бербер» латинского происхождения: так римляне именовали всех, кто не говорил на латыни. Ныне в Алжире признается важный вклад берберов в формирование алжирской нации. И недаром Кабилия вместе с Ауресом явилась главным оплотом национально-освободительной революции алжирского народа. Повсюду в Кабилии можно видеть каменные стены и обелиски с именами шахидов — павших героев революции. Иногда этот список насчитывает до 200 имен. Подобные памятники боевой славы напоминают те, которые можно видеть у нас в Белоруссии, на Украине, на Смоленщине.

Покинув Тизи-Узу, мы вскоре проезжаем большой текстильный комбинат в Драа Бен Хедда.

— Он выстроен с помощью СССР и Египта, — информирует нас гид. — Сейчас здесь работают советские специалисты. Это самое большое текстильное предприятие в стране.

Он еще рассказывает что-то о фабрике кабилских ковров в Тизи-Узу, а мы в это время минуем выстроенный для работников комбината новый поселок: пятиэтажные кирпичные дома, кое-где недостроенные, свежерыкрашенные вывески на арабском и французском языках, небольшая больница.

— С первого января лечение в Алжире бесплатное, — напоминает Аззеддину.

* На V съезде ФНО в декабре 1983 г. Генеральный секретарь партии, президент АНДР Шадли Бенджедид указал, что «история Алжира началась... не со времен колониального завоевания или прихода арабов. Она насчитывает более двадцати пяти веков с тех пор, как наш народ вышел на историческую арену и назвал себя „амазиг“, т. е. „свободные люди“» (Эль Муджахид. Алжир, 21.XII.1983. Приложение, с. VII — на франц. яз.).

Дальнейший путь до столицы мы буквально неслись по ровному шоссе, проскакивая городки и поселки. И лишь когда автобус тормозил на повороте или на спуске с холма, можно было разглядеть мелкую, словно ножницами нарезанную, листву невысоких кривых деревьев, нависавших над крупной черепицей двускатных крыш, потрескавшиеся стены каменных хижин (гурби), сидевших у дверей прищурившихся усатых крестьян в цветных тюрбанах и темных шешиях, в серых или иных накидках поверх старых пиджаков. Горы кончились. Вернее, они куда-то отступили, синевя на горизонте. Все более отдаляясь от них, мы завершали свое путешествие.

Университеты: старое и новое

Еще недавно такой заголовок казался невозможным, так как в стране был всего один университет. Однако постепенно, через несколько лет после провозглашения независимости, факультеты и отделения столичного университета возникли в Орране и Константине, где на их базе оформились потом самостоятельные университеты. В дальнейшем они появились и в других городах. В независимой АНДР забота об образовании считается столь же важным делом, как индустриализация и аграрная реформа.

Сейчас в стране 6 университетов, 10 университетских центров, 106 тыс. студентов и 12 тыс. преподавателей вузов. Я узнал это в октябре 1983 г. от одного из руководителей министерства высшего образования и научных исследований АНДР Мустафы Букари. Для такой страны это много. Достаточно сказать, что только научно-технический университет в Баб аз-Зуаре (в 15 километрах от столицы) выпускает в год около тысячи инженеров, геологов, математиков, биологов, химиков, физиков. Растет молодая интеллигенция Алжира.

В 1973 г. мы были в Алжире не просто туристами. Пребывание нашей группы в этой стране имело целью также укрепить алжиро-советскую дружбу, способствовать культурному сближению между народами, улучшить их взаимную информированность. Среди нас были врачи, журналисты, инженеры, искусствоведы, художник, агроном, архитектор, юрист, историк. И естественно, все мы встречались с нашими коллегами, рассказывали

им о различных сторонах жизни Советского Союза, отвечали на их вопросы, слушали их рассказы. Охватить, даже в общих чертах, тематику этих бесед просто невозможно. Достаточно лишь назвать такие обсуждавшиеся проблемы: деятельность высших и местных органов власти в СССР и АНДР, подготовка научных и преподавательских кадров в обеих странах, состояние системы просвещения и дошкольного воспитания, обмен соответствующей литературой и профессиональной информацией, выработка национального стиля в архитектуре, скульптуре и живописи, организация медицинского обслуживания и детского здравоохранения.

Мы встречались в союзах архитекторов и художников, некоторых ведомствах, госпиталях. Больше всего встреч было в университетах Алжира и Константины. Одна из них состоялась в кабинете декана историко-литературного факультета Алжирского университета г-на Шабу. Высокий, широкоплечий, с громким голосом баритонального тембра, хозяин оглушительно приветствует нас и горячо высказывается за укрепление сотрудничества ученых и педагогов обеих стран. Беседа идет на арабском языке. Другого на филфаке не признают, особенно после начатой в 1971 г. арабизации образования. Это не значит, что г-н Шабу и присутствующие в его кабинете не знают французского языка. Но пользуются они им крайне неохотно, торопливо отвечают на заданный по-французски вопрос и вновь переходят на арабский. Наиболее упорствует в этом шеф департамента (кафедры) истории Муса Ликбаль — смуглый, полнощечий, чуть седеющий, с внимательным прищуром блестящих черных глаз. Он знает о работах советских ученых В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Е. А. Беляева главным образом по рецензиям в арабских и французских изданиях. Интересуется советскими исследованиями истории Магриба и «вообще мусульманской цивилизации», в частности всем, что у нас написано о Золотой Орде и приобщении монголов к исламу, а также работами Б. Н. Заходера об Иране.

Внезапно в кабинете начинает звучать русская речь. Я вспоминаю, что только на курсах русского языка при советском центре в Алжире учатся около 200 человек. Кроме того, центр координирует деятельность примерно двухсот кружков по изучению русского языка в различных пунктах Алжира. Однако сейчас мы слышим Луафи Аббда, возглавляющего секцию русского языка

в столичном университете. Он настолько хорошо говорит по-русски, что сначала трудно поверить, что говорит иностранец, тем более глядя в его синие, совсем «неалжирские» глаза. Абид окончил университет в Страсбурге, где учился у советских преподавателей, а затем приезжал в СССР на трехмесячный семинар учителей русского языка. Он и профессор Мухаммед Саиди, окончивший в Москве Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, — энтузиасты своего дела. Абид с увлечением рассказывает о работе секции, перечисляет советских преподавателей, обучающихся студентов русскому языку.

— В настоящее время, — говорит он, — русский язык и литературу изучают сорок пять студентов. Для пятнадцати человек это будет основной специальностью. Остальные главным образом специалисты по английской или французской литературе, которые хотят сделать русский язык своей второй специальностью.

На самом деле русский язык в университете изучает гораздо больше студентов. Когда один из них вечером того же дня подошел ко мне и начал спор на довольно хорошем русском языке, Мухаммед Саиди улыбнулся:

— Он — историк, занимающийся всеобщей историей и не мыслящий ее изучение без знания русского языка.

Как и многие другие, этот студент не входил в число упомянутых 45 филологов-русистов.

Интерес к русскому языку и культуре, к СССР и всему советскому стал в Алжире уже традицией. В этом мне довелось убедиться и во время упомянутой встречи в деканате. Декан Шабу, в частности, живо интересовался последними достижениями советской арабистики, работами советских медиевистов, литературоведов и лингвистов, проявив особое внимание к изучению арабских рукописей в фондах СССР и к продолжению советскими арабистами традиций академика И. Ю. Крачковского. Алжирский университет поддерживает активные контакты с различными научными учреждениями и библиотеками Советского Союза. В этой связи г-н Шабу высказался за расширение всестороннего обмена опытом и литературой, за продолжение установившейся практики приглашения в Алжир советских преподавателей, в том числе востоковедов. Он очень тепло вспоминал визит в Алжир в 1972 г. советского филолога-арабиста Г. Ш. Шарбатова, поразившего алжирцев своей великолепной арабской речью.

Разговор об этом зашел не случайно. Мы приехали в Алжир в разгар кампании за арабизацию. Арабский литературный язык стал основным в государственных учреждениях, в начальной школе, в преподавании истории, географии, филологии в высших и средних учебных заведениях. Резко повысился (особенно по сравнению с 1963 и 1966 гг., когда мне также довелось посетить Алжир) удельный вес арабоязычной литературы и прессы в магазинах и киосках, арабоязычных вывесок и объявлений. «Арабизация преподавания морали, гражданского воспитания, истории и географии» является одной из важнейших задач, как отмечается в изданном министерством информации и культуры Алжира в 1972 г. большом сборнике «Алжирская революция: реальность и перспективы». Все получающие образование на французском языке (а оно пока что преобладает, особенно в области технических и прикладных дисциплин) одновременно проходят 300-часовой курс обучения арабскому литературному языку, с тем чтобы пользоваться им в своей профессиональной деятельности. Радио, телевидение, пресса всячески содействуют изучению арабского литературного языка.

Для алжирца, гражданина страны, подвергавшейся национальному обезличиванию свыше 130 лет, говорить по-арабски — более чем потребность: это вопрос чести и национального достоинства. И тем больше уважения испытывают алжирцы к иностранцу, если он говорит по-арабски. Общение с чужестранцами на французском языке стало для них уже давней привычкой. Но надо видеть, как светлеют их лица и как раскрываются эти в общем довольно сдержанные люди навстречу тому, кто заговорит с ними по-арабски!

Интерес к достижениям русской и современной советской арабистики иногда приобретает несколько специфический характер. Муса Ликбаль, с которым мне довелось потом встретиться в неофициальной обстановке, например, спросил, объективно ли освещены у нас история восточного средневековья, «выдающаяся личность Бату-хана» (Батыея!), его роль и в целом значение Золотой Орды в истории России, а также взаимоотношения России с Турцией и Ираном.

По тональности вопросов догадываюсь, что сочувствие любезно улыбающегося Ликбаля на стороне «государств ислама», то есть Турции и Ирана. Может быть он вспомнил, что когда-то адмирал Ф. Ф. Ушаков гро-

мил турецкий флот, в составе которого находились и корабли алжирских райсов (корсарских капитанов)? В таком случае неужели ему безразлично, что райсы были в большинстве своем не алжирцами и даже не турками, а просто принявшими ислам европейскими авантюристами?

Убеждаюсь, что мой собеседник твердо стоит на том, что даже русско-турецкие войны — чуть ли не продолжение со времен крестовых походов векового «противоборства ислама и христианства». Исламистские настроения в Алжире вообще усилились с конца 60-х годов. Для одних это форма национализма, для других — поиски социальной справедливости на основе Корана и шариата, для третьих — скрытая поддержка «братьев-мусульман», воинствующих клерикалов, старающихся распространить свою деятельность на все арабские страны*.

Есть и другие дополнительные причины обращения к исламу алжирских интеллигентов. Для научной молодежи Алжира, в первую очередь молодой поросли университетских историков, характерно стремление докопаться до исходных моментов новой истории страны, создать заново ее периодизацию, порвав как можно больше связей с вызывающими протест алжирцев концепциями западной буржуазной историографии. Отсюда — нежелание считать 1830 год, то есть начало колониального завоевания, каким-либо значительным рубежом в истории Алжира, стремление внимательнейшим образом заново переосмыслить и проанализировать предшествовавший этому году «османский период» — так они называют правление в Алжире турецко-янычарских деев. Многие из них считают, что алжирская нация и единое национальное государство в Алжире уже существовали в «османский период». Муса Ликбаль, рассказав мне об этом, с улыбкой спросил:

— А каково мнение советских арабистов по этому поводу?

Вопрос действительно волнует многих. Мне это стало ясно во время прочитанной мною в столичном университете лекции об изучении Алжира в СССР. Лик-

* Правомусульманские круги, прежде всего «братья-мусульмане», с 1980 г. усилили свою деятельность во всех странах Магриба. В Алжире они организовали в 1981—1982 гг. ряд столкновений с властями и прогрессивной молодежью, вынудив правительство АНДР принять против них решительные меры в конце 1982 г.

баль открыл и закрыл ее традиционными мусульманскими формулами: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного» и «Да пребудет над вами милость Аллаха». Вернее, это была, как принято говорить в Алжире, «лекция-дискуссия», ибо дискуссия здесь — важная, если не главная, часть лекции как таковой.

— Как вы считаете, — спрашивали меня, — был ли в Алжире феодализм до прихода колонизаторов? Почему вы расцениваете антиколониальное движение в Алжире после восстания Бу Амамы как буржуазное, хотя национальная буржуазия у нас всегда была очень слаба? Разве буржуазия руководила нашим национальным движением? Да ее у нас по-настоящему и не было! Капиталистами в Алжире всегда были иностранцы, колонизаторы. Почему только государство эмира Абд аль-Кадира определяется вами как подлинно алжирское? А разве в османский период правительство деев не управляло всей страной, не было связано с арабами и берберами узами ислама и не противостояло иноземцам, пытавшимся завоевать Алжир? В отличие от деев Абд аль-Кадир не осуществлял власть над всей страной; так стоит ли ввиду этого считать государство деев менее «национальным», чем государство эмира Абд аль-Кадира?

Некоторые из присутствующих весьма слабо представляли себе, как работают советские ученые. В частности, известный историк Белькасем Саадаллах, учившийся в США, задал мне вопрос:

— По каким источникам работают востоковеды СССР?

И был весьма удивлен, услышав о таких материалах, которые не были использованы в незадолго до этого опубликованной его большой книге о национальном движении алжирцев.

Примерно те же вопросы мне задавали и во время лекции-дискуссии, состоявшейся через день в советском культурном центре. Здесь, однако, при общем дружественном отношении аудитории явно недружественно вел себя маленький шустрый полуподросток (как потом мне сказали, студент медресе). Он был уверен в «политических причинах интереса СССР к Востоку» и сетовал на недостаточное, по его мнению, освещение в нашей литературе «роли ислама и распространения арабского языка во всем мире». Других слушателей, помню, интересовало отношение советских арабистов к спору

о способах производства на Востоке. Из их вопросов стало ясно, что они представляли себе доколониальное алжирское общество как совершенно бесклассовое с якобы полным господством родо-племенных и вообще уравнилельно-общинных отношений.

— Почему вы говорите о феодалах? — недоумевали они. — У нас их не было до прихода колонизаторов! Разве их не породила система колониального гнета?

Встречи в университете Константины были не менее любопытны. Диковатая красота одного из древнейших в Африке городов контрастирует с молодостью, некоторой «модерновостью» и даже недостроенностью университета. За год до нашего приезда он назывался университетским центром, а вместо факультетов были коллежи. У входа в созданный по проекту знаменитого бразильца Оскара Нимейера своеобразный комплекс зданий громоздятся щебень и прочие отходы новостройки, а в аудиториях уже идут занятия, кипят споры и дискуссии. Одна из дискуссий разгорелась после лекции о советской арабистике.

Далеко не все присутствовавшие (а их было свыше 200 человек) понимали, почему русские и советские арабисты, сделавшие так много, меньше известны в арабском мире, чем западные. Пришлось отвечать на вопросы, какие контакты установлены между советским и зарубежным востоковедением, в какой мере эти контакты могут привести к «сближению точек зрения» СССР и Запада в условиях мирного сосуществования, в какой степени возможно их взаимовлияние, что могут позаимствовать исследователи арабского мира, в том числе сами арабы, из методики и техники исследований советских арабистов. Кто-то даже посетовал, что культура и литература стран Арабского Магриба и арабской Андалусии меньше привлекают внимание арабистов СССР, чем история и культура Арабского Востока.

В выступлениях некоторых участников дискуссии в еще большей степени, чем в высказываниях их коллег в столичном университете, чувствовалась симпатия к наследию «османского периода». В Константине это объясняется еще и тем, что именно здесь алжиро-турецкая аристократия более всего сблизилась с арабо-берберским населением, а ее представитель Ахмед-бей в течение 18 лет возглавлял борьбу против колонизаторов на востоке страны. Вот почему многие константиныцы даже склонны возвеличивать Ахмед-бея в ущерб Абд аль-

Кадиру. Здесь, во время дискуссии, они упорствовали, считая, что в Алжире еще до начала колонизации сложилась самобытная нация, частью которой были и алжирские турки.

— Если вы с этим не согласны, — говорили они мне, — то что вы тогда понимаете под нацией? Каковы ее главные признаки? Вы ведь не считаете, как некоторые на Западе, что турецкий период у нас был колониальным? Обратите внимание на наличие в этот период единства языка, культуры, территории, экономики, религии и границ в Алжире.

А один из студентов, худой, в черных очках и с непомерно длинной шеей, замотанной шарфом, даже прокричал:

— Турция была центром ислама, а султан — халифом всех мусульман! Не считали ли вы, что Россия, объявив Турции войну, помешала ей защитить Алжир и помогла Франции его завоевать?

Несмотря на спорность высказывавшихся в ходе дискуссии мнений, в целом встречи в университете Константины оставили столь же хорошее впечатление, как и в столичном. И участникам дискуссии, и тем, с кем мне довелось беседовать до и после нее, свойственны не только запальчивость и острая критичность суждений, но и доброжелательность, живость восприятия и непосредственность реакции, большой и искренний интерес к научной и общественной жизни в СССР. Мне хорошо запомнились скромный и сдержанный Лхмед Акриш, выпускник университета Пезаноля и преподаватель изящных искусств, активно помогавший организовать лекцию о советской арабистике, студент-историк Джамаледдин Филали, больше всех жаждавший узнать о проблемах, достижениях и последних новинках нашего востоковедения, преподаватель литературы сириец Имад Хатем, тепло вспоминаящий годы учебы в СССР и мечтавший создать в Константине секцию русского языка, подобную той, что существует в столичном университете.

Невозможно забыть и энергичных, гостеприимных и дружелюбных функционеров студенческой культурной комиссии Константины. В большинстве своем — студенты самого молодого факультета права и экономических наук, недавно преобразованного из юридического института и еще не имевшего ни одного выпуска, они были воплощением динамичности, прогрессивности и творческого горения юного поколения алжирцев. Именно они

организовали коллективную встречу с нашей группой, чтобы обсудить такие проблемы, как, например, особенности форм собственности при социализме и отличия кооперативной собственности от частной, трудовые конфликты при социализме, соотношение личного и общественного дохода в СССР, судьба денег при коммунизме и порядок формирования органов управления в СССР. Студенты говорили, что они не хотят больше искать ответы на все эти вопросы в буржуазной экономической и социологической литературе или в лекциях присылаемых к ним профессоров из Франции, враждебных идеям социализма или вовсе в них не сведущих.

— Мы уверены, — сказали они нам на прощание, — что будущее принадлежит социализму, который только и может быть правильным ориентиром революционных преобразований. Сейчас это не все у нас понимают. Но через несколько лет все изменится.

Глава 3

ГОД НАЦИОНАЛЬНОЙ ХАРТИИ

Встречи и беседы

В 1976 г. мне удалось впервые попасть в Алжир летом. Это было особенное лето. Мы летели над Европой в совершенно безоблачном пространстве и видели Венгрию, Югославию, Италию, обычно скрытые от глаз авиапассажира густой снежной пеленой облаков. И эта пелена появилась, но только... над побережьем Алжира. В Европе стояла, не спадая, жара выше 30 градусов, горели леса, а в Алжире было непривычно прохладно — 25 градусов вместо обычных 40 в конце июня, — и алжирцы с гордостью говорили, что впервые Франция у них закупает картофель, а не они у Франции, поскольку в Западной Европе выгорели все посевы.

Парадоксальная, не по сезону, прохлада отнюдь не мешала кипению политических страстей. Алжир готовился к референдуму по Национальной хартии — программному документу партии ФНО, обсуждение которого шло уже несколько месяцев. И связанное с этим волнение алжирцев мы почувствовали очень быстро, еще

когда ехали с аэродрома и видели вывешенные всюду лозунги: «Национальная хартия — опора социалистической революции! Национальная хартия — революция собраний!» Имелось в виду закрепление в Хартии принципа демократического представительства и выборности революционного руководства, которое до этого 11 лет формировалось путем кооптации преимущественно из состава армейского командования.

Но дело было не только в этом. Национальная хартия как бы подводила политический итог и идейно обобщала опыт революционных преобразований.

— После революции мы установили очередность решения проблем, — сказал нам Мухаммед Фасла, один из руководителей министерства культуры и информации. — Сначала создавалась промышленность. Потом налаживалось сельское хозяйство. Сейчас решаются вопросы культуры и идеологии.

Принявший нашу делегацию министр труда и социального обеспечения Мухаммед Саид Мазузи отметил:

— Мы живем сегодня проблемами, которые стояли перед вами на первом этапе революции. У нас сейчас подготавливается новое трудовое законодательство, его постепенное распространение на тружеников сельского хозяйства и сектора самоуправления. Борьба за осуществление Национальной хартии заключается также и в том, чтобы претворить в жизнь провозглашенные лозунги и законы о труде.

Нам было очень приятно, что именно в столь ответственное для Алжира время в стране торжественно открылись Дни алжиро-советской дружбы: в театрах страны, в том числе в Национальном театре столицы, выступал азербайджанский ансамбль песни и пляски «Дан Юлдузу», а делегацию общества дружбы «СССР — Алжир» принимали видные общественные деятели. Один из первых ее визитов был к ответственному руководителю аппарата партии ФНО Мохамеду Шерифу Мессадия.

Среднего роста, хорошо сложенный, с седеющей копной волос и аккуратно подстриженной бородой, Мессадия сразу же начал непринужденный разговор, вспоминая о своем знакомстве со времен партизанской борьбы и революционного подполья с сопровождавшим нас Хаджем Бен Айядом, генеральным секретарем ассоциации «Алжир — СССР», которая и организовала празднование Дней дружбы. Затем разговор зашел о всенародном обсуждении Национальной хартии, о совершен-

ствовании организационной структуры партии ФНО и все более тесном сотрудничестве АНДР и СССР.

— Вы можете себя здесь чувствовать вполне непри-
нужденно, без всякого протокола, как это и должно
быть между настоящими друзьями, — говорил нам Мес-
садия, весело улыбаясь.

Вместе с тем он сожалел, что делегация прибыла на
короткий срок, в течение которого мало что успеет по-
видать, особенно вне города Алжира.

— А ведь даже мы сами, — добавил он, — выезжая
за его пределы, узнаем много нового. Страна наша по-
всюду очень разная. Вы можете увидеть районы, совер-
шенно не похожие на столицу.

В теплом отношении к нам мы неоднократно убеж-
дались и в дальнейшем, ибо ежедневно встречались с
десятками знакомых и совершенно незнакомых активи-
стов ассоциации «Алжир — СССР». Некоторых из них
интересовали в первую очередь достижения советской
экономической науки, опыт планирования, индустриали-
зации, ликвидации неграмотности, вопросы взаимоотно-
шений партии и администрации.

Вице-президент ассоциации, бывший министр юстиции
Амар Бентуми, только что приехавший из Луанды, где
он присутствовал на международном судебном процес-
се по делу разбойничавших в Анголе западных наемни-
ков, был переполнен впечатлениями от увиденного и
рассказывал нам об этом, а также об интернациональ-
ной помощи ангольцам со стороны кубинских товари-
щей. Речь, естественно, заходила вообще о международ-
ной солидарности революционеров. Во время беседы я
узнал от Бентуми интересные факты об алжирских бор-
цах-подпольщиках предреволюционных 40–50-х годов.
Оказывается, многие из них были знакомы (по фран-
цузским переводам) с такими произведениями совет-
ской литературы, как «Чапаев» Д. Фурманова, «Це-
мент» Ф. Gladкова, «Как закалялась сталь» И. Остров-
ского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Тихий Дон»
М. Шолохова.

— Активисты подполья не только читали эти кни-
ги, — говорил наш собеседник. — Они находились под их
влиянием и брали пример с их героев.

Это — свидетельство из первых рук, ибо Бентуми
сам был участником предреволюционного подполья и
узником колониалистских тюрем. Я напомнил ему, что
уже в годы революционной войны алжирского народа

одного из ее руководителей, А. Х. Амируша, прозвали «алжирским Чапаевым».

— Что ж, вполне возможно, что Амируш действительно знал о Чапаеве, как и многие другие алжирские революционеры, — ответил Бентуми.

Мы беседовали с руководителями Национального экономического и социального совета (НЭСС) Абдурахимом Айт Шаабаном и Абд аль-Хакком Аббасом, как бы воплощавшими два крайне непохожих типа алжирцев: первый — невысокий светлоглазый шатен, каких немало в горах Кабилии, второй — высокий, худой, с сединой, резко выделяющейся на фоне его темной, как у африканца, кожи. Они разъяснили нам структуру и задачи совета, тогда бывшего фактически контрольно-совещательным органом при правительстве АНДР. Речь шла и о трудностях практического претворения в жизнь четырехлетнего плана развития АНДР (1974—1977), и об официально провозглашенных положениях Национальной хартии, в том числе относительно социальных мер и роли трудящихся, приспособления профсоюзов к новым условиям, а также совместимости идей социализма и ислама.

— У нас девяносто процентов населения принадлежат к крестьянству, — сказал Айт Шаабан. — А крестьянство наше глубоко религиозно и привержено исламу. Оно просто не поверило бы в социализм, если бы он не был связан с исламом.

Наряду с этим мы слышали кое-что и о сдвигах в сознании алжирских мусульман, в том числе крестьян. Генеральный секретарь ассоциации Бен Айяд много рассказывал нам о жизни страны, о новых явлениях в демографии, образовании, семейном законодательстве АНДР.

— Вас, конечно, — говорил он, смеясь, — интересуется вопрос о многоженстве в Алжире. Оно у нас формально не запрещено. Но в случае вторичной женитьбы муж обязан отделиться от первой жены со всеми юридическими последствиями этого, включая раздел имущества. То же самое — с разводом. Формально он прост. Однако на деле сопровождается сложной юридической процедурой и взысканием алиментов на детей. Просто взять да уйти от семьи, как раньше, мужчина не может: это преследуется вплоть до тюремного заключения. Правда, пока что традиционная формула развода, когда мужу достаточно в присутствии муллы трижды ска-

зять: «развод», законом не отменена. За ее отмену особенно ратует Национальный союз алжирских женщин.

А вице-президент ассоциации Мухаммед Саиди, отличный знаток русского языка и литературы (им подготовлена первая в Алжире диссертация о творчестве А. А. Блока), уже в конце нашего пребывания в Алжире, когда мы делились с ним впечатлениями о поездке по стране, сказал:

— Алжирская деревня очень выросла за последние годы. Изменилось там почти все, включая нравы и обычаи. Ведь теперь в деревне девушки не только не закрывают лица, но и ходят в джинсах, что ранее было немыслимо. Изменилось также понимание крестьянами своих гражданских прав и своего долга перед обществом. Если этот опыт будет продолжен, то он станет уникальным не только в Алжире, но и во всем афроазиатском мире.

Переменам в жизни Алжира во многом способствовали социальные и экономические меры правительства АНДР в 1966—1976 гг. Об этом нам говорили почти все, с кем мы встречались, но больше других — занимавшиеся этими вопросами в НЭСС Аббас, Айт Шаабан, Бен Айяд, Шами. В эффективности этих мер мы смогли убедиться сами, посетив медико-санитарный центр в Шераге, примерно в 12 километрах от столицы. Из бесед с директором центра Туами и главным врачом д-ром Азизом мы получили представление о масштабе работ и затрат центра.

Его выстроил предприниматель Мабрук Зади. Ничего удивительного: частный капитал в Алжире наиболее силен в торговле и строительстве. Однако центр — государственное учреждение. На его содержание за 2 года потрачено 7 миллионов динаров. Бюджетом предусмотрено 100 динаров в день на одного больного. Лечение бесплатное, принимают только тех, кто где-либо работает. За год здесь получают медицинскую помощь до 2 тыс. человек. Персонал центра — 130 человек, включая 3 врачей и 50 медсестер. Еще 7 врачей приглашаются на консультации из столицы. Для выздоравливающих созданы мастерские, среди них есть и художественные. Дававший нам объяснения д-р Азиз широко и свободно судил обо всем, в том числе о вопросах философии и политики.

Алжирцам вообще свойственно думать о значении опыта их революции для всего, по их словам, «третье-

го мира». Это заметно не только на международной арене, где АНДР с 1974 г. прочно утвердилась среди лидеров борьбы за новые, равноправные отношения между развивающимися странами и государствами развитого капитализма. Мне довелось лично убедиться, что новая алжирская интеллигенция, особенно связанная с производством, старается не только глубоко осмыслить опыт революции в Алжире и его место в мировом революционном процессе, но и наметить пути дальнейшего развития и углубления революционных преобразований.

Лекция в Бумердесе

Если отправиться из столицы Алжира на восток, то, минуя Руибу с автосборочным заводом, обеспечивающим страну грузовиками местного производства, и Регайю (бывшую ставку французского командования), ныне известную крупным государственным предприятием черной металлургии, попадаешь в Будуаву, ранее называвшуюся Альма в честь успеха французской армии на речке Альме во время Крымской войны. Все эти городки, как и прочие бывшие поселки колонистов, получившие после Крымской войны названия Инкерманн, Малакоф (Малахов) и т. п., выглядят очень однообразно: длинная главная улица обычно совпадает с проходящим через поселок шоссе, в середине площадь с остроконечным шпилем церкви, ныне обычно переделанной в мечеть или административное здание, мэрией и сквером или рынком поблизости. Пристрастие же местных колонистов к крымским названиям объясняется тем, что отличившиеся в Крымской войне полки зуавов в основном формировались из алжирских французов (само их экзотическое название восходит к зуауа — одному из племен Кабилии). Разумеется, сейчас эти названия заменяются арабскими, ибо Крымская война была войной Франции, а не Алжира.

От Будуавы совсем недалеко до Бумердеса, бывшего Роше-Нуара, где в первые месяцы после прекращения войны в Алжире располагался так называемый Временный исполнительный орган из представителей Франции и Алжира. Ныне Бумердес — студенческий городок, в котором высятся на берегу моря новые корпуса пяти институтов. Два из них — Африканский институт нефти, газа и химии, а также Институт легкой про-

мысленности — созданы и оснащены с помощью СССР. Преподавание в них ведут 500 советских специалистов. Но мы направляемся в ИНПЭД, как сокращенно называется Национальный институт экономической производительности и развития. В нем проходят стажировку, переподготовку или повышают квалификацию инженеры, экономисты, социологи, журналисты, технические специалисты и административно-управленческий персонал.

Нас очень любезно встречают директор ИНПЭД Бен Калуль и проректор по культурной работе Института нефти и газа Джемаун Джемауи. Особенно внимателен Бен Калуль — сравнительно молодой, спокойный, неторопливый, с вполне европейской внешностью и манерами учтивого француза. Чувствуется, что он хорошо знаком с французской наукой и художественной литературой, с наимоднейшими веяниями западной философии. Тема предстоящей лекции — «Проблемы переходного общества в странах Азии и Африки» — интересует его именно с философской точки зрения. В его словах, несколько неожиданных для экономически образованного администратора, слышатся отголоски экзистенциалистских представлений о человеке, уверенность в непознаваемости мотивов, движущих человеком. Марксистское представление об обществе он не отвергает, но допускает наряду со всеми прочими теориями, из которых сам отдает предпочтение взглядам Макса Вебера. Вместе с тем он неплохо знает современные экономические теории, в том числе ученых леворадикального направления, но явно сомневается в их эффективности.

Состоявшаяся вслед за этим лекция, на которой помимо слушателей ИНПЭД присутствовали также и преподаватели, была в полной мере типичной для Алжира лекцией-дискуссией. Более двух третей отведенного времени, то есть почти 2 часа, ушло на выслушивание тех или иных мнений и ответы на вопросы. Чувствовалось, что многие участники дискуссии знакомы с марксизмом или же придерживаются близких к нему демократических позиций. Вот что они спрашивали: «Как решается вопрос о власти в период перехода от капитализма к социализму? Какие классы могут руководить этим переходом? Какова роль крестьянства и мелкотоварного производства в переходный период? Как преодолеть политическую инертность несознательной части трудовых масс? Какова природа госсектора в

странах капитала и государствах социалистической ориентации? Какова разница между производственными и социальными отношениями и не тормозят ли вторые развитие первых? Не преувеличивается ли роль планирования при социализме? Как пресечь вредную для народного хозяйства деятельность транснациональных корпораций?»

Некоторые из слушателей фактически не задавали вопросов, а излагали свою точку зрения, иногда не соглашаясь с докладчиком. В частности, высказывались мнения о том, что крестьянство ныне в Азии и Африке — вовсе уже не класс феодального общества, но и оно вовсе не автоматически революционно в силу своей бедности, как считал известный алжирский теоретик революционной борьбы Фанон. Другие говорили о потенциальной революционности крестьянства, которую «можно и надо разбудить». Один из наиболее молодых участников дискуссии сказал:

— Не считаете ли вы, что все упирается в классовую природу и форму государственной власти?

Ему возразили, что все упирается в источники накопления и что преодоление экономической отсталости связано с жертвами для всех, с необходимостью самоограничения и дисциплины. Некоторые из выступавших выражали недовольство термином «революционная демократия» и требовали «преодоления предрассудков правящих слоев в отношении подлинно научного социализма». Говорили также о необходимости сотрудничества государств Азии и Африки со странами социализма. При этом кое-кто сомневался:

— А не повлияют ли на характер и масштабы этого сотрудничества трудности, переживаемые экономикой некоторых социалистических стран?

Разумеется, фундаментально решить все из названных вопросов на дискуссии в ИНПЭД не представлялось возможным. Однако важен был сам характер задаваемых вопросов, сам интерес к ним и страстность, с которой они обсуждались. Как и при встрече три года назад с функционерами студенческой культурной комиссии Константины, я почувствовал в Бумердесе динамизм и революционный подход к делу творческой молодежи Алжира. Только теперь носителями этих качеств были уже не студенты, малоопытные и еще не вкусившие по-настоящему жизни, а молодые создатели нового облика своей родины, образовавшиеся, квали-

фицированные, знающие дело и в большинстве случаев уже потрудившиеся немало лет в различных концах Алжира. Я опять убедился, что алжирцы, даже примерно одного возраста, одной социальной среды и профессии, могут быть очень разными и непохожими друг на друга.

Через несколько лет мне снова пришлось побывать в Бумердесе и убедиться в смелости и зрелости суждений, ответственности подхода молодых алжирцев и к проблемам своей страны, и к вопросам сотрудничества с СССР. На этот раз это были студенты Института нефти, газа и химии, многие из которых к тому времени прошли серьезное испытание, участвуя в составе добровольческих бригад в проведении аграрной революции. Поэтому при всей свойственной их возрасту пылкости они были сдержанны, я бы сказал, не по-юношески мудры в выводах и оценках, ибо на собственном опыте познали сложность трудной борьбы за осуществление целей революции.

Оранские впечатления

Мы решили воспользоваться советом М.-Ш. Мессади и не ограничиваться знакомством лишь со столицей. Поездка в Оран, занимающая примерно 6 часов на автомашинах «мерседес», без усилия идущих по великолепным алжирским шоссе со скоростью 100 километров в час, летом 1976 г. была особенно интересна. Всюду наблюдалось оживление, похожее на предпраздничную суету и связанное с предстоящим 27 июня всенародным голосованием по утверждению Национальной хартии. Все селения и города, которые мы проезжали, были украшены национальными флагами и транспарантами с лозунгами: «Да здравствует Национальная хартия! Да здравствует партия ФНО! Да здравствует социалистическая революция!» Все лозунги, как и три года назад, — только на арабском языке.

Дорога на Оран очень красива. Кругом поля и холмы, зелень и золото на фоне яркой синевы неба, виноградники, плантации цитрусовых, оливковые рощи, аккуратные белые и кремовые кубики домов расположенных вдали поселков, утопающих в садах. Проезжаем типичный колониетский поселок Буфарик, затем славящееся своим минеральным источником местечко Му-

зайя, постепенно освобождающийся от тумана Эль-Аффрун, невысокий горный перевал близ Милианы — одного из центров цветущей и плодородной области Митиджа, город Аль-Аснам (бывший Орлеанвиль) — центр одноименной вилайи (провинции) и одновременно плодородной долины Шелифа, самой крупной реки западного Алжира. Местами дорога превращается в прямую, как стрела, аллею высоких эвкалиптов, а на горизонте то приближаются к шоссе, то отдаляются от него горы невысокого массива Уарсенис.

Оран, наиболее европейский из всех алжирских городов (в свое время испанцы владели им почти 300 лет), мы проехали не останавливаясь, так же как и расположенный в нескольких километрах за ним военный порт Мерс аль-Кебир (когда-то здесь была военно-морская база Франции, которая хотела надолго сохранить ее за собой и после независимости Алжира). Шоссе лепится по краю отвесной скалы, и иногда кажется, что невозможно разъехаться не только со встречным автомобилем, но даже с мотоциклистом или велосипедистом, которых здесь очень много. Когда мы наконец выезжаем на ровную дорогу, один из указателей показывает путь к морю на Айн ат-Тюрк. Само название этого пункта (Глаз турка) указывает на то, что здесь когда-то был турецкий военный пост, наблюдавший за близкой границей с Марокко. Но мы едем дальше, в курортное местечко Аль-Андалусат с роскошным пляжем и отелем. По преданию, здесь когда-то были вырезаны (только неизвестно кем и почему) бежавшие из Испании андалусские изгнанники.

Через несколько часов я оказываюсь снова в Орানে, в одной из небольших аудиторий местного университета, где собралось человек сорок—пятьдесят, почти столько же, сколько было в Бумердесе. Это студенты и студентки, смуглые, черноволосые и черноглазые. Именно этот ярко выраженный арабский тип преобладает на западе Алжира. Местные жители — в основном потомки бедуинов, хлынувших в Магриб в XI в. и обосновавшихся именно здесь, на равнинах, вдали от непривычных им гор на востоке и в центре страны. Однако исторические ассоциации занимают меня в этой аудитории, на редкость доброжелательной и дружелюбно настроенной.

— Здесь студенты разных факультетов, — говорит мне организатор лекции, энергичный и стремительный

Сид Ахмед Сахла, вице-президент культурной комиссии Оранского университета. — Преобладают медики, математики, социологи, юристы и филологи. Главное, все они живо интересуются проблемами, которые вы собираетесь затронуть.

Лекция-дискуссия шла примерно по той же схеме, что и в Бумердесе, с тем лишь отличием, что присутствующие были на пять—десять лет моложе, вопросы задавали еще более острые и отстаивали свое мнение еще более пламенно.

— Что вы можете сказать о теории некапиталистического развития? — спросил меня кудрявый паренек, судя по всему — самый начитанный и поднаторевший в спорах. Выслушав ответ, он продолжал наседать:

— А почему сам этот термин содержит отрицание? Не проще ли сказать, что это социалистическое развитие, которое в разных условиях может быть разным.

— Надо прежде всего выяснить, когда в этом развитии появляются элементы социализма, — отозвалась сидевшая рядом с пареньком девушка.

— А нельзя ли начать с анализа структуры власти, армии и правящей партии? — спросил расположившийся отдельно от других длинноволосый юный бородач явно анархистского вида.

— Но как же это можно делать, пока не узнаешь, какие социальные силы определяют социалистический выбор в данной стране и каков состав рабочего класса в ней, — возразил ему кудрявый.

Разумеется, не все из студентов столь легко ориентировались в социологии и политике. Ведь из них гуманитарными науками занимались лишь немногие. Поэтому наряду с действительно интересными вопросами (например, о необходимости судить о революционной демократии по ее практическому опыту, о значении агропреобразований в социалистической ориентации развития той или иной страны) были и такие, которые свидетельствовали либо о незнании азов, либо о влиянии западной пропаганды: «А был ли рабочий класс у власти в СССР? Какова разница между экономической помощью СССР и бывших колониальных держав странам Азии и Африки? Правда ли, что рабочий класс развитых стран выигрывает кое-что от эксплуатации трудящихся афро-азиатского мира?» К сожалению, подобные вопросы (хотя некоторые из них предварялись формулой: «Скажите, верно ли утверждают западные авторы,

что...») порождаются не только чтением буржуазной литературы. Не меньшее влияние в 70-е годы на молодежь развивающихся стран приобрела и левоборьдическая литература, проповедующая различные троцкистские, левацко-экстремистские и особенно изощренные «нео-марксистские» теории, ничего общего с марксизмом не имеющие. Мне пришлось не раз в этом убедиться, общаясь с молодыми магрибинцами.

Однако в целом участники дискуссии были подготовлены неплохо, к буржуазным и сходным с ними взглядам относились критически, а к идеям социализма и авторитету СССР — с большой любовью и уважением. Преобладали серьезные вопросы, например: «Какую роль может сыграть национализация источников сырья в установлении твердых цен на него? Какова роль госкапитализма в переходе к социализму? Применимы ли в Алжире формы контроля над частным сектором, имевшие место в СССР в период нэпа? Что можно сказать о роли средних слоев в современном революционном процессе в Азии и Африке? Когда возникает и исчезает „конторский“ пролетариат?»

Я бовзвращался из университета в очень хорошем настроении. Дело в том, что во время беседы в отеле «Аль-Андалусат» заместитель национального комиссариата партии ФНО в Оране Салах Лакуас, узнав о теме предстоявшей лекции, разразился длинным монологом, в котором, прямо не упоминая марксизм, фактически напал на его приверженцев, заявляя, что «в Алжире нет места импортным идеологиям», что здесь «не потерпят претенциозных поучений извне, оскорбляющих ислам», что в Алжире «строится подлинный социализм», а всякие разговоры о «переходном характере общества» имеют целью якобы лишь «бросить тень на алжирскую революцию». Явно намекая на алжирских коммунистов, он принялся за тех, «кто не сражался, а только давал советы истинным борцам, сам находясь в безопасности за рубежом». Несправедливость этого обвинения, впрочем весьма распространенного среди правых националистов Алжира, усугублялась еще и тем, что сам Лакуас, молодой человек не старше 30 лет, по возрасту не мог участвовать в революционной войне и тем более судить о том, кто сражался, а кто — нет.

Слушая Лакуаса, я невольно вспомнил, что не раз встречался в Алжире с теми, кто выступал против «импортных идеологий». Многие из них были вполне искрен-

ни, полагая, что для их родины «равноудаленность и от Востока, и от Запада» — наилучшая позиция. Однако используются (да и внушаются) такие настроения определенными консервативными силами. Ведь в Алжире свободно продается буржуазная пресса стран Запада, антикоммунистическая литература. В кинотеатрах и на телеэкранах нередко идут низкопробные западные фильмы. В подобных условиях правда о нашей стране, об идеях научного социализма нелегко доходит даже до дружественно настроенного к нам народа, несмотря на его большой интерес к жизни СССР и других социалистических стран. И все же она доходит!

Дискуссия в университете убедила меня в том, что далеко не все в Орানে разделяют взгляды Лакуаса. Более того, студенческая молодежь Орана думает явно по-другому. И не только молодежь. Нам, в частности, довелось разговаривать с ветераном революционной войны Бельхсенем Бухаджаром, занимавшим пост ответственного за массовые организации в национальном комиссариате ФНО Орана. Он долго был узником колониалистских застенков, а еще дольше сражался в горах под Аль-Аснамом.

— Одеваться приходилось, — рассказывал он, — в крестьянские рубахи-гапдуры, чтобы французская авиация при воздушной разведке принимала нас за пастухов-горцев. Однажды, обманув таким образом пилота военного вертолета, мы сбили его.

Бухаджар был несколько раз ранен. И вот этот заслуженный борец (кстати, в присутствии Лакуаса и других своих коллег) сказал нам:

— Мы всегда помним о тех, кто нам помогал, кто нам сочувствовал и был за нас, кто нам поставлял оружие и принимал у себя приезжавших на лечение наших раненых бойцов.

Это было сказано о нашей стране и встречено всеобщим одобрением.

— Вот это слова старого партизана, — одобрил Бухаджара национальный комиссар ФНО в Оране Абд аль-Кадир Иссаад.

Встреча проходила в ресторане. За одним столом собрались Иссаад, Лакуас, Бухаджар, еще два-три функционера местного комиссариата ФНО, региональный директор отделения государственной нефтяной компании Хадж Буамама, Бен Айяд и наша делегация, которую возглавлял министр социального обеспечения Азер-

байджанской ССР М. Я. Казнев. Я смотрел на наших хозяев и думал, какие они разные. Иссаад — невысокий, худощавый, очень молодой, скорее похожий на студента, но сдержанный, немногословный, не улыбочивый. Лакуас — импозантный, изящный, самоуверенный, картинно красивый: точеное смуглое лицо, орлиный нос, большие матово-черные глаза, ореол смоляной шевелюры вокруг широкого лба. Я вдруг вспомнил, что в Испании, в провинции Валенсия, есть местечко Алакуас. Очевидно, его название — от старинного произношения слова «агуас» («источники»), к тому же еще и арабизированного, то есть снабженного арабским артиклем «аль». Короче, фамилия Лакуас явно андалусского происхождения. Да и вид у ее носителя самый что ни на есть мавританский! Он, возможно, хорош был бы, изображая «типичного мавра» среди театральных декораций.

И хотя в этот же день во дворце спорта Орана я слышал, как Лакуас открывал концерт нашего ансамбля, прославляя при этом Национальную хартию и «социалистическую революцию», его утренний монолог забыть трудно. Невольно думалось о том, что мавры и их потомки, основавшие Оран еще в X в., — это не только интеллигенты и ремесленники, но прежде всего буржуазия, ловкая и искусенная. Может быть, Лакуас не из ее среды. Но его настроения? Сейчас он любезен, шутит: «Мы ведь мусульмане, нам в ресторане и выпить нельзя». А сам прихлебывает вино из полного стакана, настороженно прислушиваясь к нашему разговору.

Бухаджар из всех местных лидеров наименее заметен: небрежно одетый, отяжелевший, с редкими рыжеватыми волосами с проседью, с прямым взглядом и руками труженика, с простыми манерами и скромностью человека из народа, привыкшего держаться в тени. Он быстро находит общий язык с Бен Айядом и Буамамой, которые тоже были подпольщиками, потом офицерами Армии освобождения, неоднократно ранеными в боях. Заметив за соседним столиком трех французов (здесь их встречаешь чаще, чем в столице), Бухаджар громко произносит по-французски:

— Наш народ долго сражался против одной из сильнейших наций в мире, которая в свое время покорила почти всю Европу. Никто не думал, что мы ее сможем победить в военном отношении. Но мы ее вынудили экономически и политически уступить нам.

После этих слов французы встают и уходят. Иссаад смотрит на Бухаджара с укором. А мне его озорство почему-то нравится.

Он вспоминает о боях, в которых участвовал, потом начинает читать наизусть стихи известного в арабском мире «эмира поэтов» Ахмеда Шауки. Написанные на классическом языке, они обычно известны лишь тем алжирцам, которые получили образование в Египте или других странах Арабского Востока.

— Вы учились в арабской школе? — спрашиваю его.

— Нет, я нигде не учился. Моей школой были тюрьмы и партизанские будни.

Встречу с ним и дискуссии в университете можно считать самыми яркими из моих оранских впечатлений 1976 г.

У активистов Беджайи

Помимо Орана наша делегация выезжала в Беджайю. Сначала мы ехали к ней уже знакомой мне дорогой на Бумердес, затем миновали ряд горных ущелий и лесистых холмов Кабилии, проехали города Лакдарию, Буиру, украшенные лозунгами в честь Национальной хартии (накануне она была одобрена всенародным голосованием), социализма и «социалистического управления трудящихся». В Лакдарии в качестве лозунга использована даже цитата из Национальной хартии: «Профсоюзы — школа социализма». Среди холмов, фруктовых садов и плантаций мандаринов иногда вдруг мелькали поля пшеницы, крайне редкие в этих краях.

— Здесь больше яблок и абрикосов, — замечает Бен Айяд. — А вот социалистическая деревня, созданная политкомиссариатом армии. Ранее, по выезде из Буиры, вы видели такую же деревню, созданную местной организацией ФНО.

Упоминание о том, под чьей эгидой создана та или иная «социалистическая деревня» (так называют в Алжире кооперативы аграрной революции), вовсе не лишне. Как мы потом узнали, это дело весьма капиталоемкое и требующее больших организационных и прочих усилий.

На горизонте слева виднеется в тумане тройная цепь горных хребтов.

— Мы объезжаем с юга Джурджурскую Кабилию, —

говорят нам, — и поедем к морю через Малую Кабилию.

Постепенно мы поднимаемся все выше. А сселения (Акбу, Азиб, Такриет, Амизур) встречаются все чаще. Новые здания современного типа в них редки. Преобладают типично кабийские дома — одноэтажные, из серого или коричневого камня. Здесь нет моря, часты туманы и облака. Поэтому и все краски более суровы и сдержанны, нежели на побережье. Въезжаем в долину Суммам, где нам показывают социалистическую дорожку, которую недавно торжественно открыл М.-Ш. Мессадия. Вскоре на шоссе, полого спустившемся на равнину, нас встречают представители властей Беджайи.

Прибыв в город, мы встречаемся с местным активом ФНО. Национальный комиссар ФНО Беджайи Абд аль-Кадир Саадна, в прошлом один из руководителей алжирской молодежи, не раз бывал в СССР. Он с улыбкой вспоминает о своих встречах с руководителями Комитета молодежных организаций СССР, называет их имена и просит передать им привет. Затем, весело поблескивая сквозь очки быстрыми карими глазами, представляет нам своих заместителей Джаббара Джаббара и Брахима Мусбаха, руководителей региональных отделений общенациональных союзов ветеранов революции, крестьян, трудящихся, женщин. В непринужденной беседе не замечаем, как проходят три часа. За это время мы узнали, что в вилайе Беджайи 2 тыс. бывших муджахидов (ветеранов революции). Большинство их — члены партии ФНО (всего членов ФНО в вилайе 4,5 тыс.). Из 30 тыс. глав крестьянских семей в вилайе 27 тыс. входят в созданный полтора года назад крестьянский союз.

Возглавляющая местный союз женщин Айша Бен Хабилес на редкость лаконична:

— Алжирская революция освободила наших женщин. После победы революции алжирская женщина полностью свободна.

Внешность Айши как бы подтверждает ее слова: она сидит в свободной позе, закинув ногу на ногу, и весело, усмешливо смотрит, как мы реагируем на ее слова. Короткая стрижка, модная юбка, дорогая кожаная сумка, блестящая цепочка на груди придают ей ультрасовременный «парижский» вид. Но так ли выглядят все женщины Беджайи? Ведь Бен Хабилес — старинная и давно известная аристократическая фамилия Кабилии,

давшая Алжиру немало интеллигентов и политиков, а также чиновников и буржуа, среди которых французские обычаи, культура и язык укоренились еще в конце прошлого века. В такой семье просто чувствовать себя эмансипированной. Возможно, Айша не имеет к этому феодальному роду никакого отношения. Я не решаюсь задать ей этот вопрос, полагая, что в любом случае она вряд ли добавит что-либо к сказанному. Ведь то же самое мы слышали три года назад в Бу-Сааде от красавицы Салимы Руибби.

В сопровождении нескольких руководителей местного актива мы знакомимся с городом, катаемся на пароходе по великолепному заливу, использовавшемуся еще финикийскими и римскими мореходами. Гостеприимные хозяева обращают наше внимание на то, что Беджайя с моря «выглядит почти как столица Алжира», что французское название свечи (бужи) произошло именно отсюда, ибо город издавна славился производством свечей, вывозившихся в Южную Европу.

Поднимаемся на вышку, откуда видны бесконечные трубопроводы, цилиндры, цистерны, отливающие стальным блеском. Это местное предприятие государственной нефтяной компании СОНАТРАК. Оно включает в себя резервуар по приему нефти, поступающей по нефтепроводу из сахарского месторождения Хаси-Месауд, и станцию перекачки нефти.

— Ныне, — говорит нам один из руководителей предприятия, — за год станция перекачивает пятнадцать миллионов тонн нефти, которая идет в основном на экспорт. Однако мы предполагаем создать здесь с помощью Италии нефтеперерабатывающий завод с годовой мощностью семь миллионов шестьсот тысяч тонн. Думаем, что его строительство можно будет завершить через четыре года.

Далее едем через весь город в центр профессионального обучения. Нас встречает директор, г-н Хадри, и, рассказывая о работе центра, водит по его помещению, расположенным в длинных одноэтажных корпусах.

— Мы готовим преподавателей для техникумов. У нас действуют двенадцать секций, по пятнадцать студентов в каждой. Со следующего года планируем работу уже восемнадцати секций, а в дальнейшем — двадцати четырех. В ближайшее время добавятся секции электромеханики, электротехники, электроники. Наш центр — один из лучших в стране. Его уже посещали

делегации из Франции, Швеции, Швейцарии и других стран.

По словам Хадри, в среднем 75 процентов студентов хорошо сдают экзамены. Но первый выпуск будет только в этом году, так как центр создан всего 2 года назад. Среди 180 студентов — уроженцы всех районов страны. Обучение идет на французском языке. Его обеспечивают 27 советских специалистов (19 преподавателей и 8 переводчиков). От них директор немного научился русскому языку.

— Дружба помогает понимать друг друга, — произносит он по-русски.

Мы входим в класс теоретической механики и беседуем с преподавателем Герасименко.

— Первый год мы работали без выходных, — рассказывает он. — Надо было все наладить по-настоящему. Оборудование здесь, как и в других кабинетах, советское. Оно в хорошем состоянии. Мне и мастеру Дроздецкому многое приходилось делать своими руками. Теперь все идет как положено. В центре семь лабораторий, шесть мастерских и двенадцать учебных кабинетов с самыми новейшими приборами.

Нам показали также классы токарного и шлифовального дела. Разумеется, речь шла и о недостатках и трудностях, которые неизбежны при всяком новом начинании. Но важно то, что вдали от советской земли, между горами Кабилии и Средиземным морем, в древнем алжирском городе делом доказывается советско-алжирская дружба. Центр в Беджайе будет выпускать не только мастеров для других таких же центров, но и мастеров и техников для производственных предприятий. И надо было видеть, как смотрели на нас обучающиеся в центре алжирцы! Ведь мы представляли страну, которая помогала им приобрести специальность, а их родине — закрепить экономическую самостоятельность.

Во время пребывания в Беджайе мы дважды встретились с вали (губернатором) области Абд аль-Халимом Бен Йеллесом. Он говорил о проблемах вилайи, прежде всего экономических, о значении советско-алжирской дружбы. На прощание он сказал нам:

— Мы учимся у вас социализму и стараемся вам подражать. У нас, может быть, не было таких проблем, как у вас после Октябрьской революции, но были свои, в том числе немало сходных с вашими. Для нас действо-

вать, как вы, — значит действовать как подлинные социалисты.

О том, что прогрессивный курс партии ФНО, воплощенный в Национальной хартии, пользуется поддержкой населения всей вилайи Беджайи, свидетельствовали и итоги голосования на референдуме 27 июня: из 221 тыс. избирателей вилайи 206 тыс. человек (93 процента) проголосовали за Национальную хартию. По мнению национального комиссара Саадны, 27 июня 1976 г. продемонстрировало силу и жизненность революции, подтвердив приверженность народа основному выбору в пользу социализма. Мы убедились в этом, посетив одну из «социалистических деревень» вилайи.

В кооперативе Сук ат-Тнин

Рекомендация познакомиться с жизнью алжирской «глубинки» вспомнилась нам на крутых виражах проложенного над пропастью извилистого горного шоссе в области Малая (или Баборская) Кабилия. После ультрасовременных билдингов Орана, после бесконечных виноградников, плантаций цитрусовых и оливковых рощ дважды пересеченной нами западной, преимущественно равнинной, части страны могучие кряжи кабийских гор переносят нас в совершенно иной мир почти не тронутой человеком и недоступной ему природы.

Свободолюбивые традиции местных жителей были известны еще задолго до 1954 г. Недалеко от долины Суммам в горы на много километров врезалось глубокое ущелье Керрата, где в мае 1945 г. погибли 2 тыс. участников антиколониального восстания. Мы приехали сюда 30 июня 1976 г. и возложили цветы к скромному обелиску над братской могилой с надписью: «Керрата помнит своих мучеников, погибших в мае 1945 г.». Эта дата священна для алжирцев.

Вместе с руководством ФНО Беджайи мы выехали в местечко Сук ат-Тнин, где расположена одна из «социалистических деревень», которых в Алжире тогда было около ста (к 1977 г. их должно было стать 400, а к 1980 г. — 1000). Являясь «сельскохозяйственными производственными кооперативами аграрной революции», каковых в стране к тому времени насчитывалось примерно полторы тысячи, «социалистические деревни» — вновь выстроенные по типовому проекту благоустроенные поселки, жизнь в которых должна послужить об-

разом для всего алжирского крестьянства. Тем самым будет достигнута одна из главных целей аграрной революции — «ликвидация отживших и архаичных социальных структур».

Сук ат-Тнин расположен примерно в 25—30 километрах от Беджайи. Сворачиваем от приморского шоссе к отступающим в глубь берега горам и проезжаем мимо цита с надписью «Социалистическая деревня имени 8 мая 1945 г.». Память о событиях того времени еще свежа у жителей деревни, ибо они — сыновья, дочери, братья и сестры погибших тогда патриотов, а многие из них даже помнят налеты авиации карателей на их горные хижины, обстрелы с моря, зверства наемников из Иностранного легиона, долгие ночи на берегу моря, куда колонизаторы согнали уцелевших жителей разрушенных деревень и поселков.

При въезде нас окружает толпа опрятно одетых, обутых крестьян, что само по себе производит хорошее впечатление: ведь раньше на востоке страны обычным делом крестьян были бедность и нищета. Любопытство многочисленной толпы, всюду следующей за нами, несмотря на призыв муэдзина с минарета новенькой мечети на главной площади деревни, говорит о многом. Во-первых, не так уж часто сюда приезжают иностранцы (следовательно, это не «образцово-показательный» объект), во-вторых, интерес этих людей к общественной жизни определяется отнюдь не их религиозностью.

Всего в кооперативе занято 326 участников (с членами семей их более 1 тыс. человек). Они — переселенцы из труднодоступного и неплодородного горного района, где, по словам Айши Бен Хабилес, были совершенно оторваны от современной жизни и находились в почти диких условиях существования. При содействии присланных государством специалистов и при наличии иных видов агропомощи они добились уже с марта прошлого года (т. е. с момента создания деревни) значительных успехов в выращивании овощей (особенно помидоров и картофеля), фруктов, в разведении виноградников. Кооператив еще не определил специализацию, но уже многого достиг. Как сказал нам один из руководителей кооператива, ранее планировавшийся уровень среднемесячного дохода на каждого члена кооператива превзойден в 4 раза: предполагалось, что каждый получит 3 тыс. динаров в год, но теперь реально этот доход составляет 1 тыс. динаров в месяц.

Заходим в новенький магазин типа нашего сельпо. В нем обилие продуктов, часть которых привозится из города, но очень многое (хлеб, овощи, фрукты) — собственного производства. Помещения чистые, ухоженные. Рядом «центр здоровья», своего рода здравпункт с небольшим отделением для стационарного лечения. Медсестры и санитарки в белых халатах, улыбаясь, распахивают двери палат: больных пока нет. Далее идем в школу, а потом в детскую мастерскую, в которой девочки от 6 до 12 лет под руководством двух приезжающих из города молоденьких учительниц обучаются шитью и ткацкому ремеслу. Некоторые из них уже кое-что умеют и заняты настоящей работой для нужд кооператива, хотя школа существует всего два месяца.

— Эти учительницы, — говорит комиссар Саадна, — наши активистки.

После этого нам показывают «хаммам» — большую кирпичную баню с бассейном и машинным отделением. Показывают с гордостью. Ничего удивительного: во-первых, хаммам в жизни мусульманина занимает особое место. Многие там проводят времени не меньше, чем в мечети, а во-вторых, для недавних горцев, ранее понятия не имевших о достижениях современной цивилизации в области быта, новенькая, обширная, технически оборудованная баня не только одно из наиболее ярких и убедительных средств их приобщения к современной жизни, но и бесспорное свидетельство внимания к их нуждам и досугу.

Нас приглашают зайти в дом одного из крестьян. Все жилые дома в деревне похожи на этот. Войдя за высокий оштукатуренный дувал, попадаем на кухню, рядом с которой что-то вроде складского помещения, из которого дверь ведет во внутренний дворик. Чтобы попасть в жилые комнаты, надо его пересечь. На кухне нас встречает жена хозяина в ярком, цветастом платье (какие всюду носят женщины в берберских районах) и фартуке. Через некоторое время приходит задержавшийся где-то хозяин и с интересом прислушивается к разговору хозяйки с вошедшей вместе с нами Айшей Бен Хабилес, которую он прерывает, сам начинает что-то быстро говорить. Беседа идет на местном диалекте. Бен Хабилес с улыбкой переводит:

— Я ей объяснила, кто вы, из какой страны приехали и что вы — наши друзья. Но хозяин, услышав это, сказал, что все это его жена уже знает, так как он по-

стоянно ей рассказывает о событиях, происходящих в Алжире и во всем мире.

На улице обращаем внимание на то, что среди женщин в толпе нет ни одной закрытой в соответствии со старыми обычаями. Возможно, это объясняется тем, что кабилки издавна не носили покрывала, особенно в деревне. Оно бытовало лишь в зажиточных городских семьях.

Идем в местный клуб. Он расположился в новом здании с большим залом, который может служить кинозалом, местом для собраний и читальней. Разбившись на группы, беседуем с крестьянами. С наибольшим вниманием они слушают члена нашей делегации, партийного работника из Азербайджана, интересуются сельскохозяйственной специализацией разных районов представляемой им республики, производством в ней зерна, винограда, молока, мяса, шерсти, способами увеличения продукции.

— Приезжайте еще раз, — говорит один из крестьян, высокий, с волевым лицом, в грубой верблюжьей накидке, свисающей с его широких плеч. — Приезжайте еще раз, чтобы увидеть, как мы все сделаем еще лучше. Ваша радость будет нашей. Держась друг за друга, мы пойдем вперед и достигнем того же, что и вы. Мы знаем, что такое земля.

Позднее мы узнали, что этот крестьянин — ветеран революции, участник партизанской войны в горах, которого лично знает президент Бумедьен, назвавший его «образцовым кооператором».

Именно такие люди, как наш собеседник, с оружием в руках изгнали колонизаторов, а теперь строят новое будущее своей родины на землях, отобранных у иностранных колонистов. Земля в Сук ат-Тинне, национализированная вскоре после завоевания независимости, пуствовала. Лишь в 2 километрах отсюда в конце 60-х годов был создан существующий и поныне кооператив бывших муджахидов. Но с началом второй фазы аграрной революции — распределения учтенных во время первой фазы участков — на этой земле была создана «социалистическая деревня», успехи которой, по словам комиссара Саадны, — «лучший ответ на происки реакции». А такая еще есть, и ее, естественно, достижения аграрной революции радовать не могут.

Когда мы были в кооперативе, официально только началась третья фаза этой революции, которая должна

была завершиться ликвидацией крупных феодалов-скотовладельцев на юге страны и созданием пастушеских кооперативов. Но актив ФНО в Беджайе уже думал о следующей фазе революции. Она предусматривает, как сказал Саадна нам на прощание, реорганизацию и рационализацию лесоводства, оснащение и освоение лесных районов усилиями части крестьян, не получивших землю ранее. По его словам, на строительство и развитие сельского хозяйства в лесных районах, которых особенно много в горах на востоке страны, в том числе в Баборской Кабилии, предполагалось тогда за 2 года израсходовать 140 млн. динаров.

Глава 4

ПРОДОЛЖАЯ ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ...

Новые институты

Май 1979 года. Мы вместе с ленинградским историком-арабистом Н. Н. Дьяковым, находящимся в Алжире в научной командировке, приходим в столичный университет. Идет весенняя экзаменационная сессия. Поэтому двор и коридоры старинного университетского здания, протянувшегося частично за решетчатой оградой, частично над закрывающими его фасад барами и магазинами по улице Мурада Дидуша, переполнены студентами. Немало их и в ближайшем кафе, и просто перед витринами магазинов, особенно книжных. Алжирские студенты такие же, как и прочие: в джинсах, сандалиях на босу ногу, легких рубашках, иногда совершенно немислимой расцветки или со сверхброскими англоязычными надписями. Много длинноволосых, иные — с усами и бородой. Длина усов или бороды обычно обратно пропорциональна количеству лет, исполнившихся данному студенту.

Прислушиваюсь к их разговору. Все говорят на арабском языке. Раньше весь университетский квартал столицы стойко сохранял франкоязычие. Тому много причин: сюда попадали обычно после окончания лицеев и коллежей, где преподавание велось по-французски, да и попасть могли в университет преимущественно вы-

ходцы из буржуазных, чиновничьих и учительских семей, в которых говорить с детства на французском считалось делом чести. Ныне же университетские аудитории все более заполняются выходцами из трудовых семей, как правило уроженцами внутренних областей и сельской местности, где французский не был распространен, как в больших городах. Важную роль играет почти десятилетняя кампания арабизации. Благодаря ей большинство поступающих сейчас в вузы Алжира — выпускники средних школ. Они получили либо арабоязычное, либо двуязычное образование. Вследствие этого многие молодые алжирцы в состоянии говорить по-арабски о самых сложных вопросах политики, культуры, общественной и экономической жизни.

В Алжире теперь можно наблюдать картины, ранее невозможные. Например, сидящие в кафе читают газету на французском языке, затем обмениваются мнениями на сложную политическую тему, изъясняясь только на арабском языке. Следовательно, у них сохранилось знание французского, но думают они уже по-арабски, будучи в состоянии выразить все оттенки понятий и мыслей на арабском литературном (пусть не всегда классически правильном и свободном от диалектных слов) языке.

Это же подтверждает и другой пример: два студента, рассматривая выставленные в витрине книжного магазина новые издания на французском языке, говорят о них по-арабски. Раньше в подобной ситуации они бы, прочитав французское название, автоматически продолжали бы разговор на этом языке.

Что же, арабизация действительно достигла намеченной цели? Сказать так было бы преждевременно. Знакомые алжирцы и в Москве, и в Алжире говорили мне, что французский язык в стране в основном сохраняет свои позиции, причем не только среди получавшей на этом языке образование старой интеллигенции, но и среди молодежи, прежде всего побывавших во Франции эмигрантов, выходцев из берберских районов, учащихся технических и экономических школ и вузов. Однако процесс перехода на арабский язык продолжается. Возможно, мы присутствуем при рождении нового, алжирского арабского языка, формирующегося на базе алжирского диалекта, обогащенного лексикой литературного языка. Ведь когда-то разрыв между языком письменным и разговорным должен быть ликвидирован. И несомненно,

что культурные, как и социальные, преобразования приближают этот момент.

...Мы сидим в приемной директора института социальных наук при университете Алжира Абд аль-Кадир Зебадийя. Проведенная недавно реформа университетов заменила факультеты институтами, дав последним большую автономию и освободив их от излишней централизаторской опеки. Вместе с нами директора ждет молодая преподавательница античной цивилизации. В комнату то и дело заглядывают студенты, только что сдавшие экзамен, и справляются об отметках. Поэтому беседовать с нами ей некогда, но мы успеваем все же узнать, что она египтянка, окончила университет в Филадельфии. Говорит по-английски, а французского почти не знает. Преподает на арабском языке.

— Мне нравятся американцы, — говорит она. — Но тамошний строй мне совсем не нравится. Поэтому я здесь.

Мы вспоминаем города Египта, в которых довелось побывать, — Каир, Александрию, Асуан, Луксор, Исмаилию. Наша новая знакомая родом из Александрии, где немало осталось следов пребывания древних греков и римлян. Это повлияло на выбор ее профессии:

— Я здесь преподаю латинский и древнегреческий языки, историю и культуру античной Греции и Рима. Кстати, к древности сейчас в Египте особый интерес. Снова стала популярна теория Таха Хусейна о «фараонизме» как основе египетской самобытности. Садат тоже упирает на особое положение Египта, на то, что мы — прежде всего египтяне. А при Насере все было по-другому. Тогда в Египте считали, что мы — прежде всего арабы и по языку, и по культуре, и по духу.

Наконец нас принимает г-н Зебадийя, освободившийся после долгого заседания совета преподавателей института. Он — плотный, широколицый, горбоносый, добродушно-темпераментный и непрерывно улыбающийся. Объясняет нам, что по новой структуре университетов история Алжира преподается в различных аспектах в институтах социальных наук, политических наук (новейшая и современная) и филологических наук (текстология, история культуры и т. п.). Далеко не все алжирские историки занимаются только историей Алжира. Многие работают над ней в более широком плане, исследуя историю всего Магриба*.

* Интерес к истории и общности традиций Магриба в Алжире

изучают историю Сирии и арабской Сицилии в средние века, как это делает, например, известный историк и искусствовед Рашид Буруйба. Велик интерес и к истории ислама. Так, Амар Дхина недавно опубликовал книгу «Великие повороты в истории ислама», в которой охватил историю всего мусульманского мира за тысячу лет — с VII по XVI в.

— Что же касается специалистов по новейшей истории и современным проблемам, то они также работают на различных направлениях, — сказал Зебадийя. — Мною, в частности, недавно опубликована статья о роли арабов Персидского залива в создании и развитии национального движения на Занзибаре. Мы в Алжире вообще интересуемся не только арабским миром, но и Африкой, ибо Алжир — часть ее. В нашей стране издается журнал «Африка замани» — орган Ассоциации африканских историков. В его редколлегию входят представители Алжира.

Состоявшаяся у меня через несколько дней в том же здании встреча с профессорами университета, специалистами по истории Алжира разных периодов, напомнила традиционную для этой страны лекцию-дискуссию. Сначала хозяева выслушали мое сообщение об изучении Алжира в СССР, а затем принялись задавать развернутые вопросы, фактически излагавшие заранее их точку зрения. Некоторые вопросы были рождены неосведомленностью (я еще раз вспомнил как-то выраженное студентами в Бумердесе сожаление по поводу отсутствия в Алжире переводов работ советских алжироведов), другие — предвзятостью, третьи — искренним желанием понять друг друга и прийти к соглашению. Приведу некоторые из вопросов: «Есть ли в СССР труды по средневековому Магрибу? Занимается ли у вас кто-нибудь мусульманской Андалусией по испанским источникам? Есть ли русские источники по турецкому периоду истории Магриба в связи с политикой России в Средиземноморье в восемнадцатом веке? Есть ли каталоги и справочники по арабским, турецким и персидским рукописям Эрмитажа, а также по рукописным фондам Ташкента, Еревана, Душанбе?»

В целом беседа носила деловой и дружественный ха-

продолжает возрастать, особенно после заключения в марте 1983 г. между Алжиром и Тунисом «Договора о дружбе и согласии», к которому в декабре 1983 г. присоединилась Мавритания.

ракти. Мне было приятно лично познакомиться с такими учеными, как Мулай Бельхамиси, автор четырех монографий, крупный знаток «османского» периода истории Алжира и особенно своеобразных районов Мазуны и Мостаганема, Аталлах Дхина — известный медиевист, хорошо изучивший документы и персоналии правившей в XIII—XVI вв. династии Зайянидов, Насир ад-Дин Саидуни — видный специалист по турецким рукописям, Абд аль-Кадир Хаджийят — исследователь религиозных движений и истории своего родного города Тлемсена.

Более широко познакомиться с работой институтов в структуре университетов мне удалось во время поездки в Оран. Дорога в этот город была достаточно знакома. Поэтому даже небольшие изменения бросались в глаза. Видно было, что все города, начиная со столицы, значительно увеличились за прошедшие годы и по площади, и по населению. В городе Алжире, где по утрам поют петухи, привезенные из деревни бывшими крестьянами, не вполне освоившими городской быт, почти никто теперь не знает, как куда пройти и как называется та или иная улица: сами недавно приехали и еще не успели узнать. При выезде из столичного района Бир-Хадем старый пастух в сером верблюжьем бурнусе безмятежно пас коз на фоне сугубо урбанистического пейзажа. Город выплеснулся за свои старые границы, охватил прежнее место выпаса, а пастух, судя по всему, не успел к этому привыкнуть.

Не буду повторять уже известное читателю описание дороги на запад Алжира. Она выглядела так же. Только вместо прежних лозунгов в честь Национальной хартии везде видны были новые, свидетельствующие о начале «кампании за чистоту». Посреди Аль-Аснама, например, висело предупреждение: «Чистота города — здоровье его жителей». Однако попадались и другие. В частности, в Релизане при въезде мы прочли: «Ислам — религия государства», а при выезде: «Закон — один и для всех». Недалеко от Миляны стало действовать при помощи СССР профтехучилище, подобное которому мы видели в Беджайе.

В Орানে я познакомился с упоминавшимся в первой главе Мухаммедом Гентари. Он занимал тогда, в 1979 г., одновременно посты вице-председателя народного собрания города, проректора университета и преподавателя в Институте политических наук при университете. Ис-

полняя обязанности заместителя мэра по культурным вопросам, он взял на себя заботу познакомить меня с городом и, естественно, повез в университет. Дорогой он рассказывал:

— В университетском городке могут разместиться семь тысяч студентов. Но у нас их двенадцать тысяч, а с подготовительным отделением пятнадцать тысяч человек. Рядом с корпусами институтов вы видите мечети. Они выстроены по требованию студентов. К сожалению, мы не можем строить новые корпуса, так как вся зона университета расположена на зыбком слое в полтора метра толщиной, под которым соляное озеро. Здесь раньше были военная казарма и школа французских летчиков.

Мы приехали к ректору университета Бахлуфу Талахиту.

— Рад вас видеть, — приветствовал он меня. — Я математик по специальности. Поэтому профессионального разговора у нас не получится. Но я, как ректор, могу сказать, что наш университет очень много получил от сотрудничества между Алжиром и СССР. У нас сейчас во всех восьми институтах работают тридцать советских преподавателей, из них пятнадцать медиков, остальные — специалисты по физике, математике, русскому языку и прочим предметам. Директор одного из наших институтов окончил аспирантуру в Харькове. Здесь трудятся и преподаватели из других социалистических стран. Особенно много из Румынии. Я считаю, что нам надо еще теснее сотрудничать, прежде всего в совместных исследованиях по точным наукам и в подготовке кадров через аспирантуру и докторантуру.

Ректор — пожилой, худощавый, седеющий, с усталыми глазами, но довольно прямой осанкой. В его манере говорить кратко и четко чувствуется представитель технических дисциплин, а в отчетливой дикции — опытный преподаватель.

— Я думаю, — продолжает он, — что надо наладить постоянное сотрудничество с каким-либо университетом в СССР, обмениваться студентами, аспирантами, результатами научных работ. Нам нужно наладить систематическое повышение квалификации молодых преподавателей, так как, начав работать, они могут уделять улучшению уровня своей подготовки не более месяца-двух. А этого недостаточно.

Я спрашиваю, как изучается история Алжира в университете.

— Этим занимаются в институте социальных наук, — отвечает Бахлуф Талахит. — Там есть департаменты (кафедры) истории, социологии, демографии, психологии. Всего в институте тысяча студентов, из них триста историков. А среди профессоров-историков у нас работают Яхья Буазиз, известный своей большой монографией об алжирской эмиграции во Франции, и Абд аль-Кадир Джеглул, опубликовавший ряд работ по средневековому Алжиру, по наследию Фанона и по истории Палестинского движения сопротивления.

Талахит называет и другие имена, но они мне ничего не говорят. С трудами же Буазиза и Джеглула я знаком.

Они заслуживают самого серьезного внимания, в том числе с методологической точки зрения. Недаром одну из статей Джеглула перепечатал журнал французских марксистов «Ля Пансэ».

Ранее в университете было много французской профессуры. Но сейчас французы составляют меньшинство даже среди преподавателей-иностранцев.

— Впрочем, — замечает с улыбкой Талахит, — француз французу рознь. У нас, например, уже много лет работает такой известный антиколонналист, как Жан Сюре-Каналь.

Я вспоминаю о своей встрече с Сюре-Каналем на одном из симпозиумов, где он выступил с очень интересным докладом. Его работы по африканистике, основанные на подлинно научном подходе, высоко ценятся всеми прогрессивными учеными.

— У нас его очень уважают, — замечает ректор, — и хорошо к нему относятся.

На прощание Талахит дарит мне первый номер журнала, изданного Институтом живых иностранных языков при университете. В нем статьи по филологии, в том числе об андалусской поэзии и испанских документах по Алжиру, а также две статьи советских преподавателей в университете Орана: одна называется «Пушкин и Коран», другая посвящена языку научной литературы и публикуется на русском языке. По словам ректора, этот свежий журнальный номер — «убедительное доказательство успешности нашего сотрудничества во всех областях».

В резиденции вали

Огромное 16-этажное здание «вилайи» — резиденции вали (губернатора) Орана и всей провинции — я увидел впервые именно в 1979 г. Говорят, его выстроили недавно. А может быть, и давно. Во всяком случае, его называют и «вилайя» (в смысле «губернаторство»), и «префектура», то есть старым термином 60-х годов. Оран, пожалуй, единственный город в Алжире, где можно просто «не заметить» в первый и даже во второй приезд какой-нибудь небоскреб. Здесь их очень много. А дома, скажем, в 10 этажей вообще не в диковинку. Вдоль набережной, как бы диктуя Орану облик «средиземноморского Нью-Йорка», выстроились здания в 17 этажей и более. На их фоне «вилайя» выглядит даже скромно.

У входа в это все же внушительное, украшенное разномасштабными решетками белоснежное здание мы столкнулись с М. Лазраком, ректором технологического университета Орана, или, как его проще называют, «Орана-2». Вуз этот совсем небольшой: всего 300 студентов технических специальностей. Однако расположен он в центре города и не страдает от тесноты, как его старший брат — первый университет Орана (сказать «старый» нельзя, ибо он создан не так уж давно). «Оран-2» имеет еще и то преимущество, что, несмотря на свою молодость, уже установил прямые контакты с университетом Новосибирска. Обо всем этом мы узнаем, буквально на ходу знакомясь с ректором. Лазрак — не только глава важнейшего для запада страны технического вуза, но и политическая фигура: он депутат Национального народного собрания и видный активист партии ФНО.

Поднявшись на самый верхний этаж «вилайи», встречаемся в роскошно обставленном кабинете, размерами напоминающем скорее зал в мавританском стиле, с вали Абд аль-Маджидом Бумехди, невысоким пожилым человеком с вдумчивым взглядом несколько печальных глаз, кажущихся особенно черными при его серебристой седине. Нам уже приходилось встречаться в Москве, куда он приезжал, возглавляя делегацию ассоциации «Алжир — СССР», будучи ее вице-президентом. Поэтому разговор завязывается самый дружеский и лояльный. В нем участвуют также Гентари и несколько позже пришедший новый национальный комиссар ФНО

Орана Абд аль-Хафид Аллахум, известный в прошлом партизан, рыжеватый, улыбчивый, с лукаво поблескивающими сквозь толстые стекла очков большими зелеными глазами.

— Я был занят, — говорит комиссар, — но работал в этом же здании и пришел на встречу с представителями общества «СССР — Алжир». У нас в Ороне сейчас только что открылась выставка «Москва олимпийская», которую мы собираемся посетить в ближайшее время вместе с братом вали («брат» — принятое в Алжире со времени революционной войны обращение друг к другу членов ФНО).

Бумехди и Аллахум интересуются советскими исследованиями об Алжире, их тематикой, дают советы, что-то одобряют, а что-то и не одобряют, считая, в частности, что не стоит придавать большого значения многопартийности национально-освободительного движения в Алжире в предреволюционный период.

— Мы знали, — продолжает вали, — что нас тщательно изучают во Франции и США, но не подозревали, что и советские авторы столь же внимательно наблюдают за нашим развитием. Мне кажется только, что вы не учитываете роль ислама в нашей революции. Почему вы об этом ничего не пишете? Алжирский народ не фанатичен и не консервативен. Ему чуждо использование религии в реакционных целях. Но мы здесь мусульмане. У нас мусульманская душа, которую надо понять, в том числе и ученым, нас изучающим. Ислам — это я, это он, это мы все и это наша душа.

При этом Бумехди показывал то на себя, то на Аллахума, то на Гентари, то на своего секретаря и даже на служащего «вилайи», подошедшего в этот момент с подносом, на котором стояли чашечки кофе и тарелки с пирожными.

Вали продолжает развивать свою мысль о роли ислама в Алжире. По его словам, именно ислам помог алжирцам вынести все испытания 130-летнего колониального гнета и не потерять «национальной индивидуальности», вытерпеть чудовищные репрессии колонизаторов в мае 1945 г. и не сломаться.

— А какого вы мнения о событиях сорок пятого? — спрашивает он. — Коммунисты в Алжире считали их провокацией с нашей стороны. Но жизнь доказала нашу правоту.

В этой связи вали замечает, что опыт и других рево-

люций в Азии и Африке говорит о том же, называя, в частности, революцию в Иране, свершившуюся всего несколько месяцев назад. Он весьма удивлен, узнав, что советские историки вовсе не игнорируют роль ислама, в том числе в Алжире, и всемерно учитывают ее при анализе культурной, социальной и идеологической обстановки. Например, у нас есть работы о вкладе Ассоциации алжирских улемов и ее выдающегося вождя шейха Бен Бадиса в освободительную борьбу.

— Действительно есть такие работы? — недоверчиво спрашивает вали. — А я думал, что вы обращаете внимание только на экономику и политику.

Услышав о том, что в СССР ведется изучение идеологии и культуры Алжира, он довольно улыбается. Сколько ненужных трений, непонимания и даже конфликтов возникает иногда из-за простого отсутствия верной информации в нужный момент!

Бумехди вспоминает свои впечатления от пребывания в Москве и Бухаре, восхищается чистотой наших городов.

— Мы здесь тоже ведем борьбу за чистоту, — говорит он, — вы видите, у нас здесь чище, чем в столице.

Наилучшие воспоминания у него — о московском метро и вообще о работе транспорта в СССР.

— Нам надо многое перенять у вас, — заключает он.

— Во многом, — вступает в разговор Аллахум, — и чистота, и работа транспорта, как и прочих общественных служб, зависят от дисциплины и организованности граждан.

В этой связи речь заходит об успехах образования в стране.

— У нас уже сейчас десять университетов, — говорит Бумехди, имея, очевидно, в виду также и университетские центры Тлемсена, Сетифа, Мостаганема и других городов. — Два функционируют только в Орানে. В принципе университет будет в каждой вилайе. Уже готовятся, в частности, университетские центры в Сиди-Бель-Аббесе, Джельфе и Бу-Сааде. В дальнейшем их будет еще больше. Ни одна страна в мире не тратит, как мы, четверть своего бюджета на образование.

Из окна приемной вали — великолепный вид на море и город с высоты 16-го этажа. Бумехди обращает наше внимание на панораму Орана и просит Гентари показать нам город.

— Вам надо ближе знакомиться с жизнью Алжира. А то некоторые ваши товарищи задают иногда вопрос, чем отличаются, например, арабы от кабилы. Для нас такой вопрос совершенно немыслим. Я не знаю разницы между арабами и кабилами. И мои товарищи ее не знают. Все это давно ушло в прошлое.

Мы еще раз встречались с Бумехди, на этот раз в резиденции местной организации партии ФНО, в деловом центре города, на оживленном бульваре эмира Абд аль-Кадира. Но здесь уже основным собеседником был комиссар Аллахум. В присутствии вали и председателей народного собрания вилайи М. Танджауи и народного собрания города А. Брики он рассказал нам о структуре партийной организации вилайи. Во главе ее стоит совет, руководимый комиссаром.

— Так повелось еще со времен освободительной войны, — объяснил Аллахум. — На всех уровнях партия занимается координацией действий общественных организаций — профсоюзов, союзов крестьян, молодежи, женщин, творческих объединений интеллигенции. Представители этих организаций наряду с вали и армейскими командирами входят в партийный совет вилайи. Совет и другие инстанции партии заняты также контролем действий администрации, политической ориентацией населения и идеологической, в том числе воспитательной и разъяснительной, работой. В партии состоят лишь трудящиеся. Из тех, кто живет не на зарплату, в нее допускаются только мелкие торговцы. В низовых ячейках сейчас большинство составляет молодежь, но на всех руководящих постах бывшие муджахиды, ветераны революции. Мы все — из их среды. Мнение ветеранов у нас в стране решающее во всех сферах жизни.

Гентари в соответствии с указанием вали показывал мне город. Мы побывали в мэрии (так по-прежнему за просто называют «дар аль-балядийя», то есть «дом городского управления»), расположенной на центральной площади имени Первого ноября, где в небольшом сквере с высокими пальмами стоит обелиск, на всех четырех сторонах которого — барельеф с изображением эмира Абд аль-Кадира, особенно чтимого на западе Алжира. Мэрия украшена решеткой в мавританском стиле у входа, к которому ведет широкая мраморная лестница с потемневшими от времени каменными скульптурами как бы присевших перед прыжком грозных львов. Внутри здания широкие лестницы, балюстрада, внут-

ранный дворик-патио, просторные залы с толстыми коврами и картинами на сюжеты из охотничьей жизни. Все это я осмотрел более чем подробно, так как мой сопровождающий, у которого немало было дел в мэрии, то и дело отвлекался и оставлял меня одного.

Здесь же, на площади имени Первого ноября, стоит изящное двухэтажное здание театра с тремя арками и балкончиками над тройным входом, с двумя купольными башнями над фасадом, множеством колонн и лепных украшений. Гентари все время как бы продолжает со мной беседу, начатую Бумехди и Аллахумом:

— Партия не только координирует деятельность всех организаций. Их руководящее звено набирается из актива ФНО, как и ключевые звенья государственной администрации. Но есть и ветераны революции, которые работают в партии и являются хранителями ее традиций.

Недалеко от бульвара Республики, ведущего к университетскому городку, проезжаем мимо огромного здания, выкрашенного в синий цвет и окруженного скоплением грузовых и легковых автомашин.

— Это государственный рынок Сук аль-Фаллях, предназначенный для сбыта продукции сельских кооперативов, — поясняет Гентари. — Его значение выросло за последние годы вместе с успехами аграрной революции.

Мы приезжаем на площадь Забаны, названную в честь одного из первых шахидов (мучеников) революции.

— Раньше она называлась площадью Севастополя, — уточняет Гентари, — так как французы считали, что они в прошлом веке добились победы под Севастополем. Но мы это название изменили. Вы вообще мало найдете в Ороне, как и в других алжирских городах, старых названий улиц. После достижения независимости они почти все были переименованы.

Мы осматриваем на площади Забаны городской музей и муниципальную библиотеку, заходим в бюро изучения культурного наследия Орона и его области.

— В этом бюро работают преподаватели местного университета, — сообщает мой сопровождающий.

Попутно Гентари непрерывно говорит о проблемах университета (очевидно, он, как его проректор, занимался именно ими, то есть поисками помещений, материального обеспечения, снабжения литературой и т. п.). В музее есть кое-какие любопытные произведения на-

родного искусства, прежде всего изделия гончаров и чеканщиков. Разочаровывает, пожалуй, библиотека. Ее книжный фонд довольно беден, а газетные подшивки сохранились лишь за последние десятилетия. Профессиональному историку работать здесь нельзя. Но в библиотеке много студентов и вообще старательно занимающейся молодежи. Гентари, однако, ходил по залам как хозяин, громко разговаривая и не обращая внимания на табличку: «Библиотека работает, просим не шуметь».

История и историки страны

Мне не хотелось бы, вспоминая свое пребывание в Алжире в разные годы и в разных городах, дробить одну из наиболее интересных для меня тем — об истории страны и людях, ее изучающих. Поэтому рассказ о Гентари я продолжу как об историке, ибо в этом качестве он представлял не меньший интерес, нежели в роли политика, администратора и общественного деятеля. Этот неприметный с виду невысокий шатен, курносый и сероглазый, иногда мимоходом и как бы случайно высказывал много любопытных суждений и об истории, и об историках Алжира. Но Гентари — несколько своеобразная фигура среди алжирских историков, так как он — прежде всего бывший муджахид, продолжавший активно заниматься политико-управленческой деятельностью. Кроме того, он — представитель периферии. А каково положение в центре? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к визиту в столичный университет и встрече с его профессорами.

Первое знакомство с одним из ведущих историков Алжира несколько меня разочаровало. Пришлось спуститься в тесноватый полуподвал, где среди шкафов, полок и не очень тщательно связанных в кипы книг, газет и рукописей едва умещались столы трех-четырех сотрудников учреждения, именовавшегося, как гласила надпись на двери, сделанная от руки, Институтом источниковедения и библиографии при Алжирском университете. Приветствовавший нас директор института профессор Махфуд Каддаш несколько удивился, что его посетили советские арабисты, да еще интересующиеся новейшей историей Алжира.

— Интересно, какими же источниками вы пользуетесь? — почти сразу же спросил он.

Выслушав ответ, он удивился:

— Вы, оказывается, работаете по тем же материалам, что и мы.

А узнав, что и по конкретным вопросам мы (Н. Н. Дьяков и я) согласны скорее с ним, чем с ведущим специалистом Франции по новой и новейшей истории Алжира Ш.-Р. Ажероном, Каддаш даже повеселел. Он даже улыбнулся, что, как мы убедились позже, было редкостью для этого серьезного, суховатого человека лет шестидесяти, которому хищный нос и большие очки придавали еще более замкнутый, недоступный вид.

Проявив явный интерес к тому, чем заняты советские историки Алжира, Каддаш предложил сотрудничество на основе обмена не только опубликованными монографиями и оттисками статей, но и копиями диссертаций и даже дипломных работ.

— Пусть они будут на русском языке, — сказал он. — Сейчас у нас в университете есть алжирцы, знающие русский язык, есть и преподаватели из СССР. Так что за переводом, рецензированием или аннотированием дело не станет. Нам интересно все, что о нас пишут на всех языках.

На вопрос, чем же интересны для него могут быть копии дипломных работ, он называет ряд дипломных сочинений выпускников алжирских университетов, в которых впервые были обобщены и проанализированы многие материалы, касающиеся важных и еще не исследованных этапов национально-освободительного движения. Сам Каддаш занимается именно историей национального движения в Алжире XX в.

Один из ветеранов и основателей движения скаутов-мусульман Алжира, потом публицист, сотрудничавший в 50-е годы в прогрессивных журналах «Консьянс Альжержьенн» и «Консьянс Магребин», Каддаш первым среди алжирских историков серьезно проанализировал прессу, листовки, брошюры и другие документы национальных политических партий Алжира колониального периода. Его диссертация «Политическая жизнь города Алжира в 1919—1939 гг.» пока что наиболее значительное исследование общественно-политической эволюции и европейской колонии, и антиколониального движения в Алжире межвоенного времени. Его перу принадлежит немало статей, прежде всего в журнале Алжирского исторического общества «Ревю д'истуар э де сивилизасьон дю Магреб», редакцию которого Каддаш долго возглавлял. Этот журнал публиковал материалы и на

французском, и на арабском языке. Характерно, что Каддаш, принадлежащий к старшему, преимущественно франкоязычному, поколению алжирской интеллигенции, писавший диссертацию под руководством известного французского историка Ксавье Яконо и защитивший ее в университете Тулузы, ныне почти все свои статьи печатает на арабском языке.

Алжирское историческое общество, как и его журнал, вначале размещалось в здании Национальной библиотеки на улице Франца Фанона. Директор библиотеки Махмуд Буайяд, также видный алжирский историк, принял нас в своем кабинете, наполовину превращенном в выставку последних публикаций алжирских историков. К их числу относится серия «Заметки и документы». Она начата пять лет назад книгой самого Буайяда «История на ленте магнитофона», в которой излагается общее состояние источников по истории Алжира, характеризуется их местонахождение, ценности и степень изученности, а также подробно описывается эксперимент библиотеки по сбору, записи на магнитофон и изданию на арабском и французском языках свидетельств ветеранов национального движения Алжира первых десятилетий нашего века. Запись и обработку свидетельств Буайяд осуществлял вместе с исследователем, сотрудником библиотеки Мухаммедом Генанешем, ветераном освободительной борьбы, воспоминания которого нередко цитируются алжирскими историками.

— А вот одна из последних публикаций серии, — говорит Буайяд, протягивая мне книгу о монетах эмира Абд аль-Кадира. — Ее написал Мунир Бушнаки, мой земляк, как и я — уроженец Тлемсена.

Разговор заходит о том, что вообще многие видные деятели алжирской культуры родом из Тлемсена. Сама атмосфера этого города — красивые пейзажи, памятники старины, традиции искусного ремесла, музыки и поэзии андалусских мавров в сочетании с предприимчивостью и энергией берберов-горцев и, позднее, турецких пришельцев — как бы отвела Тлемсену роль одного из главных оплотов самобытной культуры алжирской нации.

Буайяд — участник многих международных симпозиумов, лично знаком почти со всеми крупными востоковедами Франции и некоторых других стран. О встречах с ними он рассказывает живо, образно, с юмором.

Он не согласен со мной относительно некоторой предвзятости, наблюдающейся в работах Ш.-Р. Ажерона:

— Ажерон мой друг. Я его очень уважаю за глубокое знание истории Алжира, объективность и талант историка.

О недавно умершем лидере всей западной магрибистики Роже Ле Турно он сказал:

— Это был, безусловно, колониалист по убеждениям, но умный и эрудированный. Он был моим профессором в Алжирском университете и отличным профессором. Когда в годы революционной войны меня хотели арестовать, он спас мне жизнь, спрятав у себя. Он был верующим католиком, пытавшимся совместить колониализм с добрыми делами, облегчающими совесть. Если бы он не вмешивался в политику и оставался только ученым, оценка его деятельности могла бы быть превосходной.

После этого рассказа мне стало ясно, что посвящение в упоминавшейся выше книге Буайяда — не просто дань традиции. Оно гласит: «Памяти всех бойцов Армии национального освобождения, всех членов подпольной организации Фронта национального освобождения, всех фидаев и мусабилей (подпольщиков), которые писали историю своей кровью». И хотя война за освобождение кончилась 17 лет назад, она живо чувствуется и ощущается здесь каждым, пережившим ее.

Неоднократно убедившись в этом, по-другому воспринимаешь и казавшиеся мне не совсем скромными слова Гентари:

— Лишь истинные муджахиды могут изучать революцию. Например, я жил здесь все эти годы, участвовал в войне, собрал множество документов. Для меня нет трудностей в исследовании этого периода.

Тогда он готовил диссертацию о политической и административной структуре Армии национального освобождения (АНО) в 1954—1962 гг. В его распоряжении было немало внутренних документов АНО — бюллетеней, брошюр, листовок. Без них он считал невозможным точно воссоздать подлинную картину событий, но признавал, что обилие свидетельств непосредственных очевидцев оборачивается для историка неожиданным препятствием.

— Одна из трудностей анализа революционных событий, — говорит Гентари, — заключается в том, что многие их участники еще живы. Почти каждый из них

старается подчеркнуть свою роль и не всегда склонен по достоинству оценить роль другого, тем более если это — его давний конкурент, политический или личный соперник. Я записывал, в том числе на магнитофон, свидетельства многих участников войны, людей честных и заслуженных. Но при сопоставлении их рассказов быстро находил противоречия и несоответствия.

Где бы мы ни были, всюду Гентари в разговоре возвращался к волновавшим его вопросам: сложности определения достоверности источников, порядку обсуждения, оценки и защиты диссертаций в Алжире и СССР, проблемам охраны, изучения и приумножения культурного наследия Орана и его региона (этим ему приходится заниматься ежедневно).

— А как у вас изучается история вашей революции? — спросил он меня, когда мы смотрели демонстрируемый по телевидению Тлемсена советский фильм о Ленинграде. — Сколько осталось в живых участников штурма Зимнего дворца? А сколько ветеранов Отечественной войны опубликовало свои воспоминания или записало их?

Все эти вопросы говорили прежде всего о том, что соответствующие проблемы находятся в центре внимания не только одного Гентари, но и всех алжирских историков. Я вспомнил об этом, когда позднее Махмуд Буайяд подарил мне официальное издание министерства информации АНДР «От Армии национального освобождения к Национальной народной армии», в котором давались подробные сведения о героях алжирской революции, и тогда, когда увидел на витрине магазина новую книгу Каддаша «Огненные рассказы», представляющую собой сборник литературно обработанных воспоминаний участников наиболее важных сражений революционной войны. Об этом же речь в докладе Гентари на региональном совещании западного Алжира по изучению наследия освободительной революции в мае 1970 г. «Со смертью каждого муджахиды, — подчеркивалось в этом докладе, — безвозвратно теряется большая часть истории вооруженной революционной борьбы».

Собирание и сохранение наследия революции объявлено священным долгом каждого алжирца. Кампания по сбору и восстановлению архивов алжирской революции была начата еще в мае 1974 г. выступлением Хуари Бумедьена в Национальном музее муджахиды, когда

он призвал «создать все условия» для историков революции, «классифицировать все документы и определить правила их использования». Эта деятельность рассматривается в Алжире как существенная часть революции в области культуры и идеологии, как своего рода возвращение народу его собственной истории, искажавшейся колониалистскими фальсификаторами, как важный стимул укрепления национального самосознания, понимания национальной самобытности и национального достоинства алжирцев.

Ныне эта деятельность направляется и координируется Национальным центром исторических исследований при правительстве АНДР, созданным в 1974 г. Как отмечает его директор Мухаммед Туили, в задачу центра входит стимулирование исторических исследований, выявление и классификация источников всех видов, публикация исследований. В 1975 г. центр создал «комиссию по ориентации методов преподавания в школьных программах и учебниках истории», которая работала совместно с министерством начального и среднего образования. Центр непосредственно связан со всеми хранилищами источников по национальной истории — Национальными архивами (директор центра Туили одновременно возглавляет управление ими), Центром алжирской документации, музеями муджахида и армии, всеми библиотеками страны. С июня 1975 г. в центр начали прибывать архивы, вывезенные за границу в годы войны 1954—1962 гг.

Мне удалось посетить центр. Мухаммед Туили провел меня по всему зданию — красной двухэтажной вилле мавританского стиля, наполовину скрытой за высокой стеной на улице Абдаррахмана Лаала в самой верхней части города, Аль-Маданийя (ранее Кло Саламбье, когда-то окраинный квартал алжирской столицы). На первом этаже мы застали начальников архивов вилай (областей) Орана, Алжира и Тлемсена за составлением сводного описания архивных фондов. Я не сразу понял, что эти стеснительные молодые люди — начальники.

— У нас сейчас много молодежи на самых разных ответственных постах, в том числе в администрации, — говорит Туили. — И она успешно справляется со всеми поручениями. Молодые люди, которых вы только что видели, делают очень важное дело. Сейчас в архивах вилай хранится немало ценных материалов. Например, в

архиве вилайи Алжир размещены документы, возвращенные из-за границы. А в Константине недавно совершенно случайно обнаружили чудом сохранившийся архив колониальной полиции, в котором немало материалов о деятельности национальных партий и репрессиях против них.

На втором этаже—библиотека центра, хранилища газет и журналов. Библиотека насчитывала в 1978 г. 10 тыс. томов. Сколько их сейчас — сказать трудно, так как фонды непрерывно пополняются. Центр покупает немало редких книг (прежде всего издания XVI—XIX вв.), вывезенных во Францию частными лицами. Это хоть частично должно возместить непоправимый ущерб, нанесенный Алжиру оасовцами, уничтожившими весной 1962 г. библиотеку Алжирского университета, в которой наряду с прочими материалами погибло около 5 тыс. рукописей. При мне были распакованы и занесены на карточки 40—50 книг прошлого века в старинных переплетах с золотым тиснением. Такие пополнения, по словам Туили, поступают в центр регулярно каждый месяц.

Рядом с библиотекой — секция документов. Из-за рабочего стола навстречу нам поднимается невысокий человек в очках, седой, но подвижный, с живыми голубыми глазами. Представляется: «Ахмед Тауфик аль-Мадани». Ему 80 лет. Биография его — живой материал для нескольких исследований: один из основателей партии «Дустур» в Тунисе в 1920 г., деятель движения улемов-реформаторов в Алжире в 1925—1956 гг., писатель, поэт, публицист и один из первых арабоязычных историков Алжира в колониальную эпоху, член Временного правительства Алжира в эмиграции с 1958 г., министр первого правительства независимого Алжира в 1962—1963 гг. Сейчас он — автор четырехтомных мемуаров, главный редактор издаваемого центром журнала «Маджаллят ат-Таарих» и ведущий исследователь «турецкого периода» истории Алжира. В прошлом году он ездил в Турцию и снял копии с 3 тыс. турецких рукописей, повествующих об Алжире. Из них треть уже переведена на арабский и французский языки Насир ад-Дином Саидун и хранится в центре вместе с копиями турецких оригиналов. Тауфик аль-Мадани показывает нам несколько рядов картонных футляров, в которых хранится эта как бы заново создаваемая им источниковедческая база для будущих исследований истории Алжира.

Наш собеседник был в СССР и знает о богатствах рукописных фондов нашей страны. Особенно интересуют его хранилища Бухары, Самарканда и Ленинграда.

— Там, конечно, много рукописей религиозного содержания, — говорит он. — Но для нас представили бы интерес прежде всего рукописи по истории Арабского халифата и стран, в него входящих.

И это понятно. Как я смог убедиться еще в 1973 г., интересы историков Алжира становятся все более многообразными, а их концепции — богаче и многоплановее. Выход Алжира на международную арену сегодня ярко демонстрируется и в области исторической науки. Алжирские историки больше не ограничиваются поисками в самом Алжире или во Франции. Они интенсивно трудятся практически во всех странах Средиземноморья (от Турции до Испании) и во многих странах Африки, проявляют интерес к Балканам и Восточной Европе.

Трудно рассказать о всех достижениях алжирских историков. Не расскажешь даже о всех встречах и беседах с ними. Некоторые из этих встреч носили характер принципиального научного спора, другие — свободного и вполне доброжелательного обмена мнениями, третьи — первого знакомства и взаимного получения информации.

Особенно спорили мы с Каддашем. Еще на встрече в университете он начал говорить о «замалчивании» в СССР якобы «подчиненности» алжирских коммунистов французским, о том, что среди них-де «почти не было интеллигентов» и т. п. Когда он получил обоснованный отпор по всем этим пунктам, то стал муссировать еще в 20-е годы разоблаченную клевету о каких-то «протоколах Коминтерна», которые ориентировали коммунистов Востока в неправильном направлении. Когда было покончено и с этим вопросом, он внезапно стал перечислять видных в прошлом алжирских коммунистов, с которыми вместе учился или которых знал лично, напомнил, что принимал участие в фестивале демократической молодежи и студентов в 1949 г. в Будапеште. Но все это им было сказано лишь с целью подчеркнуть свою компетентность в оценке коммунистов Алжира, о которых он отзывался, за отдельными исключениями, весьма неприязненно.

На состоявшейся в Национальном центре исторических исследований лекции-дискуссии Каддаш, поддержанный Саидуни, опять поднял те же вопросы, еще бо-

лее их заострив. Он прямо сказал, что «обо всем этом на Западе написаны сотни книг», на что я ему ответил:

— У ЦРУ США огромный бюджет. Оно могло бы издать еще больше соответствующей литературы, которую серьезным историкам вряд ли следует читать.

Участники встречи (а их было не менее 30 человек, в том числе почти все работавшие в столице историки Алжира) в основном не поддержали Каддаша, а Т. аль-Мадани, который был председателем, директор центра М. Туили и ранее упомянутый А. Зебадийя даже возражали ему. Другие вопросы, заданные М. Туили, секретарем центра Н. Неггази и Т. аль-Мадани, были вполне корректными и носили деловой характер.

Сказанное вовсе не означает какой-либо предвзятости или негативного отношения к советской науке, к СССР или его представителям, хотя объективно влияние западной пропаганды ведет к этому. Мне хотелось бы все же сказать, что на той же самой дискуссии Каддаш выступил «за солидарность всех изучающих историю Алжира, за обмен между научными центрами Алжира и СССР информацией, библиографией, рукописями и другими материалами». У меня хранится подаренный им проспект его двухтомной монографии с подписью: «Содержание работы, которая выйдет через несколько месяцев, с выражением пожелания плодотворного сотрудничества между историками СССР и Алжира». Стремление к сотрудничеству, к получению более полных сведений об исторической науке в СССР, к извлечению практической пользы из взаимных контактов характерно для всех алжирских историков, с которыми мне довелось встретиться и о которых в целом у меня сохранились самые наилучшие воспоминания.

После окончания дискуссии во дворе Национального центра исторических исследований высокий, сдержанный, седой человек в очках рассказывал:

— Здесь, именно здесь была печально знаменитая «вилла Сизини», где французские парашютисты пытали патриотов-подпольщиков. Меня лично пытал их капитан Фальк, который потом в этом же здании устроил пресс-конференцию, объявив о «разгроме» подполья в столице.

Это один из бывших руководителей «автономной зоны города Алжира», известной организации алжирских революционеров-подпольщиков, наводившей страх на колонизаторов в 1956—1957 гг. Его зовут Абд ар-Рахман Бен Хамида. Он был в 1962 г. первым министром

просвещения независимого Алжира, а теперь директор Национального музея муджахидов. Его спокойную гордость можно понять: бывшая «вилла Сизини» с ее прихотливыми арками и искусной резьбой по камню навсегда перестала быть колониалистским застенком, превратившись в один из центров возрождения национальной культуры алжирского народа. Здесь возвращают ему его подлинно национальную историю и понимание его законного места в мировом сообществе народов. За это сражались, шли на смерть и муки герои алжирской революции. За это борется сейчас и свободный народ независимого Алжира.

В гостях у Тахара Ваттара

Этот заголовок некоторых читателей, очевидно, удивит. Они знают произведения неоднократно у нас издававшегося алжирского писателя Ат-Тахира Ваттара. Так его имя и фамилия произносятся на литературном арабском языке. Но алжирцы в просторечии произносят не «Ат-Тахир», а «Тахар». И так пишут это имя на других языках, в частности на французском (иногда, впрочем, допуская и вариант «Тахер»).

Мне давно хотелось лично познакомиться с Ваттаром. Беседуя в разное время, в СССР или Алжире, с тем или иным алжирским литератором, будь то Малек Хаддад или Мулуд Маммери, Каддур Мхамсаджи или Жан Сенак, я как бы приоткрывал для себя ранее скрытую частицу внутреннего мира алжирца. Но все мои собеседники писали по-французски. Поэтому их мысли и чувства, их сомнения и внутренние драмы были типичны главным образом для франкоязычной интеллигенции, то есть очень узкого слоя алжирцев.

Совсем иное дело — встречи с одним из создателей арабоязычной литературы Алжира. Тахар Ваттар — известный писатель, выдвинувшийся как крупный мастер в начале 70-х годов. Многие у него на родине и за ее пределами считают его самым значительным из алжирских литераторов, пишущих по-арабски. Поэтому центральная газета страны «Эль-Муджахид» приветствовала в номере от 20—21 апреля 1979 г. публикацию в советском журнале «Иностранная литература» второго романа Ваттара «Землетрясение» (в русском переводе: «И содрогнется земля...»).

После долгих поисков наконец находим лужный нам

дом. Хозяин — невысокий, плотный, с почти запорожскими усами на чуть скуластом смуглом лице — встречает нас у входа. Крепко пожимая руку, представляет: «Тахар Ваттар». Широко улыбаясь, спрашивает: «Быстро ли нашли?» А выслушав рассказ о бесконечных обрывах и виражах по дороге к его дому, усмеется: «В жизни всегда надо быть готовым и к резкому подъему, и к неожиданному спуску».

Непринужденная беседа завязывается сама собой, едва мы переступаем порог дома писателя. Как и большинство алжирцев, Тахар Ваттар очень контактный человек, легко находящий тему для общего разговора. Он знакомит нас со своей женой, берет на руки двухлетнюю Салиму, предлагает гостям угощение, шутит, смеется и как бы между делом говорит о литературе Алжира и других стран (он хорошо знает, в частности, французскую и русскую литературу), о культурных и языковых проблемах в его стране, о революционных преобразованиях и их воздействии на духовный мир алжирца, на психологию и образ жизни гражданина свободной и независимой Алжирской Народной Демократической Республики.

На стене гостиной — фотопортрет Ваттара в кожаной куртке, делающей его очень похожим на комиссара времен гражданской войны в России. Лицо у него на портрете серьезное и печальное, взгляд почти трагический. От этого он кажется старше, чем сейчас, хотя снимок сделан, как говорит жена писателя, много лет назад. Ваттар и похож и не похож на свой портрет. Фотография не в силах передать обаяние его мягкой улыбки, сдержанных манер, неторопливых движений, негромкого смеха.

У него искрящиеся весельем, глубокие черные глаза с лукавым прищуром и проворные, крепкие руки человека, привычного к труду и борьбе, много умеющего и способного многому научить других. Об этом свидетельствует жизненный путь писателя — учителя по профессии, бойца-партизана революционной войны за независимость 1954—1962 гг., политического организатора в центральном аппарате правящей в АНДР партии ФНО в годы строительства новой жизни. Активное участие в переживаемых родиной событиях, проникновение в думы и чаяния своего народа являются для Ваттара самыми естественными и необходимыми условиями его литературной работы.

— Я, — рассказывает он, — национальный контролер партии ФНО. Не менее трех раз в году мне приходится ездить по стране и проверять работу касм (секций), ячеек и других низовых организаций партии на местах. Сейчас эта работа станет еще более ответственной в связи с задачами, поставленными перед партией решениями ее четвертого съезда, состоявшегося зимой. В то же время партийная работа очень много дает мне и как писателю, позволяя все время быть в курсе событий, узнавать обо всем интересном в повседневной жизни народа, отбирать наиболее яркое и типичное.

Ваттар — автор пяти романов, трех сборников рассказов и двух пьес. Сначала он публиковал лишь рассказы (сборники «Дым моего сердца» в 1962 г., «Жалящие удары» в 1971 г., «Жертвы возвращаются на этой неделе» в 1974 г.). Очень важным для его литературной судьбы явился 1974 год, когда он опубликовал помимо последнего сборника рассказов и первой пьесы «Беглец» сразу три романа — «Туз» (в алжирском национальном издательстве СНЭД), «Землетрясение» (в бейрутском издательстве «Дар уль-ильм лиль-маляйин») и «Рыбак и дворец» (в наиболее распространенной арабоязычной газете «Аш-Шааб»).

Публикацию своих произведений в газетах писатель считает крайне необходимым делом. Таким путем решается сразу несколько задач: намного быстрее с новым произведением знакомится массовый читатель, намного быстрее писатель знакомится с реакцией читателя (в Алжире читательские письма в редакции газет — давняя традиция) и, кроме того, арабоязычные издания, расширяющие свою аудиторию, оказываются в выигрыше, знакомя публику с новинками национальной литературы. В 1978—1979 гг., например, оранская газета «Аль-Джумхурийя» публиковала на своих страницах из номера в номер новое произведение Ваттара «Туз, Джамила, любовь и смерть в смутное время».

Для современной алжирской литературы по-прежнему остроактуальной остается проблема языка, на котором писатель создает свои произведения (Ваттар говорит и по-арабски, и по-французски, но пишет только на арабском языке). Арабизация образования, являющаяся важнейшей частью проводимой в стране культурной революции, за последние 9—10 лет существенно улучшила позиции арабского литературного языка: значительно увеличилось число читающих по-арабски, среди

молодежи, особенно студенческой, уже не принято все время говорить по-французски, что считалось обычным делом лет 6—7 назад. На улице ныне слышится не только разговорный диалект, как раньше, но и литературный арабский язык, на котором раньше в Алжире не говорили.

— Вы тоже заметили это? — спрашивает Ваттар. — Молодежь ныне гордится знанием арабского. Вот лучший ответ тем, кто не верит в перспективы арабизации.

Но все же проблема остается: среди читающей публики, особенно интеллигенции старшего поколения, еще сильна привычка к чтению прежде всего французской или же алжирской франкоязычной литературы. Недаром в магазинах и книжных ларьках можно видеть произведения Ваттара и другого видного арабоязычного писателя Алжира — Абд аль-Хамида Бен Хаддуки, изданные алжирским издательством СНЭД в переводе на французский язык.

— Я считаю, — говорит Ваттар, — что алжирская современная литература на арабском языке более перспективна, чем наша же литература на французском.

Объясняет он это прежде всего тем, что многих крупных писателей, в свое время принесших славу франкоязычной литературе Алжира, таких, как Мулуд Фераун или Малек Хаддад, уже нет в живых, а оставшиеся постепенно сдали свои позиции:

— Из пишущих на французском языке лишь Мухаммед Диб сохранил свои достоинства. Катеб Ясин перестал писать прозу и стихи, всецело отдавшись драматургии. Он пишет много, но только пьесы, в которых чувствуется подражание стилю Брехта. Став директором театра в Сиди-Бель-Аббессе, Катеб Ясин переживает сейчас пору бурного увлечения театром.

Ваттар вместе с тем подчеркивает, что театр в современном Алжире находится сейчас на подъеме. Национальные труппы работают в пяти городах — Алжире, Оране, Константине, Аннабе, Сиди-Бель-Аббесе. Кроме того, за последнее десятилетие возникло немало любительских трупп. Неудивительно, что Катеб Ясин, пьесы которого идут не только на сценах Орана, Тлемсена и других городов страны, но и в Париже, Брюсселе, Берлине, решил всецело посвятить себя национальному театру.

Из новых имен алжирской франкоязычной литературы Ваттар ставит на первое место Рашида Буджедру.

Вместе с тем он довольно критически отзывается о ныне, пожалуй, старейшем из алжирских писателей, пишущих по-французски, известном романисте Мулуде Маммери, у которого, как он считает, в последние годы иногда появлялись настроения пессимизма и определенного разочарования. Основные надежды Ваттар возлагает на молодое поколение арабоязычных писателей Алжира, выдвинувшихся за последние годы, таких, как Бакташ Марзак, Смаил Гумакаат, Ладраа Шриф, Амар Бельбахсен, Хабиб Сайях. По его мнению, за ними и за Буджедрой — будущее алжирской литературы.

Разговор заходит об известном советскому читателю романе Ваттара «Землетрясение» и о романе «Туз», который тогда (в 1979 г.) предполагалось издать в русском переводе (с тех пор он издавался у нас несколько раз). Ваттар считает первый роман более удавшимся ему с точки зрения литературного мастерства, отточенности различных чисто формальных приемов, разработанности внутренних монологов и анализа психологии героя. Отвечая на вопрос, был ли реальный прототип у главного «антигероя» романа — шейха Абу Арваха, Ваттар называет одного давно умершего деятеля движения улемов-реформаторов.

— Вы удивлены? — улыбается он. — Но разве этот человек, которого уже нет на свете, не вел бы себя подобно Абу Арваху в нынешней обстановке? Разве он не мог бы чувствовать, думать и говорить то же самое, если бы, как и Абу Арвах, столкнулся с перспективой утраты своих земель, своих богатств и положения в обществе? Конечно, образ Абу Арваха — во многом собирательный. В нем есть черточки и некоторых ныне здравствующих в Алжире людей.

Сказанное очень характерно для творческой манеры Ваттара. Он обычно берет в качестве прототипа того или иного образа хорошо известного ему человека, а затем «оснащает» его различными чертами характера (и даже подробностями личной судьбы), отсутствовавшими у данного конкретного лица, но не противоречащими внутренней логике развития его духовного мира.

— Вы, очевидно, догадываетесь, — говорит Ваттар, — что герой романа «Туз» Зейдан — это один известный деятель освободительного движения в нашей стране. Конечно, в романе вовсе нет точного описания его жизни и характера, да и погиб он совсем не так, как Зейдан. Но в основном Зейдан списан с него.

Ваттар считает, что «Туз» больше удался ему не с точки зрения литературной техники, а в плане разработки сюжета и реалистического отображения событий революционной войны 1954—1962 гг. Для него, как для ветерана этой войны, суровая правда о ней чрезвычайно важна. Поэтому его суждение о том или ином алжирском литераторе, затрагивающем тему войны, неизбежно включает оценку личного участия данного литератора в событиях, еще сравнительно недавно занимавших главное место в жизни любого алжирца. «Но ведь он не участвовал в революции!» — с возмущением говорит Ваттар об одном таком литераторе, претендующем на роль революционного «мемуариста». И этим сказано все.

Ваттар недавно сдал в издательство новый роман — продолжение «Туза». Но действие его происходит уже не в годы борьбы за освобождение, а в десятилетие после провозглашения независимости Алжира (1962—1972). В центре повествования — новый герой. Он также во многом напоминает и своей личной судьбой, и чертами характера реально существовавшего человека, большие заслуги которого перед антиколониальным движением 30—40-х годов неоспоримы.

— Но это, конечно, лишь прообраз, — поясняет Ваттар. — Обстоятельства сейчас иные. Жизнь ставит новые, во многом более сложные задачи. Однако каждое поколение алжирцев должно знать, с кого «делать жизнь», кому подражать. Я считаю, что герои, подобные Зейдану, действуют, должны действовать и в наши дни.

Сейчас писатель работает над новым романом, в основе которого — судьба бывшего директора театра. Он бросает свое дело и стремится найти себя, изменить свою судьбу, что ему в конечном счете удастся, но чрезмерно дорогой ценой. Судя по словам Ваттара, роман будет написан в той же (если не в еще более усложненной) манере, что и «Землетрясение». На предположения о реальном прототипе героя писатель отвечает почти озорной улыбкой:

— Да, это и тот, и другой, и даже более известный человек, чем вы думаете. Это они все вместе, это их драма, их метания и искания, очень показательные для нашего времени и наших проблем.

Мы прощаемся с гостеприимным хозяином и начинаем снова преодолевать то «резкие подъемы», то «неожиданные спуски», вспоминая шуточные предостереже-

ния и широкую, добрую улыбку Тахара Ваттара, талантливое писателя, обаятельного человека и большого патриота своей родины, за свободу, которой он сражался с оружием в руках. За то, чтобы жизнь на земле родины была лучше, Ваттар сегодня сражается как художник и гражданин.

Глава 5

КОРОЛЕВСТВО ПЯТИ СТОЛИЦ

Государства с двумя столицами — не такая уж редкость. А вот пять столиц, как в Марокко, встретишь не всюду. Это королевство прославили в средние века три города — Фес, Марракеш и Мекнес, поочередно бывшие центром державы, простиравшейся в свои лучшие времена от Триполи до Толедо. В память об этом они ныне так и называются — «имперские города». Короли Марокко любят эти символы своей былой мощи и сохраняют в них официальные резиденции. Есть в королевстве и постоянная «административная», как говорят марокканцы, столица — Рабат. Наконец, страна имеет еще и пятую, экономическую столицу — Касабланку, которая по числу жителей превосходит первые четыре, вместе взятые.

Наша делегация Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами осенью 1980 г. побывала во всех марокканских столицах. Читать и слышать о них мне доводилось не раз, в том числе во время более ранних поездок в Тунис и Алжир. Эти страны вместе с Марокко и похожи друг на друга, и не похожи. Особенно заметно это было в Рабате, с которого мы и начали свое путешествие.

Первое знакомство

Холодящий ветерок с океана смешивает соленые морские запахи с ароматом цветов и экзотической зелени, почти невидимых в антрацитовый мгле африканской ночи. Свет фар и редких фонарей вдоль шоссе вырывает из тьмы то длинно свисающую ветвь пальмы, то глухую желтоватую стену придорожного дома, то цепь

кактусов, служащих естественной изгородью. Впервые прилетев в любую страну Магриба, вы увидите именно такой дорогу от аэропорта до столицы. Разве что в Тунисе она будет покороче, и даже моросящий дождь не прибьет к земле вековую пыль раскинувшихся неподалеку развалин древнего Карфагена (впрочем, оказавшись в ноябре 1983 г. в аэропорту Туниса, я увидел, что город уже подступил к нему вплотную). В Алжире же придется ехать дальше и все время сквозь разрастающиеся жилые кварталы предместий. В Марокко — это видно сразу — сохранилось больше первозданной природы и не занятых человеком просторов. Поэтому издали, завидев огни Рабата, вы сначала примете его за небольшую крепость с редкими башенками и подсвеченными снизу минаретами мечетей. Лишь подъехав ближе, понимаешь, что эта крепость вовсе не маленькая, а просто кажется такой на фоне окружающих ее привольно раскинувшихся холмов и равнин. К тому же это еще не Рабат, вернее, не совсем Рабат.

— Это Сале, — говорит нам наш гид Мухаммед Бен Масуд. — Он основан тысячу лет назад. А на месте Рабата тогда был лишь рибат, то есть укрепленный монастырь-крепость. Постепенно он разросся, и Сале превратился в его пригород.

Напоминаю гиду, что Сале еще в XVII—XVIII вв. был известен как гнездо корсаров, наводивших страх на Европу. В ответ Мухаммед улыбается:

— Не совсем так. Почти четыреста лет назад Рабат заселили андалусские мавры, изгнанные из Испании. Они переименовали Рабат в Сла аль-Джадид (Новый Сале) и превратили оба города в «республику Сале», во главе которой, по обычаю испанских городов, стоял выборный совет. Они ненавидели Европу, мстили ей за свое изгнание и не признавали ничьей власти. Но через пятьдесят лет они все же подчинились султану.

Мухаммед умалчивает о том, что пираты Сале и после этого продолжали промыслять, вплоть до начала XIX в., от Канарских островов до Исландии, нередко опустошая, например, берега Англии и особенно ненавистной им Испании. Но я предпочитаю не спорить с гидом, тем более что мы наконец подъезжаем к Рабату.

Автобус минует мост через реку Бу-Регрег и круто взлетает вверх по шоссе, незаметно переходящему в столичный проспект. Бу-Регрег впадает в Атлантический

океан. (Его мы как следует разглядели в последующие дни.) В устье этой широкой, но сильно обмелевшей реки, на правом ее берегу — Сале, на левом — Рабат. Мутно-серые октябрьские воды Бу-Регрега перебиваются кое-где поросшими кустарником островками или коричневато-рыжими песчаными отмелями. Речные наносы еще в древности погубили здесь римскую колонию. Ее руины ныне находятся на огромном холме из песчаника далеко от реки, когда-то протекавшей рядом. Да и Сале постигла та же судьба. Всего 300 лет назад морские корабли могли заходить в этот порт вверх по реке вплоть до городских ворот Баб Мриса. Ныне судоходство по Бу-Регрегу невозможно, а ворота Баб Мриса наполовину скрылись под песком. Сале теперь всюду отделен от реки широкой полосой пляжей и лугов.

Позднее мне удалось побывать в Сале. Старое гнездо андалусских пиратов, окруженное крепостной стеной, можно объехать на автомашине чуть ли не за полчаса. При этом на Рабат оно обращено как бы подгримированной своей стороной — безукоризненной белизной глухих стен домов, темной зеленью черепичных крыш. А внутри Сале — нечто среднее между мединой Кайруана и алжирской Касбой: то же тяготение города к Великой мечети, к которой ведет улица того же названия, те же узкие проулки (но более чистые), то же обилие лавок и мастерских ремесленников, такое же малолюдье на улицах, как бы сохраняющих свою музейную первозданность для туристов. Объясняется это просто. Сегодня Сале — не более чем пригород Рабата, его историко-экзотическое дополнение.

— Рабат, вы увидите это, самый прекрасный город в Африке, — уверяет нас гид Мухаммед.

Он уроженец и большой патриот Рабата. Высокий, худощавый, смуглый брюнет с курчавыми волосами, округлыми чертами лица и исключительно мягкими манерами. Говорит он, как бы смущенно улыбаясь, и смотрит почти робко. Впечатление такое, что и свои небольшие усы он отпустил, и слегка затемненные очки надел специально для того, чтобы придать себе больше уверенности и солидности. Для учителя по профессии он малоразговорчив, хотя вовсе не замкнут. Свободно владеет испанским языком, чем обычно марокканские интеллигенты отличаются от своих тунисских и алжирских собратьев. Но он далек от того, чтобы гордиться этим.

— Обратите внимание, — говорит Мухаммед, указывая на какую-нибудь испанскую, французскую или английскую вывеску, — здесь даже нет арабского перевода иностранного названия. Пока что в этом никто и не нуждается. Но не означает ли это, что кое-кто на Западе хотел бы увековечить такое положение?

Мухаммед вежлив, внимателен, старается отвечать на все вопросы и, в отличие от некоторых других гидов, не изображает глухого, когда это ему выгодно. Он — араб и поклонник всего арабского, однако со знанием дела расскажет и о берберях: местах, где живут их племена в горах Атласа, геометрических фигурах, лежащих в основе берберского орнамента. Мусульманин, он много рассказывает о мечетях в Марокко, хотя особой религиозностью не отличается, как и большинство интеллигенции Магриба. Но на эту тему он настойчиво избегает подробного разговора. Для марокканцев ислам — не только религия. Это кодекс поведения в быту и обществе, свод правил на все случаи жизни, а главное — то, что отделяет «своих» от «чужих».

На следующий день мы начинаем осмотр города. Из-за жары Мухаммед сменил черный костюм с галстуком на полосатую тонкую джеллябу — балахон, к которому иногда добавляется капюшон. Однако его голова, привычная к африканскому солнцу, всегда непокрыта. В Марокко сегодня это обычно свойственно молодежи (Мухаммеду на вид лет 30) или «осовременившейся» части населения. Головной убор — феска городского торговца или ремесленника, тюрбан кочевника, широкополая соломенная шляпа горца из Рифа — отличает в этой стране людей религиозных, консервативных, придерживающихся старинных обычаев. Такие есть и в Рабате. Но большинство здесь одето по-европейски.

По Рабату надо ходить не спеша, внимательно вглядываясь в его лицо. Только тогда оно начнет открываться и даже улыбаться. Из окна автобуса или автомобиля успеваешь заметить лишь широкие просторы площадей и улиц, которые как бы продолжают окружающие город равнины, трех-четырёхэтажные дома, мелькающие вывески кафе и лавок. Никакого блеска и шика, ничего «столичного». Даже путеводители не отрицают этой поражающей с первого взгляда неброскости Рабата, называя ее «провинциальным очарованием». Прогуливаясь по городу пешком, убеждаешься, что очарования здесь больше, чем провинциальности. Воздух в городе удиви-

тельно чист. Элегантная белизна зданий подчеркнута обильной зеленью парков, аллей и бульваров. Впрочем, «бульвар» здесь означает просто улицу, как в Алжире, и может не иметь ни одного деревца. Тем не менее запах цветов в Рабате явно забивает запах бензина, выхлопных газов или раскаленного асфальта. Движение здесь менее интенсивное, чем в Алжире и Тунисе, хотя на центральных улицах, как и всюду теперь, почти невозможно найти у тротуара свободное место, чтобы поставить машину.

Очень просторно за высокими стенами королевской резиденции, куда мы въезжаем с авеню Мулая Хасана. Мелькают справа и слева помещения для охраны, прислуги, хозяйственные постройки, лавки, лотки, вокруг которых толпится народ и идет бойкая торговля. Здесь как бы особый «город внутри города» со своей жизнью и бытом. Королевские гвардейцы живут тут с семьями, как допетровские стрельцы. Среди них немало потомков чернокожих абидов (бывших рабов), которыми султаны любили пополнять свою личную охрану. Поэтому здесь чаще, чем в других местах Рабата, увидишь негритянские или полунегритянские лица. Впрочем, они почти не видны, так как все женщины из семей гвардейцев лицо тщательно закрывают. Король — не только светский, но и духовный повелитель Марокко. Поэтому его личные слуги все предписания ислама выполняют особенно строго. Это бросается в глаза, так как вне стен резиденции мусульманки с закрытыми лицами или просто в национальной одежде встречаются гораздо реже.

Проезжаем совершенно новую на вид мечеть.

— Ее реставрируют и постоянно держат в парадной форме, — говорит гид. — А выстроена она, как и вся резиденция, в тысяча семьсот пятьдесят седьмом году. Именно в эту мечеть по праздникам его величество едет из дворца на белом коне.

Для этого король пересекает огромную, в квадратный километр, площадь перед дворцом. Площадь (а по ней и вся резиденция) называется Мешвар, то есть «место совета, совещания». Название восходит к тем временам, когда власть марокканских султанов зависела от согласия правителей главных областей страны и вождей племени признать ее. Они и сейчас ещё собираются сюда по большим праздникам и по традиции криками выражают свое «согласие», в каком король давно уже не нуждается. Но традиция живет. Она, как и

многие другие традиции в этой стране, гораздо надежнее поддерживает королевскую власть, чем парламент и иные атрибуты конституционной монархии.

Сам дворец короля — длинное желто-оранжевое двухэтажное здание с ярко-зеленой черепичной крышей и стрельчатыми башенками. В нем три входа: главный, служебный и отдельный вход в мавзолей Хасана I, предка и тезки нынешнего короля. Главный вход охраняют два гвардейца в белой форме, вход в мавзолей — два армейских солдата в серой форме, а служебный вход контролирует смешанная охрана. Мы останавливаемся метрах в 25—30 от них, около старинных пушек, которые ныне — не более чем музейные экспонаты. Отсюда разрешается фотографировать дворец и себя на его фоне. Но ближе подходить нам не советуют. Поэтому мы покидаем Мешвар и направляемся в примыкающую к нему наиболее обширную часть центра города — Резиданс, в которой раньше размещались ведомства «генеральной резиденции», т. е. администрации французского протектората. Теперь здесь различные министерства Марокко, кроме министерства обороны, белый ромбовидный купол которого возвышается в пределах Мешвара.

В Резиданс — ведомства, бюро, конторы, посольства и банки, целые кварталы вилл богачей, отели, редакции газет, магазины. Улицы и площади здесь когда-то носили имена французских генералов и политиков. Теперь они называются в честь арабских городов и стран (Алжира, Туниса, Каира, Эр-Риада), лидеров Азии и Африки (Лумумбы, Сукарно) и марокканских султанов. Есть также площади Вашингтона и Линкольна, авеню Рузвельта. К Рузвельту марокканцы питают особые симпатии: встретившись с султаном Марокко в 1943 г., он поощрил его стремление к выходу из-под опеки Франции. Вообще названия улиц отражают интерес марокканцев к окружающему их миру. Даже маленький переулок может носить имя Лондона или Аккры.

В отличие от столичных жителей остального мира рабаты тихи и неторопливы. Сначала мы заметили эти качества у Мухаммеда, приняв их за его личные свойства. Но, присмотревшись к его землякам, мы поняли, что все они стараются не спешить и не шуметь. Обитатель Рабата словно помнит постоянно, что в королевстве не одна столица, а несколько. А раз так — и кичиться вроде бы нечем, и суетиться незачем. Поэтому рабатец ред-

ко повысит голос, по улице пройдет степенно, часто останавливаясь для обстоятельной беседы со знакомыми или просто для детального осмотра витрин магазинов. И неважно, молод он или стар, вечером ему приятно посидеть в большой компании в кафе или маленьком ресторанчике. Так, за столиками, обычно выставленными прямо на тротуар, либо у стойки бара неспешно проходит время многих ценителей черного кофе, лимонада, но более всего — хорошо утоляющего жажду зеленого чая с мятой.

Беседа в Агдале

Поверхностному взгляду рабатец может показаться чуть ли не прохлаждающимся дачником, особенно в районе Агдал, то есть Сады. Это не главный, но очень большой массив в южной части города. Он сплошь застроен частными виллами, утопающими в садах. Здесь множество узких немощеных проулков, где машина легко застревает в песке или глине, которые после дождя нередко смешиваются в красновато-коричневую грязь. Из-за Агдала многие называют Рабат «большой деревней». Он действительно напоминает скорее дачное место за городом, чем часть города. Но Агдал — лишь одно из лиц Рабата. Он, как и отделенный от него широким озелененным проспектом Ан-Наср (Победа) квартал Оранж (Апельсин), был задуман и выстроен в свое время как место отдыха чиновников французского протектората. Немало французов живет здесь и сейчас. Но марокканцев теперь гораздо больше.

Подъезжаем к одной из вилл Агдала и, миновав чугунную ограду, входим в роскошный сад. Запах цитрусовых забивает здесь все прочие запахи, хотя в саду много цветов и яблонь. Темнокожий садовник аккуратно подстригает газон на лужайке перед входом в дом. Завидев нас, прекращает свое кропотливое занятие и не спеша отправляется доложить хозяевам.

Мы в гостях у Мухиддина аль-Машрафи, генерального секретаря ассоциации дружбы «Марокко — СССР». Он встречает нас у входа, приветливо улыбаясь. Проходим в большую комнату с низкими потолками и полуперегородками, украшенными имитациями маленьких колонн. Вдоль стен — длинные кушетки с вышитыми подушками, на стенах — ковры и картины. Сразу по-

веяло Бахчисараем, Стамбулом, Дамаском. Очевидно, это не случайно. Род хозяина дома восходит к выходцам из Ливана, в котором влияние турецкого быта было всегда довольно сильным. Когда подают традиционный чай с мятой, хозяин, вежливо выслушав наши похвалы миндальным пирожным и прочим сладостям домашней выпечки, объясняет:

— Все это — турецкого происхождения и в Марокко попало из Алжира, когда там еще правили турки. У нас такие сладости особенно хорошо делают в Уджде, на границе с Алжиром. Моя дочь — большой специалист по этой части.

И он улыбается дочери — строгой и деловой женщине средних лет, которая подает нам чай, быстро и почти бесшумно отдавая распоряжения молодому парню в модном французском свитере.

Господин аль-Машрафи невысок, смугл, подвижен, с быстрыми карими глазами и серебрино-седыми волосами. За его плечами трудные годы борьбы за независимость, преследования колонизаторов, активная работа по возрождению национальной культуры. Он был заместителем министра просвещения, одним из руководителей министерства хабусов (имущество мусульманских общин), игравшего значительную роль в преподавании в Марокко арабского языка. По одежде — белоснежной джеллябе, высокой красной феске, расшитым золотом бабушам — нашего хозяина можно принять за традиционного мусульманина. Однако по-французски он говорит не хуже, чем по-арабски, и, самое главное, считает необходимым ввести в Марокко современные методы образования и воспитания.

— В юности я считал профессию учителя идеальной, — говорит он. — Я и теперь очень чту ее и предъявляю к ней высокие требования. Мне совершенно ясно, что если учитель не понимает подрастающее поколение, то он — не учитель. А нам нужны настоящие учителя, и как можно больше. Необходимо учить всех детей, как мальчиков, так и девочек. Вы спросите, доказываю ли я это на деле? Но ведь я только что привел из школы домой свою внучку!

Поговорив о методах обучения в Европе и на Востоке, о вузах различных городов Марокко, а также об особенностях самих этих городов, хозяин рассказывает нам о деятельности ассоциации дружбы «Марокко — СССР», существующей уже 10 лет, о ее связях с раз-

личными молодежными и студенческими организациями на периферии. Президентом ассоциации является Мухаммед аль-Фаси, видный историк, ранее ректор университета Карауин и министр образования и культуры, ныне — представитель Марокко в ЮНЕСКО. Буквально накануне нашего приезда он уехал в Белград на сессию ЮНЕСКО. В 1960 г. он приезжал в СССР. Аль-Машрафи также бывал в нашей стране.

— Мне особенно понравились, — говорит он, — Москва, Ленинград и Киев. Однако я бы хотел еще раз приехать к вам и повидать Бухару и Самарканд, а кроме того, известные памятники ислама в мусульманских республиках Средней Азии и Кавказа.

Сотрудничество между ассоциациями дружбы «Марокко — СССР» и «СССР — Марокко» играет существенную роль в культурном сближении наших стран. В рамках этого сотрудничества ежегодно предоставляется 20 стипендий для марокканцев, желающих учиться в СССР.

— Почти все они хотят быть врачами и архитекторами, — усмехается Мухиддин аль-Машрафи. — Это, конечно, очень нужные для нас специальности. Но и учителей нам не хватает.

Мы говорим, что марокканские студенты обучаются в вузах СССР шестнадцати специальностям. В дальнейшем их, очевидно, будет еще больше в зависимости от пожеланий самих обучающихся.

Попрощавшись с хозяином, выходим из дома и некоторое время идем по саду, вдыхая аромат цветов и апельсинов. Пожалуй, мы в этот момент даже жалеем, что Агдал — это не весь Рабат.

Следы былого

Проспект Ан-Наср упирается в Баб ар-Руах (Ворота ветров) — гигантский кубовидный портал с массивными выступами по бокам. Это лучше всего сохранившиеся ворота в стене Альмохадов, отделяющей Агдал и Оранж от центральной части города. Рабат давно выплеснулся за пределы старых крепостных стен. Красновато-коричневые, облупленные, полуразрушенные войнами и землетрясениями, посеребрившие от времени, они местами очень хорошо сохранились.

— При великом государе Якубе аль-Мансуре и бы-

ла возведена стена Альмохадов, — рассказывает Мухаммед. — Другую стену возвели Мериниды в тринадцатом веке, но с них начинается упадок Рабата, который они и их преемники полностью забросили. Он возродился только в семнадцатом веке, когда была возведена стена Андалусцев. Последняя по времени — стена Алауитов. Общая протяженность всех стен — около двенадцати километров.

Мы как раз проезжаем стену Алауитов (ныне царствующей династии) и направляемся в Шеллу, расположенную за чертой города. Это крепость, выстроенная Меринидами на месте древнеримской колонии Салы, но использованная ими в основном как некрополь. Подъезжая к высокому portalу главных ворот, украшенному полустершейся каменной резьбой, мы слышим грохот: какой-то бедно одетый человек бьет в барабан и танцует. Судя по заученности движений и равнодушному выражению лица, он постоянно занимается подобной инсценировкой «торжественной встречи» всех прибывающих в Шеллу в надежде что-то заработать. Конкуренцию ему составляет бойкий продавец воды в ярко-красном кафтане и соломенной шляпе с бубенцами. Весь увешанный медными кружками и колокольчиками, звенящий и бречащий с головы до ног, он проявляет незаурядные способности мима, жестаи и гримасами убеждая нас воспользоваться его услугами. Не добившись своего, он медленно выливает немного воды на землю, а потом сам пьет из кружки, причем так выразительно, что мы невольно останавливаемся, воздавая должное этому мини-спектаклю одного актера. Таких барабанщиков и продавцов воды, а также фокусников, танцоров и заклинателей змей можно встретить почти у каждого посещаемого туристами места в Марокко. Они пытаются жить на проценты с бывшего величия Магриба.

Войдя в ворота, оказываемся за зубчатыми стенами крепости и через разросшийся сад спускаемся вниз, туда, откуда открывается вид на развалины древнеримских построек, за которыми поблескивает вдали Бу-Регрег. Справа возвышается над замшелыми стенами старый минарет, отливающий на солнце багряно-золотистым блеском.

— Высота его более четырнадцати метров. Здесь было две мечети и стена с двадцатью башнями, — говорит Мухаммед. — Все это построил султан Абу аль-Ха-

сан, которого называли «черным», так как мать его была эфиопкой. Он здесь похоронен с женой — обратившейся в ислам христианкой из Европы.

Мы бродим среди развалин мечети, остатков арок, колонн и валяющихся на земле обломков стен с кое-где еще заметными элементами декора.

— Все это было разрушено землетрясением, — сообщает Мухаммед.

Указывая на мраморные белые колонны, углубление в виде бассейна и невысокие каменные перегородки, он продолжает:

— А это остатки римских бань, которые Мериниды переоборудовали в медресе.

Недалеко от них могильные каменные плиты — фамильное кладбище Меринидов. В давние времена это кладбище и особенно мечеть Абу аль-Хасана считались священными. Местные мусульмане даже совершали сюда религиозное паломничество — «зияра».

Шелла — уникальный пример наслоения на земле Марокко памятников многих цивилизаций. Помимо остатков римской Салы и могил Меринидов здесь можно увидеть и увенчанные куполом (куббой) гробницы марабутов — весьма почитаемых по всему Магрибу местных «святых». Вглядываюсь в надпись на одной из них. Покоящийся под ней марабут Абд ар-Рахман скончался в 1956 г. Учтывая, что Шелла до сих пор священное место для мусульман Марокко, надо полагать, что Абд ар-Рахман похоронен здесь в знак особых его заслуг. В дальнейшем белоснежные куббы гробниц марабутов встречались нам по всей стране, в том числе вдали от населенных мест. Этим Марокко очень напоминает Алжир и Тунис.

Мы возвращаемся из Шеллы к стене Алауитов и едем вдоль нее по бульвару Мусы Ибн Нусайра (арабского завоевателя Аль-Андалуса). Город все время слева, а Бу-Регрег справа. Проезжаем лицей имени воспетого Пушкиным поэта Андре Шенье и вскоре останавливаемся у знаменитой башни Хасана, которая служит как бы эмблемой города. Она — один из трех самых красивых минаретов Магриба, выстроенных при альмохадском халифе Якубе аль-Мансуре (1184—1199) почти восемь веков тому назад. Два других тоже сохранились до наших дней: Кутубийя в Марракеше и Хиральда в Севилье. Интересно, что Якуб аль-Мансур (Победоносный орел) был архитектором всех трех минаретов, как и ансамбля

монументальных стен и ворот Рабата. Мечеть Хасана, для которой возводился минарет, была самой огромной в мире ислама, имела 16 дверей, три внутренних двора и около 400 колонн, занимала площадь 183×140 метров. Ныне от нее остались лишь обломки, основания около 260 колонн и минарет. Ни землетрясения, ни грабители, ни прочие превратности судьбы Рабата не смогли поколебать башню Хасана, так и возвышающуюся ныне над городом на 44 метра.

По иронии судьбы Якуб аль-Мансур, очень любивший Рабат, не успел закончить возведение башни Хасана. Она осталась незавершенной, подобно Кальта-минару (Короткому минарету) в Хиве, который тоже был задуман как самый высокий в мире ислама и тоже остался недостроенным. Но если в окраске Кальта-минара преобладают цвет бирюзы и его оттенки, то башня Хасана — вся из одноцветного розового камня, украшенная декоративным барельефом в виде витой решетки и стрелчатых арок.

Рядом с башней Хасана — мавзолей Мухаммеда V, отца ныне царствующего короля. Его охраняют конные гвардейцы в зеленых шапочках с серебряным шитьем, в белой форме и с копьями, на которых марокканские зеленые флажки с красными звездами. Около мавзолея всегда народ. Сюда приходят кроме местных жителей все приезжающие в Рабат иностранцы и марокканцы из других мест полюбоваться великолепным сооружением, взобраться на башню Хасана (внутри ее есть широкий спиралевидный подъем, по которому раньше султан мог въехать на верхушку башни даже в карете), посетить примыкающие к мавзолею новенькую мечеть оранжево-песочного цвета (внутри она — уменьшенная копия всемирно известной мечети в Кордове) и мемориальный музей Мухаммеда V.

Усыпальница покойного монарха — это громадный куб из белого карарского мрамора с красивой аркадой и чередованием по фасаду гладких поверхностей с декором в виде ромбовидной решетки. Лишь издали видна ярко-изумрудная четырехскатная крыша мавзолея. Вблизи же, если стоять у каменной ограды или подниматься по великолепной широкой лестнице, крыша не видна, и верх здания кажется плоским, украшенным лишь по краю пирамидальными зубцами, подобные которым мы видели на стенах старинных крепостей. Войдя внутрь, мы оказываемся на длинной галерее, тянущейся вдоль

всех четырех стен. Внизу — саркофаг Мухаммеда V из целого куска чистого мрамора. Вверху — огромный купол из кедра, украшенный резьбой и позолотой, и гигантская люстра, на которую, по словам гида, пошло более 2 тонн меди. Хотя все, включая вырезанные над каждым из четырех входов изречения из Корана, выполнено в духе мусульманских традиций, что-то неуловимо европейское чувствуется в архитектуре здания, прежде всего в расположении галерей для посетителей выше саркофага. Гид подтверждает это, признав, что на авторов проекта сооружения, возможно, повлияла схема гробницы Наполеона в Доме инвалидов в Париже.

Выйдя из мавзолея, попадаем снова на лестницу, с которой открывается превосходный вид на океан и впадающий в него Бу-Регрег. Справа, на той стороне реки, — белые стены и красновато-оранжевые минареты Сале. Слева, на этой стороне, над берегом нависают старые башни рабатской крепости. Наш путь туда.

Касба Удайя и базар медины

«Медина» означает по-арабски «город», а «касба» — «цитадель». В Тунисе и Марокко старинные мусульманские кварталы в любом городе обычно называют мединой, а в Алжире — касбой. Но в Рабате есть и то, и другое. Объясняется это тем, что цитадель служила в Рабате не только для защиты города от врагов, но также и для защиты султанов от города. Поэтому они так и стоят в Рабате друг против друга, не сливаясь.

Мы направляемся сначала в касбу. Именно здесь, на скалистом утесе у впадения Бу-Регрега в океан, жители Сале заложили когда-то крепость, ставшую затем грозным оплотом Альмохадов, а потом цитаделью корсарской республики. В XVII в. Алауты, стремясь укрепить свой контроль над пиратами — маврами Рабата, а заодно обезопасить себя от набегов непокорных племен, разместили в касбе арабское племя Удайя, традиционно служившее султанам. Отсюда и нынешнее название — касба Удайя. О ее былом военном значении напоминают лишь огромная зубчатая стена из коричневатого-красного кирпича, кое-где сохранившиеся бойницы и бастионы, звучные названия вроде «Башни пиратов». Но все они сегодня — не более чем декорации вполне мирной жизни касбы.

Касба Удайя не похожа на Касбу столицы или любого другого города Алжира. Улицы здесь шире, не имеют перекрытий в виде выступающих верхних этажей, не прячутся в темные проходы и коридоры. Смотровая площадка касбы нависает высоко над морем и почти усохшим устьем Бу-Регрега, напоминая скорее, как уже говорилось, Сиди-Бу-Саид в Тунисе. Вместе с тем касба Удайя имеет вид прежде всего горной крепости, более всего заботившейся о своей неприступности. Поэтому она лепится к самому краю утеса, высоко вздымающегося и над окрестностями города, и над самим городом.

Из касбы выходим прямо к мусульманскому кладбищу, расположенному по спускающемуся к океану косогору. Несколько марокканцев, судя по джеллябам и тюрбанам — приезжих, неподвижно сидели здесь до нашего прихода и остались тут еще после нас. Вид океана, конечно, притягивает, тем более когда он сливается с обликом города, прибрежных скал, реки и высоких, монументальных стен касбы. Более величественную панораму трудно найти. Недаром сюда то и дело подъезжают группы туристов, которые спешат сделать фотографии, досадуя лишь, что панорама целиком не входит в кадр.

Внизу, намного правее кладбища, под нависающими стенами касбы, неутомимая волна усердно грызет маленький пляж. А на мокром песке, не обращая внимания ни на рев океана, ни на неистовство его волны, ни на летящие брызги белой пены, в упоении играют в футбол две команды мальчишек. В них явно бурлит кровь потомков корсаров, которых тянет к морю, к бою, к опасности. Впрочем, они жители касбы, следовательно, скорее всего происходят от арабов племени Удайя. Что же касается потомков андалусских корсаров, то их надо искать в медине, которую мы и осмотрели вечером того же дня.

Медина отделена от остального города высокой красновато-охристой стеной Андалусцев. Начинается она почти незаметно: авеню Мухаммеда V — главный проспект Рабата — постепенно сужается, если идти от центра города, и, достигнув стены Андалусцев, теряется в крытом рынке, вынырнув из которого углубляется в медину, превратившись в тесную торговую улочку. Такова же отходящая от рынка вправо главная улица медины Суика (Базарная), сплошь заполненная лавками,

мастерскими, небольшими магазинчиками. Первое впечатление — все здесь торгуют и не всегда по правилам. У стен магазинов или просто посреди толпы немало ловких молодых людей, стремящихся всучить вам рубашки и свитера, явно перекупленные у часто бывающих здесь американских моряков, испанские плавки, французские духи, шорты и еще какие-то тряпки. Нередко весь этот ширпотреб просто свален в кучу на кусок газеты, а его владелец, не особенно надеясь на внимание покупателей, гораздо больше увлечен беседой с соседом или же потягивает лимонад рядом в кафе, из которого выходит, если его позовут, с явным неудовольствием.

Присмотревшись, видишь, что торгуют далеко не все. В медине есть целые кварталы ткачей, сапожников, столяров, красильщиков, ковроделов. Их мастерские вечером закрыты. Но кое-где мы видели засидевшегося допоздна резчика по дереву, запиравшего свою мастерскую сапожника, беседовавшего с клиентом гравера. В медине живут почти все мастера традиционных ремесел — чеканщики, кожевники, портные, каменотесы и пр. Здесь же, на улице Консулов (в прилегающей к Бу-Регрегу части медины, где раньше жили иностранцы), находится Национальный музей ремесел. В методах работы мастеров прикладного и декоративного искусства Марокко издавна соседствуют два направления: берберское и андалусско-мавританское. В Рабате, который вместе с Сале и Фесом считается хранителем традиций андалусской культуры, господствует второе направление. Ему присущи склонность к усложненным и нередко асимметричным узорам, пышности орнамента и многоцветности красок. Изделия местных ремесленников — часть «индустрии туризма», ибо иностранцы действительно раскупают нарасхват ручные изделия из марокканской кожи, шерсти, меди и драгоценных камней. Многие марокканцы, прежде всего те, что живут в деревне или в медине, еще предпочитают более дорогое творение рук ремесленника дешевому фабричному товару. Поэтому марокканское ремесло сегодня не только сувениры для туристов или музейные экспонаты, но и часть повседневного быта марокканцев, их экономики и национальной культуры.

С интересом вглядываюсь в обитателей медины. Они очень схожи со своими собратьями в Тунисе и Алжире. Как и там, здесь гораздо чаще, чем среди горожан

Ближнего Востока, встретишь европейский тип внешности. В Рабате это можно отнести на счет большого числа потомков андалусских мавров, особенно так называемых орначерос, на долгое время превративших «Рибат аль-Фатх» (Лагерь победы) эпохи Альмохадов в «пиратскую республику» Сале. Кроме того, в Рабате ислам принимали, оставаясь навсегда в Магрибе, прикнувшие к корсарам европейские авантюристы, а также те, кто иным путем не мог вернуть себе свободу. Не следует забывать, что в Рабате, как и везде в Марокко, есть и берберы. Именно берберы зената основали Сале. Но, разумеется, сейчас в столице преобладают среди берберов недавние пришельцы с гор Среднего и Высокого Атласа, Анти-Атласа и южных районов. А среди них нередко светлоглазые шатены и даже рыжеватые блондины.

Так или иначе для марокканского горожанина европейский тип не столь необычен, как для ближневосточного жителя, который по лицу и костюму сразу определит неараба. А в рабатской медине, как и в мединах других городов Марокко, не будут спешить это делать. Там подождут, пока вы заговорите. И если услышат от человека явно немарокканской наружности хороший арабский язык, то могут спросить: «Египтянин? Сириец?» На Ближнем Востоке такая ошибка исключена.

В медине, за исключением иностранных туристов, почти не видно «чистой» публики. Богатые хозяева, торговцы и адвокаты, даже те, кто придерживается старинных обычаев, давно уже переехали в Резиданс, Агдал и другие, более современные районы. А здесь толкается большей частью простой народ — ремесленники, рабочие, продавцы, приезжие крестьяне и бедуины. Очень много праздношатающейся молодежи, не всегда знающей, куда себя девать. Подростки и молодые люди толпятся около ревуших в лавках транзисторов, обмениваются новостями, спорят, а иногда и ссорятся всерьез или же с любопытством наблюдают за чужими спорами и ссорами.

Впоследствии, проехав по стране, мы убедились, что марокканцы-горожане вообще резковаты в обращении друг с другом, да и с иностранцами. Объясняется это наплывом в города «людей из племен», среди которых очень живучи традиции былой воинственности, замкнутости и непокорности. Надо также помнить, что религиозные движения, охватывавшие Магриб в средние века,

были здесь особенно суровы. Это воспитывало непримиримость и неговорчивость. А сегодня эти качества усугубляются тяжелыми заботами горожан и невозможностью для многих пришельцев с гор и равнин найти свое место в городской жизни.

Впрочем, коренные горожане — люди иного склада. Шофер нашего автобуса Хадж Махмуд, пожилой человек, давно работает на разных машинах и знаком с техникой. Он всегда очень приветлив, словоохотлив и добродушен. В отличие от многих своих соотечественников он совершенно не знал и не интересовался, из какого племени родом были его предки, так как всю жизнь прожил в Касабланке и Рабате. Спокойствие, уверенность в себе, сдержанность, чувство собственного достоинства — таковы черты его характера, свойственные, по моим наблюдениям, городскому труженику любой страны Магриба, если он живет в городе с рождения, имеет квалификацию и работу.

Русский язык в Марокко

В Рабате есть улицы Москвы и Ленинграда, выходящие на площадь России. Проспект Сопrotивления связывает эту площадь с Баб аль-Алу (Воротами превосходства), за которыми начинается старый город. Это почти символично. Именно в годы антифашистского сопротивления марокканцы много узнали о нашей стране.

— Я хорошо помню русских военнопленных во Франции, — рассказывал нам ветеран второй мировой войны Бен Насер, с которым мы разговорились в рабатском зоопарке. — Я тогда служил во французской армии и восхищался их стойкостью. Они не хотели работать на немецких оккупантов. Многие бежали из плена, другие умирали от голода и лишений. Когда я вернулся на родину, то знал, что Германии с Россией не справиться. А затем я воевал в войсках де Голля, освобождал от немцев Италию и Францию.

Уважение этого простого солдата к нашей стране разделяется и многими его соотечественниками более высокого общественного положения.

В один из довольно жарких для осени дней мы направились в пригород Рабата. Здесь, среди пустырей и новостроек, на залитых солнцем площадках поднялись корпуса университета имени Мухаммеда V. Нас принял

ректор университета профессор Бен Абд аль-Джалиль.

— Наш университет, — говорит он, — создан в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году. Мы давно поддерживаем контакты и с МГУ, и с другими университетами Советского Союза. Недавно я был в Тбилиси, где мне был оказан очень теплый и по-настоящему дружеский прием. Надо, чтобы и другие наши университеты, например в Касабланке или в Марракеше, укрепляли связи с вузами СССР. Нам очень нужна советская научная и техническая литература, особенно в области точных и естественных наук. Ведь кроме университетов в Марокко есть еще четырнадцать вузов, в которых получают образование более пятидесяти тысяч студентов.

В пригороде Рабата, недалеко от гигантской башни отеля «Хилтон», расположен Институт исследований по арабизации. Нас привез сюда филолог Мухаммед Газзаль, учившийся в Советском Союзе. Он изумил нас еще при встрече в аэропорту Рабата, заговорив по-русски так чисто, что мы невольно оглянулись, не веря, что этот по-южному темпераментный оливково-смуглый и черноглазый молодой араб может так хорошо владеть русской речью. Активист ассоциации дружбы «Марокко — СССР», Газзаль виделся с нами каждый день, живо интересуясь советской литературой о Марокко и деятельностью общества дружбы «СССР — Марокко». Показав нам свой институт, где он заведует отделом, Газзаль рассказал:

— Наша задача — разработка арабской терминологии и составление словарей, выработка норм литературного языка, которым большинство населения еще не владеет. Работа ведется по проектам ЮНЕСКО с использованием советского опыта. Особенно внимательно мы изучаем труды лингвистов СССР по составлению научной терминологии для различных отраслей знания. Так что нам русский язык нужен не только для культурных контактов, но и для научной работы.

Ежегодно в СССР направляются на учебу свыше 100 марокканцев, как сообщили нам в посольстве СССР в Рабате. В 1980 году поехали 116 человек. При этом многие марокканские юноши, в том числе учащиеся средних школ, заранее овладевают русским языком на специальных курсах при советском культурном центре.

Мы справились у руководителя центра Т. Григорьева, как занимаются слушатели.

— Марокканцы очень способны к изучению язы-

ков, — ответил он. — К тому же они видят, что почти все, получившие образование в СССР, находят здесь работу по специальности. Неудивительно, что на нынешний день курсы успешно закончили полторы тысячи человек. А ежегодно их заканчивает не менее двухсот молодых марокканцев.

В Марокко, самой географически отдаленной от СССР арабской стране, есть Ассоциация бывших выпускников советских вузов. Мы встретились с ее активом на вилле доктора Юссфа в Агдале. Нам уже не удивлял отличный русский язык участвовавшего во встрече Газзала. Но слышать в большом африканском саду, среди пальм, кактусов и апельсиновых деревьев правильную русскую речь и остальных наших собеседников было как-то неожиданно. Конечно, кое-кто из этих молодых врачей, инженеров, архитекторов, экономистов недавно вновь побывал в СССР на курсах повышения квалификации. Другие стараются читать по-русски. Еще проще тем, кто обзавелся в СССР не только дипломом, но и семьей. Однако в целом такое знание языка, а также, как выяснилось в ходе бесед, и русской культуры невозможно без огромной любви и уважения к нашей стране, чувства благодарности к ней.

Раньше в Магрибе мало что знали о русских, представляя их загадочными и непознаваемыми. А для нас с детства магрибинец — это таинственный маг из сказки «Волшебная лампа Аладина». Теперь мы очень много знаем друг о друге. И тяга молодых марокканцев к русскому языку — залог дальнейшего сближения и взаимопонимания наших народов.

Глава 6

ДАЛЬНИЙ МАГРИБ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Столица Альморавидов

Так уж получилось, что рассказ о королевстве пяти столиц касался в основном Рабата, с которым связаны были наши первые и, следовательно, наиболее врезавшиеся в память впечатления. Но последующая поездка по Марокко была не менее интересной. Началась она с путешествия на юг, какое до нас редко удавалось совер-

шить группам советских туристов. Мы посетили Марракеш — ту самую, прославившую Дальний Магриб столицу, по имени которой и вся страна в дальнейшем стала называться Марокко*.

По дороге на юг мы не раз убеждались, что Марокко не только географически, но и в культурном отношении буквально открыто всем ветрам. Больница, носящая имя Авиценны, и завод французской фирмы «Рено» располагаются совсем недалеко друг от друга, из всех окон звучат испанские песни в исполнении известного певца, а на одной из бензоколонок служащий Ахмед с гордостью рассказал нам на причудливой смеси английского, немецкого и испанского языков, что он «хорошо знает всех иностранцев». В 1940—1942 гг. он сотрудничал с обосновавшимися тогда в стране немцами, а потом — со сменявшими их американцами. По нему было видно, что он не очень разбирался в политике и просто считал, что ему, неграмотному бедняку, повезло, так как иностранцы брали его на службу и выучили языкам.

При въезде в Марракеш нас поразило обилие зелени — садов, пальм, аллей, внезапно выросших перед нами после долгой езды по ровной степи. Отель «Тубкаль» на улице Харуна ар-Рашида тоже прятался в зелени и казался загородной дачей. И лишь во время прогулки по Марракешу мы поняли, почему его называют городом четырех цветов. Его старая часть окружена великолепно сохранившимися кирпично-красными стенами. От цвета этих стен — и название города («красный, украшенный»). Зелень садов и красный цвет стен очень красиво сочетаются с синевой неба и белизной снежных вершин вдаль: рядом хребты Высокого Атласа. Именно здесь, перевалив через горы, поставили в оазисе свой лагерь ранее кочевавшие в Сахаре берберы лемтуна под водительством воинствующей секты альмурабитов, которые дали и название марабутам, и имя династии Альморавидов. Основатель династии Юсуф Ибн Ташфин в 1062 г. решил выстроить на месте лагеря город и при этом, по данным источников, «стал месить глину, работая из смирения перед богом наряду с рабочими». Мар-

* Справедливости ради стоит отметить, что так ее называют иностранцы. Сами марокканцы упорно именуют ее «Магриб», лишь изредка соглашаясь говорить «Дальний Магриб». Кстати, нередко и другие магрибинцы называют Марокко «Магрибом», а весь Магриб как таковой — «Арабским Магрибом».

ракеш при нем стал «западным Багдадом» — столицей огромной империи, простиравшейся от Сенегала до Кабилии в Африке и до Сарагосы и Сантарена в аль-Андалусе.

Город был отстроен и превращен в крепость уже при сыне и преемнике Юсуфа Али, получившем воспитание в аль-Андалусе. Однако в 1146 г. Марракеш был разрушен и разграблен войсками сменившей Альморавидов другой берберской династии — Альмохадов. Почти стерев город с лица земли, Абд аль-Мумин (1130—1163), наиболее известный из альмохадских государей, снова отстроил, как указывает путеводитель, «эту жемчужину Юга в стиле, навеянном искусством Омейядов». Ныне от того времени остались лишь сады Агдал в южной части города с их знаменитыми «зеркальными» прудами строго прямоугольной формы и летний дворец Минара.

К Минаре от Баб Джидид («Новых ворот» в стене старого города) ведет широкая авеню. Въезжаем вскоре в огромный парк, вернее, цепь садов и рощ. В его глубине — большой квадратный бассейн, скорее озеро. На его одетых камнем берегах — остатки невысоких стен и небольшое двухэтажное здание в виде павильона с тремя арками у входа внизу и большой резной аркой над балконом второго этажа. Сразу войти в него не можем: наше внимание стараются привлечь несколько человек. Они достают из корзин змей и начинают ловко ими манипулировать. Я уже где-то прочитал, что марокканские заклинатели змей все принадлежат к религиозному братству Айсава и, осторожно вводя себе заранее микроскопические дозы змеиного яда, приобретают иммунитет от укусов. Но наш гид качает головой: он этого не знает.

В Минаре убеждаемся, что Абд аль-Мумин, суровый воин, хоть и не жаловал поэтов и философов, тем не менее обладал, по словам знатока истории Магриба Шарля-Андре Жюльена, «чувством изящного». До наших дней в Минаре сохранились фрагменты мозаики и прочих украшений. Сами пропорции павильона, четкость его линий, изящество форм, ажурность резьбы по гипсу и дереву говорят о многом. Здесь особенно хорошо видны все цвета Марракеша: отражающаяся в воде бассейна голубизна неба, сливающаяся с зеленью ветвей окраска четырехскатной черепичной крыши, красноватые, с оранжевым отливом в косых лучах солища тона кир-

пичных стен и кажущиеся особенно близкими отсюда заснеженные хребты Атласа. Да, видно хорошо было отдыхать здесь, в тени олив, наслаждаясь свежей прохладой водоема и запахом созревших плодов!

Альмохады любили эту унаследованную от соперников столицу. Сын Абд аль-Мумина, Абу Якуб Юсуф (1163—1184), выстроил касбу Марракеша и основал здесь медресе, игравшее главную роль в империи Альмохадов. При Абу Якубе Юсуфе в качестве личных врачей и советников состояли крупнейшие арабские ученые и философы средневековья — великие андалусцы Ибн Туфейль (1110—1185) и Ибн Рушд (1126—1198). Ибн Рушд был также секретарем халифа Якуба аль-Мансура, о котором уже шла речь. Этот государь особенно заботился о расширении и украшении Марракеша, построив в нем дворцы и мечети, из которых сохранилась знаменитая своим 67-метровым минаретом Кутубийя. Она была названа так потому, что возле нее примерно в сотне лавок продавались книги («кутуб» по-арабски). Увенчанный тремя шарами из золоченой меди (на позолоту, по преданию, пошли украшения жены Якуба аль-Мансура), изобилующий всеми мыслимыми вариантами орнаментальной резьбы по камню, мощный минарет Кутубийи несколько напоминает минарет Мансуры в Тлемсене. Только он целиком сохранился, почти на 30 метров выше и виден в Марракеше отовсюду, являясь своего рода эмблемой города на всех рекламках и схемах. Особенно красив он вечером, когда подсвечивание создает вокруг него таинственную красноватую мглу. И эта мгла, нависая над центральной площадью города Джамаа аль-Фна, как бы увеличивает театральную декоративность этого, пожалуй, самого экзотического в Магрибе места.

Мы прибыли на эту площадь, где в старину выставляли головы казненных (отсюда ее название — «Собрание усопших»), засветло. Днем она — обычный базар, который отличается лишь наличием свободного пространства от примыкающего к нему лабиринта нескончаемых торговых рядов местного рынка. Вернее, здесь множество рынков, каждый из которых имеет свою специализацию: по одежде, кожевенным, гончарным и прочим ремесленным изделиям, тканям, коврам, декоративному оружию, бусам и браслетам, лекарствам, цветам, фруктам, сладостям... Это яркий и разнообразный восточный базар, однако несколько «модернизирован-

ный»: улицы и переулки здесь шире, чем, например, в Касбе города Алжира, многие из них открыты сверху, хорошо электрифицированы и выглядят скорее как коммерческие улицы европейского, нежели восточного, города. С Востоком этот базар роднит множество традиционно одетых менял, писарей, парикмахеров и т. п.

Вернувшись на площадь, мы устраиваемся на крыше ближайшего кафе и становимся свидетелями ежевечернего спектакля, происходящего на Джамаа аль-Фна. В разных ее концах к этому времени начали кувыркать или сплетать тела в немыслимые узлы акробаты, демонстрировать свое искусство борцы, актеры-драчуны, укротители змей. Всех этих магов и лицедеев окружает плотная толпа иностранных туристов. Время от времени кто-нибудь из них фотографируется в обнимку либо с полуобнаженным акробатом, либо с укротителем, в руке у которого извивается змея. Здесь же, около ярко освещенных лавок, собираются и тесные кружки марокканцев, обычно возле жонглера, шпагоглотателя или просто старого сказочника в традиционном тюрбане. Особенно много марокканцев вокруг обезьян, проделывающих виртуозные трюки на палках, ящиках или просто на голове и плечах хозяина.

Понимая, что все это хорошо отрететированный аттракцион для туристов, мы тем не менее довольны. Хоть немного, хоть не всерьез, но как бы побывали в волшебном мире арабской сказки. Продлить это ощущение нам должен был помочь особый ужин «в андалусском стиле», на который гид Мухаммед повел нас наиболее тесными и узкими переулками торгового квартала. В небольшом зале ресторана, с улицы почти незаметного, нам предоставили некоторое время любоваться высоким потолком, тонкими копьеобразными колоннами и узорами на стенах. Затем нас крайне медленно обслуживал официант — чернокожий африканец (их здесь зовут «гнауа», то есть гвинеец) в высокой красной феске и коротких шароварах до колен.

— Здесь много гнауа, — говорит нам гид. — Некоторые из них пришли еще вместе с Альморавидами. Сейчас же среди гнауа наиболее славятся музыканты и танцоры.

Музыка зазвучала, как только нам принесли еду. И тут же на ковер в свободной части зала выскочили шесть или восемь девушек лет 15—17 на вид и, подбадривая друг друга взметивыми выкриками, принялись

плясать. По канонам «андалусского стиля», как нам объяснили потом, принимающий пищу должен получать удовольствия одновременно вкусовые, слуховые и зрительные. Нельзя сказать, что все это было в тот вечер. Но девчушки, танцевавшие на уровне начинающей са-модеятельности, очень старались. Иногда, желая привлечь к себе внимание зрителей, одна из них подскакивала к кому-либо из сидящих с краю и игриво толкала его бедром. При этом остальные плясуны смеялись совершенно по-детски. В Марокко некоторая развязность танцовщиц в отношении иностранных туристов не считается чем-либо зазорным. По мнению марокканцев, это должно восприниматься как необходимая часть местной экзотики, якобы помогающей европейцу погрузиться в сказочную атмосферу «Тысячи и одной ночи».

Марракеш — это не только сказки и легенды, хотя его современный квартал Гелиз не очень отличается от медины и цветом домов, и материалом, из которого они сооружены, и обилием водоемов, и даже архитектурой, примечательной обилием «мавританщины» и вообще стилизации под старину. Очевидно, иначе и трудно было что-либо строить в этом городе, богатом прежде всего памятью о минувших временах...

Недалеко от Баб Агнау (самых старых из десяти ворот крепости Марракеша и, судя по названию, выстроенных африканскими пленниками) расположены могилы саадийских шерифов (претендовавших на родство с пророком Мухаммедом пришельцев из Аравии, ставших халифами в XVI в.). Это окруженные зубчатыми стенами несколько мавзолеев усложненной андалусской архитектуры: высокие прямоугольные порталы соседствуют со стрельчатыми и многолопастными арками, круглые выступы и шлемовидные верха — с кубическими формами и четырехскатными крышами. Гробницы, по словам гида, выстроены наиболее известным из саадийских шерифов — Ахмедом аль-Мансуром аз-Захби. Он прославился как выдающийся правитель, все 25 лет правления которого были на редкость спокойны. Однако прозвища свои он получил за военные успехи. После «битвы трех королей» 4 августа 1578 г. при Ксар аль-Кебире, в которой погибли возглавлявший португальскую армию король Себастьян, примкнувший к нему бывший халиф аль-Мутаваккиль и правивший халиф Абд аль-Малик, брат последнего, Ахмед, унаследовал власть и стал называться аль-Мансур («победонос-

ный»). А второе прозвище — аз-Захби («позолоченный») — он получил после того, как, завоевав Гану и Нигер, захватил там множество золота. Марокко при нем было так богато, что давало за килограмм мрамора из Италии килограмм сахара. Но Ахмед аль-Мансур был прежде всего ценителем культуры. Его называли ученым среди халифов и халифом среди ученых.

Выслушав все это, заходим в главный мавзолей. В нем сообщающиеся между собой молитвенный зал с михрабом, зал захоронений детей шерифов и зал двенадцати колонн, в котором под большими плитами покоятся останки Ахмеда аль-Мансура, его сына и внука, а вокруг них — захоронения прочих родственников.

— Отделка интерьера мавзолея — смесь турецкой пышности и лучшего андалусского стиля. Вы видите здесь изразцы, до сих пор называемые в Испании асулехос, а у нас — зеллидж. Саадийцы не жалели средств на украшение Марракеша, который они снова сделали столицей. Но судить об этом сейчас можно лишь по убранству их мавзолеев.

Эти слова Мухаммеда подтверждаются и ажурной резьбой по атласскому кедру, и лепными узорами верха мраморных колонн, и непередаваемым спектром настенной мозаики, над которой сияет вязь изречений из Корана.

Вот почти все, что осталось в Марракеше и вообще в Марокко от «золотого» царствования Ахмеда аль-Мансура. Халиф создал аппарат монархической власти, действовавший потом долгие века, разработал блестящий придворный церемониал, впечатлявший иностранных послов, много строил и много тратил. Но почти все это потом исчезло без следа. Об этом невольно думаешь, оказавшись на развалинах его дворца Каср аль-Бади, находящихся сравнительно недалеко от мавзолеев его династии. А ведь поэты когда-то писали, что «рядом с ним любой дворец кажется безобразным!». Глинобитные коричневато-красные, под цвет местной почвы, стены, квадратные башни с бойницами разбросаны на огромной территории, частично покрытой апельсиновым садом. Ныне руины Каср аль-Бади служат местом проведения ежегодного фестиваля марокканского фольклора, в котором обычно принимают участие до 500 танцоров, певцов и музыкантов из всех районов страны.

С одним из этих районов — долиной Урики, пример-

но в 60 километрах к югу от Марракеша, нам дали возможность познакомиться. Цветущий горный край с вечной зеленью садов и рощ, целебным воздухом, нежными запахами цветов и созревших фруктов, с карабкающимися по склонам небольшими скромными селениями, на фоне которых особенно вызывающа роскошь дорогих отелей и ресторанов, расположенных над водами реки и наиболее красивыми изгибами горных шоссе. Значительная часть местных берберов (кстати, отлично понимающих по-арабски) занята в «индустрии туризма» — одной из наиболее прибыльных отраслей экономики Марокко. Регулярно сюда прибывают автобусы с туристами. Их тут же осаждают весьма настойчивые продавцы в серых или коричневых бурнуссах поверх синих рубашек. Они протягивают бусы, четки, браслеты, кувшинчики, маленькие фигурки из приятно поблескивающего местного камня. А если удастся миновать их густой строй, то один из них обязательно сопровождает вас некоторое время, довольно спокойно (в отличие от своих ближневосточных собратьев) убеждая купить именно его товар, осторожно сбавляя при этом первоначальную цену. Так, в сопровождении одного, а то и двух-трех торговцев вы доходите до маленького рынка, где под полотняным навесом вам щедро предлагаются изделия гончаров, чеканщиков, резчиков по дереву, вышивальщиц и т. п. Но если вы неосторожно отходите от рынка, то немедленно вновь попадаете в «сферу влияния» одиночных коммерсантов-уговаривателей...

«Марракеш — город туристов, количество которых постоянно возрастает на 5 тыс. человек сверх запланированного» — так сказано в справке, выданной нам в муниципалитете города, где мы встретились с первым заместителем мэра Мухаммедом ад-Дофали и вице-мэром Мухаммедом Лазраком.

— Я недавно вернулся из Ташкента, — сказал ад-Дофали, — который является побратимом Марракеша. Между этими городами большое сходство. В них жили такие великие ученые, как Ибн Сина, Ибн Рушд, аль-Фараби, Ибн Туфейль, именем которого названа одна из больниц города. А в двенадцатом веке здесь учился Кади Айяд, знаменитый богослов и юрист по прозвищу аль-Бухари, заимствованному у известного всему миру ислама знатока хадисов. Именем Кади Айяда у нас названы одна из улиц и университет Марракеша. В нем четыре факультета: права, языка, естественных

и гуманитарных наук. Кроме того, у нас шестьдесят начальных и двадцать три средних школы.

В городе имеются также высшее инженерное училище, высшая школа геологов, школы жандармерии и для персонала отелей. В городе 10 отелей и еще 4 за городом. Выпускники всех учебных заведений одинаково владеют арабским и французским языками. По распределения после выпуска нет — работу ищут сами. Безработица в Марракеше, по мнению ад-Дофали, существует в основном из-за того, что «в город рвутся жители степей». Воспитанием молодежи в Марокко занимается специальное министерство, а не муниципалитеты.

— Но мы даем средства для строительства школ, — говорит г-н Лазрак, — подыскиваем для них земельные участки.

Во главе города, как и раньше, стоит паша — первый заместитель губернатора района.

— Ему помогает городской совет из тридцати девяти человек, — продолжает ад-Дофали, — собирающихся четыре раза в год. Но по требованию жителей совет может быть созван на чрезвычайную сессию. Большинство в совете — за партией Истикляль, имеющей двадцать одного представителя. Остальные — либералы*, за исключением четырех независимых и двух представителей Социалистического союза народных сил. Среди нас одна женщина. Возраст членов совета самый различный: от двадцати двух до пятидесяти. Мы считаем необходимым усилить контакты между Марокко и СССР, в частности обмен молодежными, спортивными и культурными делегациями. В Марракеше, например, недавно побывали футболисты киевского «Динамо». Если вы присмотритесь, то увидите много общего не только между Марракешем и Ташкентом, но и, к примеру, между Касабланкой и Ленинградом.

Уезжая из города, мы еще раз вспомнили о его основателях, бросив взгляд на чудом сохранившуюся среди старых руин изящную двухъярусную куббу Альморавидов с многолопастными арками, огромными квадратными зубцами грубого фриза и искусной резьбой по камню на шлемовидном куполе. Непонятно, как она уцелела на протяжении девяти веков войн, междоусобиц и разрушений. И, проезжая через ворота Баб-Дуккаля (по

* Либералами в Марокко нередко называют для краткости сторонников правительственных партий, часто менявших свои названия.

имени когда-то жившего здесь племени), мы не удивлялись, слушая гида:

— А вот площадь Альморавидов. Последующие династии сделали для Марракеша гораздо больше, даже Мериниды, которые предпочитали жить в Фесе. Но без Альморавидов города не было бы.

По дороге из столицы марокканского Юга в расположенные на севере прочие столицы королевства мы в полной мере ощутили, чем именно притягателен Марракеш для марокканцев. Марокко — страна просторов. Здесь широкие поля и степи, раскидистые рощи, нескончаемая панорама холмов в предгорьях Атласа. Спускавшиеся на эти просторы горцы-берберы ценили это приволье не меньше, чем свою независимость. Поэтому-то, для них Марракеш — как бы переход от гор Атласа к равнинам приатлантической части, от своего традиционного племенного уклада к новой жизни в современных условиях. Состояние переходности — социальной, бытовой, языковой, этнической — вообще характерно для большинства марокканцев. В частности, сельские жители, переселяющиеся в города, сохраняют привычку к просторам степей и предгорий. Во всяком случае, нам довелось быть свидетелями тесной связи горожан и сельчан во время ярмарки в городке Калаат ас-Сарагна.

Судя по названию, здесь когда-то была крепость берберского племени Сарагна.

— Теперь, — говорит гид Мухаммед, — это район полуберберский, полуарабский, но все же более арабский.

Природный горожанин, он с явным удовольствием делает остановку здесь, в часе езды от Марракеша, и увлеченно рассказывает нам, что в Калаат ас-Сарагна регулярно проводятся ярмарки окрестных племен и «областная выставка торговли и земледелия», во время которых осуществляются крупные сделки, в основном по продаже скота. Хозяева здесь — феллахи и бедуины, важно восседающие в домотканых джеллябах и тюрбанах. Но большинство — местные горожане. Особенно много мальчишек. Они крутятся вокруг лошадей и верблюдов, огулительно хохочут, наблюдая кукольное представление. Они мгновенно окружают наш автобус. Мы им явно интереснее заполонивших ярмарку тюков, тканей, мешков с зерном, огромных чанов с какой-то жидкостью, великолепных изделий сельских ремесленников и прочих товаров, выставленных на прилавках торговых рядов. Мы любуемся всем этим, а также джиги-

товкой бедуинов на поле местного стадиона. Такую джигитовку стремительно мчащихся всадников в развесающихся бурнусах со стрельбой и внезапными остановками мне уже довелось наблюдать в Тунисе, в районе Сбейтлы. Только там все происходило недалеко от массивной древнеримской арки, а главными зрителями были алжирские беженцы из ближайшего лагеря (тогда, в январе 1962 г., их немало было в Тунисе).

Подобные ярмарки и джигитовки (фантазия) можно наблюдать во всех странах Магриба. Они во многом утратили свое значение, превратившись, по сути дела, в род развлечения. А в Марокко прикладная, экономическая сторона таких ярмарок-выставок, одновременно оптовых базаров и, по словам гида, «витрин достижений района», сохранилась. Кроме того, племена в Марокко — не архаизм, а живая реальность. И ярмарки, как в Калаат ас-Сарагна, продолжают служить для них традиционным местом встреч, взаимосвязи, взаимообмена, урегулирования отношений друг с другом и с горожанами. А для горожан это тоже не только праздник, рынок и развлечение, но и средство общения с теми, из чьих рядов вышли они сами или их родители.

Спустя два часа после выезда из Калаат ас-Сарагна мы прибыли в Бени-Мелляль. Это, как торжественно провозглашают и гид, и путеводители, — «ворота в Средний Атлас». Широкая равнина, зеленые холмы, синеющие вдаль горы, обилие воды и растительности, в которой утопает отель, где мы останавливаемся на обед. И здесь, в марокканской «глубинке», полно туристов. Рядом с отелем автобус из Сеуты с испано-мексикано-аргентинской группой, несколько удивленной встречей с нами. Кроме испанского языка в отеле слышны также английский, немецкий и португальский.

Преодолевая неожиданности марокканского рельефа (кроме гор и холмов здесь встречаются и обширные плато, нависающие как бы гигантской ровной ступенькой над распростертой ниже равниной), минуя перевалы, серпантины и внезапные спуски, в глубокой южной тьме въезжаем в город Мекнес. Это уже третья из осматриваемых нами местных столиц.

Версаль Мулая Исмаила

Почти самаркандская бирюза, невообразимые узоры и неповторимые оттенки мозаики. Золотисто-зеленые ви-

тые ромбы рельефа и орнаментальная черная вязь надписей. Массивная подковообразная арка гигантского портала в центре и приподнятые на колоннах открытые полукруглые аркады выступающих боковых пристроек. Таковы Баб аль-Мансур аль-Ильдж — Ворота Мансура неверующего, названные по имени строителя — христианского невольника, получившего свободу ценой обращения (возможно, формального) в ислам. Это лучшая часть не лишенного величия ансамбля старого Мекнеса, «магрибинского Вавилона», «цитадели империи шерифов». В необычном сочетании его тяжеловатых пропорций и изощренного мастерства — дух эпохи, воплотившей взлет марокканского могущества.

В каждой монархии должен быть свой Версаль. Ворота Баб аль-Мансур напоминают об этом, даже если не слушать гида, уже несколько раз повторившего, что Мекнес был построен в конце XVII в. знаменитым султаном Мулаем Исмаилом, современником «короля-солнца» Людовика XIV, с целью затмить Версаль. Это и так, и не так. Город основан был еще в X в. берберскими кочевниками из племени микнаса и первоначально назывался Микнасат аз-зитун (Микнаса оливок), что постепенно трансформировалось в современное арабское название города Микнас, звучащее на европейских языках (да и на некоторых местных диалектах) как Мекнес. Поначалу это было большое село на берегу реки Уэд Буфекран, окруженное садами и оливковыми рощами. Сменявшие друг друга династии властителей Марокко, начиная с Альморавидов, то разрушали, то укрепляли его, превратив в некое подобие города-крепости с мечетями, караван-сараями и медресе. Местный рынок славился на всю страну. Красоту Мекнеса, зелень его полей, плоды садов, свежесть воздуха, обилие воды и богатство базаров восторженно описывал в XVI в. известный арабский географ и путешественник Хасан ибн Мухаммед аль-Ваззан, известный в Европе под именем Льва Африканского. Неудивительно, что город, выгодно расположенный на возвышенности среди плодородных равнин, контролирующий выходы из горных областей Среднего Атласа (к востоку от него) и Джебель Зерхуна (к северу), естественно претендовал на важную экономическую и стратегическую роль. И Мулай Исмаил не мог этого не учесть, тем более что ему не нравились столицы предшественников — ни мятежный Фес, ни слишком далекий от центра страны Марракеш.

Город стоит почти в центре исторического Марокко, что имело огромное значение для султана-воина, строителя и торговца. Усмирив мятежные племена в горах и оазисах юга, он твердой рукой объединил страну. Создав сильную армию, султан отвоевал у испанцев и португальцев атлантические порты Лараш, Асилу и Маамуру, у англичан — Танжер, у алжирских турок — часть Сахары. Вместе с тем он воздавал должное коммерции, получал от 10 до 20 процентов прибыли с обширной торговли Марокко с Испанией, Францией, Англией, Голландией, Италией и Суданом.

Этот султан — одна из самых ярких, почти легендарных фигур в истории Марокко. Вступив на престол 26 лет от роду, он правил страной 55 лет (1672—1727), отличался большой физической силой, огненным темпераментом и неумемной энергией, в 60 лет вскакивал на коня одним прыжком и очень гордился многочисленностью своего потомства, состоявшего из 700 сыновей и «без счета» дочерей. Только рассказы о его гареме могли бы составить целый цикл марокканского фольклора. Естественно, они содержат больше преувеличений, чем правды, и искажались сотни раз, особенно в пересказе иностранных авторов, интересовавшихся преимущественно этой стороной жизни Мулая Исмаила. Европейцы даже утверждали, что число обитательниц султанского гарема превышало 8 тысяч, хотя более осторожные историки вероятной считают цифру 500, указывая, что это были женщины «всех цветов кожи и разного происхождения» — от негритянок и присланных из Стамбула азиатских рабынь до европейских пленниц, среди которых особенно ценилась султаном «молодая англичанка, принявшая ислам». При этом, как патриотично замечает французский историк Ш.-А. Жюльен, султану, «несмотря на все старания, так и не удалось включить в свою коллекцию ни одной француженки». Более того, на предложение султана взять в жены внебрачную дочь Людовика XIV принцессу де Конти «сму нагло ответили, предложив принять христианство». Однако Мулай Исмаил проявил удивительную для мусульманского правителя при подобных обстоятельствах выдержку и не прервал отношений с Францией. «Спесь и грубость Людовика XIV,— пишет Жюльен,— испортили положение, которое могло бы стать исключительно благоприятным при наличии некоторой ловкости и такта».

Легенда гласит, что якобы именно после своего не-

удачного сватовства Мулай Исмаил и принялся отстраивать Мекнес, причем будто бы сначала полностью его разрушил и созидал заново, используя для этого мрамор находившихся неподалеку руин древнеримского города Волюбилис и специально доставленную из Марракеша мозаику безжалостно уничтоженного там для этой цели дворца Каср аль-Бади, до той поры самого большого и пышного в Марокко. Мулай Исмаил действительно не щадил никого и ничего ради возведения новой столицы, собственноручно разбивая о голову начальника стройки некачественные кирпичи или убивая рабочих, заподозренных им в отлынивании от работы. Но он вовсе не стремился перецеголять в роскоши «короля-солнце», ибо строить Мекнес начал задолго до того, как узнал вообще о существовании Версаля и получил отказ французского двора. К тому же хорошо известно презрение Мулая Исмаила к роскоши и чревоугодию, столь обычным для многих его предшественников (да и преемников), а также к расточительству, что выражалось в его личном контроле за всеми расходами, за выдачей со складов любых припасов и в прочих мелочах. Он сам заботился о ковке своих лошадей и, когда надо было, не гнушался брать в руки кирку и трудиться, например, при постройке Мекнеса.

Он не разрушал старого Мекнеса, а лишь снес его южный квартал, на месте которого теперь находится площадь аль-Хадим (Разрушений), само название которой используется для подтверждения версии о якобы полном сносе султаном прежнего города. Строители Мекнеса действительно гибли от непосильного труда, таская на себе мраморные плиты, капители и целые колонны из расположенных в 28 километрах развалин Волюбилиса. В Европе считали, что строили Мекнес 25 тыс. пленных христиан-европейцев, одного из которых султан лично пронзил пикой в минуту нередко овладевавшего им бешеного гнева. На самом деле в строительстве участвовали не более 2 тыс. христиан, около 30 тыс. осужденных преступников, немало пленников из мятежных племен, а также окрестных крестьян, всего около 50—60 тыс. человек. Они возвели несколько построек на северной и западной окраинах старого города, а к югу от него — гигантский ансамбль султанской резиденции, окруженной 25-километровой стеной с каменными зубцами и высокими порталами, за которыми скрывались грозные башни, огромные дворцы (глав-

ный из них так и назывался — Дар Кебира, то есть Великий дом), мечети, сады (к западу от Дар Кебиры располагался целый Город садов — Мадинат ар-Риад), различные хозяйственные и другие здания, арсеналы, конюшни для 12 тыс. лошадей, фонтаны, оранжереи, зверинец и тюрьма.

От всего этого сохранилось не так уж много. Как всегда после ухода долго царствовавшего авторитарного правителя, страна со смертью Мулая Исмаила погружилась в смуту. Его личная гвардия постоянно восставала и свергала очередного преемника Мулая Исмаила, сменив на троне за 30 лет 6 его сыновей. И хотя Мекнес оставался до конца XVIII в. столицей страны, постепенно он приходил в запустение...

Мы стоим перед могилой Мулая Исмаила в мечети-мавзолее его имени. Искусная резьба и лепные украшения несимметричных арок прихотливой формы, опирающихся на мраморные античные колонны из Волубилиса, выполнены ажурно, но холодновато.

— Это, — говорит гид, — реставрация, а не подлинник. Усыпальница восстановлена по приказу отца нынешнего короля. Мечеть — одна из немногих, в которую разрешен доступ немусульманам.

Марокканцы и особенно жители Мекнеса гордятся своим знаменитым «арабским Людовиком XIV» (хотя он больше заслуживает сравнения с Петром Великим). Поэтому иностранцам охотно покажут его могилу, не забыв при этом указать и на висящее рядом изображение генеалогического древа царствующей ныне Алауитской династии, вторым представителем которой был Мулай Исмаил. Родословную же свою Алауиты ведут от основателя ислама пророка Мухаммеда.

Из новой, современной части Мекнеса хорошо видны могучие серо-оранжевые с желтизной стены старого «исторического города», высящегося подобно памятнику былого величия. За ними развалины, среди которых уцелели лишь гигантские своды султанских конюшен и амбаров, обширный бассейн для орошения садов легендарного гарема и сами сады, поредевшие, но еще плодоносящие. Полукруглые своды конюшен своей высотой напоминают постройки древнеегипетских фараонов, а красноватым цветом кирпича — стены Марракеша. Все остальное здесь желтого или серого цвета. Как говорят, по ночам развалины дворцов Мекнеса служат прибежищем для бездомных или для недавно прибыв-

ших в город пришельцев из окрестных деревень. Днем здесь тоже не безлюдно, так как огромные стены надежно укрывают от яркого солнца и полуденного зноя.

Из множества традиций, заложенных Мулаем Исмаилом, до сих пор жива в Мекнесе традиция военная. Уже при въезде в город поражает обилие солдат, казарм и охраняемых зданий. В сохранившемся дворце Дар аль-Бейда (Белый дом), выстроенном при одном из сыновей султана, ныне офицерская школа. Подобно тому как при Мулае Исмаиле район Агдал в Мекнесе был местопребыванием гвардии султана, а во времена французского протектората здесь размещался второй по численности гарнизон в стране, ныне Мекнес — важный центр подготовки и размещения марокканской армии, одной из сильнейших в Африке и арабском мире. Армия здесь пользуется большим уважением. Почти в каждом марокканском городе есть улица ее имени. Особое внимание к ней в Мекнесе — не только дань традиции. Умелый выбор Мулаем Исмаилом места для своей столицы сохраняет значение до сих пор. Отсюда всего 140 километров до Атлантики на западе и 290 километров до Гибралтарского пролива на севере. Вывод, как говорится, напрашивается сам собой.

Позже мне пришлось говорить о Мекнесе с марокканским интеллигентом, регулярно ездившим в Испанию.

— Мекнес, — сказал он, — это марокканское Толедо. У них много общего — слава прежних столиц, превращение в современные военные центры, наличие академий королевских армий.

А когда я усомнился в правомерности сравнения, он повел разговор о том, что испанцы, непрерывно воюя с арабами, учились у них военному делу.

— Ведь даже младший офицер у испанцев называется альферес, что по-арабски значит «всадник». То, что Испания когда-то была частью Магриба, сказывается и сейчас.

В Мекнесе мы совершенно случайно столкнулись на улице с доктором Ларби, знающим русский язык, и были приглашены к нему домой. Доктор Ларби окончил в 1967 г. 1-й Медицинский институт в Москве. Бывал в нашей стране и после. На квартире у него мы застали также и его друга доктора Халида, также учившегося в СССР. И у того, и у другого — богатая частная практика (30 дирхамов за визит, в месяц в среднем до 5 тыс. дирхамов).

— Но половина дохода идет на уплату налогов, — говорит доктор Ларби.

Он живет в центре города, поэтому цена визита к нему несколько выше, чем на окраинах. Он связан с государственной больницей: по его направлению она может принять больного на лечение, а может направить больного к нему. В этом случае плата за лечение делится между больницей и частнопрактикующим поровну.

Мы беседовали о проблемах медицины и вообще о жизни в стране, пили чай с мятой и приторно-сладким марокканским печеньем, которое подавала жена доктора Салима, даже в длинном национальном платье чем-то напоминавшая европейскую кинозвезду. Когда мы сказали ей об этом, она засмеялась:

— Но я чистокровная марокканка.

Она показала нам фотографии: они с мужем в Париже во время свадебного путешествия. Удивительно, но в европейском наряде Салима более похожа на марокканку, как и ее маленькие дочки Науар и Хинд. Благополучие этой семьи, проживавшей в квартире, купленной доктором Ларби за 200 тыс. дирхамов, однако, не типично для жителей Мекнеса и тем более всей страны. В арабских странах врач с давних времен чрезвычайно уважаемая и доходная профессия.

В Мекнесе, как и в Марракеше, удивительно сплетались старина и новь. Недалеко от нашего шикарного и ультрасовременного отеля «Риф» стояла мечеть, весьма усердно посещаемая, и нас в 4 часа ночи регулярно будил призыв муэдзина. На широком проспекте Мухаммеда V и на других улицах европейского квартала, даже по признанию авторов путеводителя, «не очень интересных», вполне европейские магазины, лавки, бары, рестораны были залиты ярким светом в оживленные вечерние часы. Как бы желая показать нам местные традиции в современной упаковке, Мухаммед повел нас в ночной клуб «Риф», где в полумрачном круглом зале занимался глотанием пламени и клоунадой невысокого пошиба вертлявый фокусник, играл маленький оркестр и выступали танцовщицы. Одна из них, закутанная до глаз в плотное покрывало, изображала настоящую мусульманку, строгую и стыдливую. Зато другая, полная смуглая девушка лет 17, была полуобнажена и лихо расправлялась со своим совершенно прозрачным покрывалом, которое она в конце танца бросила на колени одному из зрителей. Публика была в

восторге, хотя девица, убегая, чуть ли не зевала от скуки.

Мы в полной мере оценили нашего гида именно в Мекнесе. Его неторопливость и спокойствие иногда граничат с расслабленностью. Прохаживаясь с нами по медине Мекнеса или по руинам дворцов Мулая Исмаила, он не упускает случая присесть и устало отмахнуться от наших вопросов: «Нет, Мулай Исмаил не был чернокожим. О нем ходит столько легенд, что уже почти невозможно все их опровергнуть. Нет, он не разрушал целиком стоявший здесь прежний город, чтобы построить свой Мекнес. Нет, он не был фанатиком, а священную войну, которую он объявил Испании, Португалии и Англии, вел при помощи обращенных в ислам бывших христиан-европейцев, тех же испанцев и англичан, например Томаса Пеллоу, а также африканских рабов, которые не были мусульманами, но могли получить свободу, если принимали ислам».

Вместе с тем видно, как ему хочется, чтобы мы прониклись пониманием величия всех дел Мулая Исмаила, почувствовали аромат его эпохи. Для этого он приводит нас на большую площадь в старом городе, окруженную зубчатыми стенами, и показывает «домик для послов», в котором останавливались все иностранные представители при дворе султана. Значительная часть площади покрыта низкими каменными полутрубами. Это отверстия подземелий султанской тюрьмы. Мы не сразу это понимаем, что веселит нашего гида.

— Здесь содержались богатые пленники из Португалии, Испании, Франции и других стран Европы, — сообщает Мухаммед. — Их захватывали в основном пираты-мавры с атлантического побережья, которых Мулай Исмаил включал в свою армию. Число пленников иногда доходило до шестидесяти тысяч человек. Во всяком случае, тюрьма могла вместить столько на семи квадратных километрах своей площади. Вы можете осмотреть ее.

Спускаемся в темное, грязное подземелье, куда свет проникает только через видные на поверхности земли отверстия. Не особенно задержавшись внизу, спешим подняться обратно. Мухаммед улыбается, безмятежно восседая на одной из полутруб, ведущих в подземелье:

— Там, внизу, можно еще долго идти, можно пройти под всей территорией Мекнеса и еще дальше, так как катакомбы тянутся далеко в сторону Феса.

На вопрос, зачем нужно было султану строить «домик для послов» рядом с тюрьмой, получаем ответ:

— Так было удобнее. Через эти отверстия послы лично могли убедиться, сколько их соотечественников томится в плену, кто они и как им тут живется. Разумеется, султан был заинтересован в скорейшем получении выкупа за пленников. Ему для всего нужны были деньги — и для войны, и для строительства, и для торговли.

Мухаммед знает не только историю и не только Мекку. Когда мы покидали город, он сказал:

— Вы уезжаете из аграрной столицы Марокко. Здесь в окрестностях основное производство оливок и пшеницы по стране. А центром туризма этот город стал прежде всего из-за своей близости к Фесу, а также Мулаю Идрису и Волюбилисе.

Рассказав о Фесе и Волюбилисе, Мухаммед особенно подробно останавливается на Мулае Идрисе:

— Это священный город и начало всех начал для мусульман Марокко. В нем похоронен Идрис, правнук четвертого праведного халифа Али и дочери пророка Мухаммеда Фатимы. Вынужденный из-за преследований Аббасидов покинуть Мекку в семьсот восемьдесят шестом году, Идрис нашел убежище среди берберов аурба, обратил их в ислам и заложил с их помощью Фес, ставший центром его государства. Однако вскоре он был отравлен по приказу багдадского халифа Харуна ар-Рашида. Но это не помешало росту могущества Феса, которым стал править сын Мулая (владыки) Идриса — Идрис II, матерью которого была берберка. И хотя в дальнейшем династия Идрисидов не смогла объединить всю страну под своей властью, она держалась до девятьсот семьдесят четвертого года, во многом благодаря вере местных мусульман в божественную благодать (барака), передаваемую по наследству в потомстве пророка.

Естественно, что в Марокко чтут Мулая Идриса как основателя первого арабского государства и первой арабской столицы страны, как проповедника ислама и как потомка основателя ислама. Именно поэтому город Мулай Идрис — запретный для немусульман. Ежегодно в сентябре он становится объектом паломничества (муссем), сопровождаемого различными празднествами, обрядами, в частности жертвоприношениями рогатого скота, джигитовкой и весьма прибыльной торговлей.

Исламоведы считают, что муссем, провозглашаемый в честь первого арабского правителя и святого в Марокко, в то же время вообрал в себя и кое-что от «первобытного берберского язычества».

Арабы и берберы

В Фес мы ехали на такси, которым управлял веселый Нашит. Он словно стремился оправдать смысловое значение своего имени («активный, деятельный» по-арабски), всю дорогу не умолкал, смеялся, а когда тема для разговора иссякала, принимался громко петь. Пел он почти без слов, начиная с тихого мычания, а затем переходя к более внятной мурлыканью одному ему понятной мелодии, внезапно взрывающейся протяжным переливом на двух-трех нотах гортанного выкрика. Сначала мы, слыша это, вздрагивали от неожиданности, потом привыкли. Нашит широкоплеч, коренаст, с большими рабочими руками, крупной, массивной головой, почти курносый, с загорелым лицом. Скорее темный шатен, чем жгучий брюнет. И нет у него ни оливковой смуглости, ни слегка заостренных черт, обычно присущих африканским арабам. Вполне сошел бы за уроженца юга Европы. Но говорит он по-арабски, причём на языке, близком к литературному. Ловко управляя машиной, он успеваешь и вокруг посматривать, и на нас взглянуть, заметив наше внимание, и широко улыбнуться.

— Нашит, ты араб или бербер? — спрашиваем мы.

— Я бербер, как многие живущие в Мекнесе. Все они говорят на ташелхите. Это и мой родной язык. Но по-арабски мы тоже говорим. И к тому же все мы мусульмане и марокканцы.

И он выводит очередную руладу, лихо заворачивая на крутом вираже горного серпантина. Переведя дух, мы не торопимся возобновить беседу, но наш водитель этого как бы не замечает.

— А вот вы тоже говорите по-арабски, хоть и не марокканцы, — берет он инициативу в свои руки. — Наверное, вы мусульмане. Всякий, кто говорит по-арабски, должен быть мусульманином.

Мы убеждаем его, что это не так, но Нашит не верит нам. В этот миг яркий луч солнца, прятанный за поворотом, буквально пронзает ветровое стекло, и Нашит, даже подпрыгнув от радости, издаёт что-то вроде

боевого клича и прибавляет скорости. Природа родных мест, ее краски и запахи, возникающие то слева, то справа от дороги прекрасные виды гор, холмов, долин с оливковыми рощами, виноградниками и золотящимися в зелени садов апельсинами действуют на него, судя по всему, опьяняюще.

Сказанное Нашитом довольно примечательно. Марокканские арабы (особенно интеллигенты), как правило, не ограничиваются констатацией того, что они арабы, но почти обязательно добавляют, что в Марокко не имеет значения, кем быть — арабом или бербером. В известной мере сейчас это так и есть. И тем не менее все обстоит гораздо сложнее. На протяжении всей истории Марокко со времени прихода сюда арабов в VII в. происходит непрерывный процесс арабизации берберов. Крупные города и деревни западной части страны заселены в основном арабами или смешавшимися с ними арабизированными берберами, в том числе полуарабизированными, то есть воспринявшими арабский язык, но сохраняющими также и свой. Поэтому очень трудно точно определить, сколько в Марокко арабов и сколько берберов, тем более что можно встретить и тех, и других в любом районе. По словам известного берберского деятеля Махджуба Ахардана, «все марокканцы — берберы» и в 15 километрах от Рабата, в племени земмур, арабского языка не знают. Он повторяет мнение французского ученого О. Бернара о том, что в Магрибе «нет арабов, а есть лишь берберы на разной стадии арабизации».

Называют разные цифры. Из них можно заключить, что от 50 до 70 процентов марокканцев — берберы, многие из которых (очевидно, большинство) двуязычны. Родной язык берберов Рифа (на севере страны) — тарифит, а берберов Среднего Атласа — тамазигт. При этом и те, и другие называют себя «имазиген» («свободные люди») и, понимая друг друга, обычно склонны не видеть все же существующих между ними различий в языке. Наиболее же распространенной группой берберов считаются шлехи, говорящие на языке ташелхит и населяющие горы Высокого Атласа, Анти-Атласа и долины реки Сус на юге, но за последнее время поселившиеся также в центре страны. Между ними и берберами Рифа лингвистические различия более значительны, чем между имазигенами.

Очевидно, помимо этих различий, о которых пишут

журналисты и рассказывают гиды, есть и другие. Нам пришлось беседовать в Мекнесе с двумя молодыми служащими отеля «Риф». Оба они были берберами и считали родным языком ташелхит. Однако один из них сказал:

— Я — шлех, а мой товарищ — суси (то есть уроженец населенной теми же шлехами долины Сус. — В. А.).

Все это лишний раз говорит о том, что берберская проблема еще недостаточно изучена и связана во многом с непреодоленностью старых племенных барьеров и региональной замкнутости, которые постепенно разрушаются, но еще не разрушились.

Арабы Марокко — не менее сложная этническая общность, чем берберы. Это потомки не только пришедших в Магриб несколькими волнами в VII—XI вв. арабских племен (главным образом осевших на побережье Атлантики племен маакиль), но и части арабизировавшихся берберов, полностью забывших свой язык, андалусских мавров, принявших ислам европейских пленников. Кроме того, среди арабов и берберов Марокко почти всюду живут и говорят на их диалектах темнокожие потомки абидов (бывших рабов) «черной гвардии» Мулая Исмаила, которых к концу его жизни было около 150 тыс. Пестрота этнического состава марокканских арабов дополняется наличием выходцев почти из всех стран арабского мира, в разное время по тем или иным причинам эмигрировавших в Марокко. Нам, в частности, приходилось сталкиваться с коренными марокканцами, ведущими свое происхождение от пришельцев из Ливана и Алжира.

Поэтому арабы Марокко стараются подчеркивать то, что их объединяет друг с другом, а также с берберами. Это в первую очередь арабский язык, которым владеет абсолютное большинство жителей страны независимо от происхождения, и религия ислама. Любопытно было говорить об этом с Нашитом. Он склонен считать арабский язык всемирным средством общения мусульман и вполне серьезно задавал, например, такие вопросы: «А в России говорят по-арабски? А мусульмане там есть? Так на каком же языке они говорят?» Для мусульманина, верящего, что Коран был ниспослан пророку на арабском языке, все эти вопросы не столь уж наивны, как кажется сначала. К тому же Нашит был твердо убежден, что «мусульмане хорошие люди, пото-

му что они боятся Аллаха». В его глазах христиане и коммунисты, разницу между которыми он ощущал довольно смутно, проигрывали именно потому, что не боялись Аллаха. Не случайно Нашита, не читающего газет, но слушающего радио, из всех международных проблем интересовал больше всего вопрос о захваченных израильтянами святынях ислама в Иерусалиме.

Интересно было также сравнивать Нашита с Мухаммедом, который не задавал паничных вопросов и вежливо избегал задевающих собеседника тем. Но если речь заходила об арабском языке в Марокко и о проблеме его разделения на литературный и народно-разговорный, то он обязательно замечал:

— У нас в этом отношении дело обстоит благополучнее, чем в других арабских странах. Разговорный арабский у нас единый для всей страны, особенно в городах, где говорят, как в Рабате и Касабланке.

Между тем известно и из работ ученых-лингвистов, и со слов других марокканцев (в частности, впоследствии знакомившего нас с Касабланкой гида Мустафы), что в стране около 13 различных говоров, арабских и берберских, что по-арабски в Рабате говорят не так, как в Фесе. Жители столицы лишь за последнее время стали приобретать особенности произношения, ранее свойственные Танжеру и прочим северным городам. Что же касается Касабланки и городов юга, то там арабский язык восходит к говорам бедуинских племен и отличается от диалектов других городов.

Единению всех марокканцев тем не менее способствуют и распространение арабского языка среди берберов (прежде всего в городах), и усилившееся за последние годы внимание к берберской культуре. Самобытность берберов признавалась и раньше — в особенностях крестьянской одежды, народных танцев и песен, фольклора и легенд, ремесел и ковроделия. Ныне сделан новый шаг: культура и язык берберов начинают серьезно изучаться. Предполагается, как заявил недавно король Хасан II, создание Института берберского языка. Уже упоминавшийся Газзаль еще в Рабате сказал нам, что недавно стал выходить литературный журнал «Тамазигт» на берберском языке, но на арабской графике ввиду отсутствия у берберов своей письменности.

Разумеется, это только начало. Журнал «Тамазигт» наряду с литературными произведениями печатает также материалы по языкознанию и по другим вопросам

культуры. Речь идет о том, чтобы от простого упоминания о берберской специфике перейти к ее глубокому пониманию. Вместе с тем распространение образования среди берберов будет способствовать изживанию ими черт племенной замкнутости и обособленности. Ныне нередко берберская молодежь после обучения в школе говорит на более литературном арабском языке, нежели молодые арабы, для которых арабский — это прежде всего родной диалект их местности. В результате среди деятелей арабоязычной культуры марокканской нации растет и несомненно будет расти доля Берберов, что еще более сблизит оба народа, подчеркнув общность их культурного достояния.

Фес и фаси

Эта общность, как и тесная сплетенность ее с андалусско-мавританскими традициями, полнее всего ощущается в Фесе.

— Фес, — говорил нам гид Мухаммед, — историческая, научная и культурная столица королевства, самый старинный арабский город в Марокко, расположенный на плодородном плато рядом с горами Среднего Атласа, на высоте пятисот метров над уровнем моря. Его основал первый арабский государь в Марокко Мулай Идрис, но строили и особенно перестраивали, пожалуй, все последующие правители. В результате город делится на «старый», «новый» и «современный».

Подъехав к Фесу, мы могли добавить к сказанному, что расположенные на возвышенности его современные кварталы не представляют интереса. С площадки у примыкающего к ним отеля «Мериниды» (в котором незадолго до нашего приезда в Марокко проходила сессия министров иностранных дел государств, входящих в Организацию Исламская конференция) открывается великолепный вид на раскинувшийся в низине старый город: древние, обветшалые стены коричневато-охристого оттенка окружают море плоских темно-зеленых крыш старинных домов и сеть извилистых переулков, над которыми, подобно мачтам кораблей, высятся посеребрившие от времени четырехгранные минаретов. Говорят, их здесь около 300. Панорама города, воспроизведенная на множестве реклам и открыток, виденных нами раньше, настолько красива, что сама кажется неправдоподобно

картинной, чем-то вроде застывшего кадра цветного кинофильма.

Еще не попав в Фес, мы уже заранее восхищались им.

— Фес, — сказал нам в Рабате Мухиддин аль-Машрафи, — это один из первых городов мира по своей цивилизованности, чистоте, умению использовать воды реки для снабжения населения и для очистки города, и для орошения окружающих полей. И он был таким уже много веков назад, когда этого еще нигде не было.

С тех пор, конечно, много воды утекло в реке Уэд Фес, как и в других реках Марокко. И воды этой, особенно для очищения города, стало явно меньше. Мы невольно вспомнили об этом, оказавшись в Фесе аль-Бали (Ветхом Фесе) — самой старинной части древней столицы Марокко, до сих пор имеющей репутацию «души и сердца королевства».

По улицам Феса приходится идти, то спускаясь, то поднимаясь по сплошным уступам каменных плит, булыжным пандусам или железным лестницам. Передвижение затрудняется также обилием грязи и луж, создающих вместе с архитектурой зданий полную иллюзию средневековья. Разрушается она, пожалуй, только отсутствием по-мусульмански закрытых женщин, хотя изредка они и встречаются. И это в Фесе, самом традиционном и старинном, самом арабском городе Марокко! Объясняется это несомненно берберским влиянием: в берберских деревнях крестьянки лица не закрывают. Вот еще одна иллюстрация взаимовлияния арабов и берберов в Марокко.

Слава о красоте и хозяйственности фесских женщин дожила до наших дней.

— Есть поговорка, — с веселой улыбкой сообщает Мухаммед. — Лучше всего жениться на женщине из Феса, так как у нее золотые руки и она хорошо готовит.

То же самое читаем и в путеводителе. «Невеста из Феса», «фесская свадьба» — это постоянные темы разговоров, художественной литературы, изысканий этнографов и социологов. Более того, это и повод для гордости жениха или зависти соседей. Понятно, что при таком положении женщинам Феса нет никакого резона закрывать лицо. Даже традиционную мусульманскую одежду (одетых по-европейски очень мало) они ухитрились осовременить: почти у всех длинные, до пят, платья, обычно черные, коричневые, темно-зеленые,

красные, с золотым шитьем по рукавам и вороту, с боковым разрезом снизу до колена, что не очень должно нравиться ревнителям старых канонов.

Знатоки Феса считают, что жизнь состоятельных людей в нем «идет по-европейски, но при уважении традиционных обычаев и предписаний». Помня это, мы не особенно стараемся заглядывать в редкие, распахнутые на улицу двери, через которые только и можно наблюдать жизнь обитателей мусульманского дома, окнами всегда обращенного во внутренний дворик. Но вот перед нами огромные двустворчатые двери, напоминающие скорее старинные ворота с вязевой росписью и золотисто-сапфировой мозаикой обрамляющей отделки. Двери широко раскрыты — в доме идет уборка: внутри суетятся две служанки с тазами и тряпками, а на трехступенчатом крыльце орудует шваброй темнокожий слуга в тюрбане и шароварах до колен. Грязную воду с крыльца он сливает прямо под ноги прохожим, улыбаясь самым дружелюбным образом. Медленно проходя мимо этого богатого, очевидно купеческого или аристократического, дома, успеваем заглянуть внутрь: обстановка самая современная, мебель — как на витрине французского магазина, обилие посуды за стеклом шкафа, стены в коврах, люстра в стиле «модерн». Хозяева дома явно не скрывают своего богатства и не стесняются выставить его напоказ.

Такие дома здесь не так уж редки. И возможно, не все они принадлежат богачам. Почти каждый дом (обычно в два, реже в три этажа) чем-то украшен — либо изощренным кружевом резьбы по дереву, особенно на дверях, либо гипсовыми узорами над входом, либо разноцветной игрой каменной отделки. Многие двери обшиты медью или другим металлом с насечкой, снабжены дверным молотком в виде тяжелого железного кольца. Все сделано добротнo, умело, красиво. Сразу чувствуешь, что попал в город мастеров, никогда не скучившихся на то, чтобы Фес был наряднее и краше.

Оглядываясь вокруг, поражаешься многочисленности шумной фесской толпы. Здесь и розничные торговцы, и их подручные, и ремесленники с подмастерьями, и служащие, и никуда не спешащие старики. Попадаютсь довольно живописные фигуры, например чиновник в серой джеллябе, бабушах и старом тюрбане, в очках и с огромным кожаным портфелем. Очень много молодежи, особенно совсем юных девушек в школьной форме,

смешливых и быстроглазых. Неужели у них у всех, если верить пословице, «золотые руки» и талант поварами? Гид говорит:

— Фес вообще славится своей кухней, и ко многим почетным его титулам следует добавить звание столицы кус-кусов.

Я и раньше слышал, что это арабское блюдо, которое впервые мне довелось отведать в Туниссе, надо обязательно попробовать в Фесе.

Но толпа напирает, и надо быстрее идти дальше, увертываясь то от тележки с фруктами или овощами, то от мешков и корзин меняющего место торговца, то от осла с поклажей. Если не успеть осла опередить в сравнительно широком месте улицы, то вскоре следует расплата: улица неожиданно сужается, а осел упрямо встает в самом тесном месте и заставляет всех ждать, иногда довольно долго. При этом его хозяин явно не торопится, не пытается силой сдвинуть его с места, а действует преимущественно уговорами. Впрочем, ослов здесь видимо-невидимо, и хозяева у них попадают разные, в том числе такие, кто поддерживает контакт с животным исключительно пинками, не произнося при этом ни слова.

Стараемся все заметить и запомнить, различая в мерном шуме улицы слова нашего гида:

— Смотрите, смотрите во все глаза! Вы идете по улице восьмого века нашей эры! Здесь все — история, все — произведение искусства, все — музей!

Жажда восхваления самого первого арабского города страны несколько подводит Мухаммеда: ведь Фес построен в 808 г. и не может иметь «улицы восьмого века», в котором он был лишь заложен! Но в остальном гид прав: город — сам по себе произведение искусства. И недаром ЮНЕСКО ассигновала 800 тыс. долларов, по словам Мухаммеда, на реставрационные работы в Фесе. Город полон памятников высочайшего мастерства средневековых каменщиков, плотников, резчиков, орнаментальщиков, художников и архитекторов.

Даже просто проходя по какой-либо боковой улице фесской медины, невольно любуешься затейливой росписью над входом одного из многих фонтанов-источников, броскими фрагментами мозаики или звездообразной решетки. Замечаешь прежде всего это, а не сырое месиво под ногами, не полустершиеся надписи на облупленных стенах, соседствующие с обрывками афиш, ру-

кописных объявлений, дешевых реклам американских фильмов.

Поражает сочетание игры многих цветов, скульптурной лепки, ажурной резьбы по камню и дереву, ослепляющей мозаичной отделки в мечети Мулая Идриса II, основателя и святого покровителя города. Его гробница скрыта за фигурной медной решеткой, истертой прикосновениями миллионов паломников, многие из которых приходят сюда как с целью получить благословение святого, так и надеясь исцелиться от каких-либо недугов. В отличие от некоторых других подобных же мест в Магрибе (например, мечети Брадобрея в тунисском Кайруане) женщины сюда не допускают. Они могут лишь подойти с другой стороны мечети и приложиться к специальному отверстию в стене.

Фес — не только старинный город-музей. Он также оплот многочисленной буржуазии, по традиции поставляющей основные кадры экономической, интеллектуальной и чиновничьей элиты королевства. «Западничество» этой буржуазии, связанной деловыми узами с партнерами из Франции, Испании, Англии, США и ФРГ, не вызывает ни сомнений, ни удивления. Естественно поэтому, что многие фесские дамы из буржуазной среды, как рассказывают, стараются быть на уровне стандартов Запада, нередко сами «ведут дела», самостоятельно водят автомобиль или путешествуют два-три раза в год за покупками через пролив Гибралтар без обязательно для ревностной мусульманки сопровождения мужчины. Им просто некогда закутываться в покрывало, закрывать лицо и соблюдать все косные обычаи. Но они в Фесе — пока что исключение.

Любоваться Фесом, как и рассказывать о нем, можно без конца. Не надо, однако, забывать при этом о сегодняшнем дне города. Он не только в роскоши дворцов, мечетей, медресе, фонтанов и вообще фесской старины. И не только в блеске шикарных отелей (таких, как похожий на замок, с трапециевидными арками по фасаду, отливающий золотом на солнце «Каср аль-Джамай») и современного сервиса для богатых. Фес сегодня — также бедность жителей старых кварталов, теснота и грязь местного сука. Его контрасты характерны для всей страны. А на фоне голубизны зубчатых ворот Баб Буджеллуд или ярко-песочной окраски ворот касбы Анвар, не говоря уже о более роскошных памятниках Феса, четче выступает разница в одежде и обра-

зе жизни между обитателями города, издавна называвшихся «фаси» («фесцы»).

Ныне, однако, это название приобрело более специфический оттенок. Фаси сегодня — это расселившиеся по всем крупным городам страны представители фесской буржуазии, преимущественно андалусского происхождения, а частично также выходцы из феодальной и религиозной арабской знати. Они сейчас гораздо сильнее в Рабате и Касабланке, чем у себя в Фесе. Один марокканский историк доказывал мне это так: «Партия Истикляль у нас всегда опиралась на фаси и, естественно, шла в Фесе на первом месте. Однако за последние годы она именно в Фесе никак не может набрать большинства». Мой знакомый объяснял это частично наплывом берберов Среднего Атласа, частично усилением социальных противоречий между буржуазией фаси и трудящимися фесцами без различия происхождения*.

Мне показывали в других городах Марокко видных фаси, преуспевавших на государственной службе, в науке, бизнесе, свободных профессиях. Складывалось впечатление, что иногда под фаси подразумевается вовсе не человек из Феса, а просто представитель буржуазии или аристократии. При этом даже не обязательна аравийская или андалусская генеалогия. Короче, сам термин «фаси» стал употребляться для обозначения социальной, а не этнической, географической или исторической принадлежности. Но «классический фаси» — это выходец из фесской образованной (и, как правило, богатой) верхушки, ведущей происхождение от мавританских изгнанников, каковыми в свое время было большинство фаси. Более того, и сейчас еще в само понятие «фаси» включается гордость замечательным вкладом Феса в историю и культуру Марокко, в многообразные связи Магриба и Андалусии, в развитие и организацию экономики страны.

По соседству с Гибралтаром

Наш путь из Феса в Танжер шел через Волюбилис и мимо Мулай-Идриса. Они почти рядом. Но если свет-

* Марокканский социолог Таджеддин Бадду пишет, что к началу 70-х годов около 57 процентов фесцев пришли в город из деревни, в то время как «интеллектуальная и торговая элита» фаси с 1957 г. постепенно перебирается в Рабат и Касабланку.

лая, серебристо-серая окраска руин Волюбилиса навевала, несмотря на зрелище погибшего города, какое-то оптимистическое настроение, то Мулай-Идрис, напоминавший бело-желтый кусок алжирской касбы, волшебным образом заброшенный в темную зелень крутых холмов и оливковых рощ, производил иное впечатление. Строгий, недоступный, укрытый замшелыми стенами цвета охры, прижавшийся к подножию большой горы, он был не лишен своеобразной мрачноватой красоты. Мы медленно проехали мимо. Попасты в эту «марокканскую Мекку» все равно было немислимо. А при беглом обзоре оплот ислама на берберской земле выглядел вблизи довольно обычно: пастушок в коричневом бурнуса безмятежно пас коров у самых стен города, прячась в тень огромного кактуса, по оживленной улице сновали полностью закрытые женщины, а среди мужчин немало было одетых по-современному, в том числе с непокрытыми головами. Они толпились у стоявшего на улице грузовика. Очевидно, крестьяне, приехавшие по делам.

Недалеко отсюда у нас была остановка в тенистой аллее, по обе стороны которой — сплошь плантации цитрусовых. Мы поговорили с появившимся вскоре парнем почти городского вида. Оказалось, это сын местного хозяина, дом которого возвышался вдали от дороги.

— У моего отца, — сказал он, — две тысячи пятьсот апельсиновых деревьев. Выращивает он также клематины и другие фрукты. Урожай с каждого дерева три или четыре центнера в год.

Сын хозяина не сказал нам ничего ни о доходе семьи, ни о батраках. Заметил лишь, что «семья сама справляется с хозяйством». Что ж, в многолетних семьях крестьян Марокко особой нужды в работниках нет: всегда налицо 5—6 взрослых парней. Но, судя по одежде парня и количеству деревьев, на безбедную жизнь им хватало. Только такие, очевидно, зажиточные хозяева и не бегут из деревни в город в поисках заработка. Впрочем, по словам нашего собеседника, в нескольких километрах от их хозяйства начинались земли кооператива, в котором, надо полагать, трудились менее состоятельные люди, ибо кооператив владел всего 5 тыс. апельсиновых деревьев.

В невообразимой жаре и духоте мы проехали Сук аль-Арбаа аль-Гарб, где нас поразил висевший через улицу транспарант: «Профилактика лучше, чем лече-

ние». Миновали здание старой таможни у выезда из французской зоны в испанскую, на которые была разделена страна в годы иностранного протектората (1912—1956). Сразу после ликвидации протектората марокканцы буквально уничтожили таможню. Так она и стоит до сих пор — пустая, с разбитыми окнами и выломанными дверями. Однако на территории бывшей испанской зоны до сих пор часты рекламные щиты с названиями промышленных, торговых, аграрных и финансовых компаний Испании. Через полтора часа пути достигли Лараша, небольшого приморского городка с преобладанием архитектуры испанского типа, надписей и вывесок на испанском языке.

Судя по ним, испанские предприниматели заняты разведением лошадей, выращиванием цветов и фруктов.

— Главное производство здесь, — говорит Мухаммед, — выделка кирпича и добыча соли.

Как это не вяжется с экзотически-романтическим впечатлением от белых, с цветными наличниками и решетками на окнах домов Лараша, его тенистых балконов, балюстрад, крытых галерей и башенок!

Дорога на Танжер отсюда идет вдоль океана то среди редкого африканского леса, то между красно-зеленых холмов. Города можно достичь по прямой, как бы срезая «крайний северо-запад» Африки и отдаляясь от Атлантики. Но можно, минуя гроты мифического Геркулеса, добраться вдоль берега до мыса Спартель. Высоко вздымаясь над окрестными холмами, он еще выше нависает над плещущимися под ним волнами. Густо покрытый вечнозеленой африканской растительностью, утес с минаретообразным маяком, подобно волнорезу, разделяет воды Атлантического океана (слева, на западе) и Гибралтарского пролива (справа, на севере). Кажется, что именно здесь, в этом уголке Марокко, как бы сливаются воедино, примиряются контрасты столь многообразной страны, одновременно средиземноморской и атлантической, восточной и африканской, арабской и берберской. Именно здесь меньше всего спорят друг с другом синева вод и бирюза неба, охристость почвы и зелень кустарника, золото солнца и мглистость тени, незаметно переходящие друг в друга холмы и равнина...

От мыса до Танжера 14 километров. При въезде в город прежде всего поражает его сходство с другими большими портами южного Средиземноморья. Такое же

огромное полукольцо набережной, как в Александрии или Триполи. Устремившаяся от моря вверх часть города напоминает Алжир или Беджайю. А вот общее впечатление от него почти такое же, как от Орана и Аннабы: то же преобладание европейской архитектуры, та же уютность залива, те же приглушенность красок и ощущение какого-то спокойствия, уверенности. При этом Танжер кажется гораздо более других городов Магриба принадлежащим Европе, чем Африке.

По легенде, город был основан мифическим Антеем, на самом деле — финикийцами во II тысячелетии до н. э. Со 146 г. до н. э. известен как Тингис, а в дальнейшем — как центр римской колонии Мавритании Тингитанской. Пережив нашествия всех являвшихся в Магриб завоевателей, он стал Танжером (Танджа по-арабски) и объектом длительной борьбы почти всех династий Дальнего Магриба. Однако он раньше других городов Марокко попал под колониальное иго, будучи захвачен в 1471 г. Португалией, в 1581 г. — Испанией, а в 1661 г. — Англией. Лишь в 1684 г. после многолетней осады Мулай Исмаил вернул город под власть Марокко. Однако выгодное (всего в 14 километрах от Европы и в узкой части Гибралтарского пролива) расположение Танжера не давало покоя колонизаторам. Они неоднократно нападали на город. С конца прошлого века Танжер становится постоянной резиденцией европейских представителей в Марокко, а в 1923—1956 гг. выделяется в особую международную зону, которая в 1940—1945 гг. была оккупирована испанцами.

Разумеется, все эти повороты истории наложили на город свой отпечаток. Здесь есть авеню Лиссабона, Испании, США, Лондона, Колумба, Рузвельта, улицы Англии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии, Сан-Франциско, Вашингтона, Лафайста, площади Франции, Швеции, Швейцарии и Амстердама, а наряду с ними — бульвар Пастера, авеню Бетховена, улицы Толстого, Веласкеса, Лопе де Вега и Мендельсона. Отели здесь называются «Вилла Франции», «Фландрия», «Лазурный берег», «Рембрандт», «Веласкес», «Интерконтиненталь», «Гибралтар», «Фуэнтес». Даже сук здесь именуется на своеобразном франко-испанском языке «Гран Сокко» и «Пти Сокко», то есть большой и малый сук. Причем магазины также носят иностранные, преимущественно испанские, названия (например, магазин радиотоваров «Пуэрта дель Соль» на Гран Сокко, бар «Сеговия» на

улице Либертад), а сидящие в них хозяева или продавцы читают обычно газеты на испанском языке. Один из таких продавцов, когда его по-арабски показать дорогу, отвечал нам по-испански, хотя и по виду, и по костюму явно был марокканцем. Здесь (как, впрочем, и в Орানে) нередко арабское имя сочетается с испанской фамилией (Абд аль-Халик Торрес, Башир Руис и т. п.). В городе есть испанский спортивный клуб, арена для боя быков, испанский госпиталь на улице, которая так и называется — Испанского госпиталя. Танжер, пожалуй, единственное место в Магрибе, где персонал отеля может не среагировать на французский язык и после некоторой заминки возобновить разговор на испанском языке. Однако большинство надписей в медине Танжера на трех языках: арабском, испанском и французском. Более того, стоило нам появиться в торговых заведениях медины, как торговцы, не впервые видевшие русских, стали выкрикивать по-русски: «Русский — хорошо! Заходи посмотреть!»

Танжерские «сокко» прежде всего примечательны множеством крестьянок из близлежащей берберской области Риф. Их можно сразу отличить по широкополым соломенным шляпам с большими шерстяными шариками на тулье, надетым поверх длинных платков, по красным, в продольных белых и черных полосах накидкам. Иногда такие же шляпы, но без шариков, можно увидеть и на мужчинах, преимущественно берберах из Рифа, но также и на других обитателях города. Шляпа хорошо защищает от солнца, а танжерцы весьма привычны к отступлениям от традиционного мусульманского костюма. Пестрота одеяний в Танжере необычайна: тут и берберские варианты, и чисто европейские, и мусульманские, и всевозможные их комбинации. Многие девушки и молодые женщины одеты по последнему крику западной моды. И это не просто влияние контактов с туристами. Молодые танжерки вообще, как здесь считают, более эмансипированы, чем остальные горожанки Марокко. Недаром среди местных студентов девушки составляют до 30 процентов.

Над Гран Сокко вздымается покрытый многоцветной мозаикой с преобладанием тонов бирюзы и изумруда очень изящный пятиярусный минарет мечети Сиди Буабид. Сама мечеть, грубо оштукатуренная, особого интереса не представляет. Но иногда весь рынок называется по ней — сук Сиди Буабид (или, по-местному, Сиди Бо-

бид). С другой стороны Гран Сокко — сад Мандубийя, где раньше располагалась резиденция мандуба (комиссара султана) в Танжере. Гран Сокко — это большая торговая площадь, на которой преобладают современные дорогие (например, ювелирные) магазины. Собственно восточный базар начинается там, где одна из улиц ведет вниз, к Пти Сокко и дальше, еще ниже, к воротам Баб аль-Марса, выводящим прямо в порт и к автовокзалу. Недалеко от Баб аль-Марса, в нижней части медины можно увидеть редко осматриваемые туристами Великую мечеть, построенную Мулаем Исмаилом после того, как он отбил город у англичан, и медресе Меришидов XIV в.

Пока идешь по всем этим улицам с характерными названиями (Коммерческой, Христианской, Морской), проходишь, как сквозь строй, через сплошные прилавки, маленькие базары, ряды старых кафе и лавок, хозяева которых соблазняют, зазывают, задирают, развлекают, а иногда просто рекламируют себя, навязывая свои визитные карточки. Две из них у меня сохранились. На одной из них: «Ахмед Бен Киран. Улица Сбу, № 24а. Торговля марокканскими пледами. Телефон 210-09. Танжер». Несмотря на наличие телефона, Бен Киран, очевидно, не очень богат, так как напечатана его карточка с ошибками и в арабском, и в испанском тексте. Более состоятелен, видно, обладатель второй карточки, на которой без ошибок напечатано на арабском, английском и французском языках: «Дом марокканских ремесел. Мухаммед Беннани. Улица Фуэнте Нуэва, № 6. Танжер». Думаю, что преимущества этого торговца — не случайность. Беннани — очень известная и в политике, и в экономике, и в научном мире семья фаси.

С трудом выбирася из базарного лабиринта танжерской медины. Товары на этом сплошном рынке самые обычные: одежда, керамика, бижутерия, сувениры, среди которых немало изделий рифских ремесленников, включая упоминавшиеся соломенные шляпы. Немало вообще плетенных из соломы циновок, подстилок, сумок, корзин. Назначение некоторых из этих изделий мы вскоре узнали, когда из медины попали в касбу Танжера. Здесь, как и в Рабате, касба противостояла медине, возвышаясь над ней. В касбе мечеть, бывший дворец султана (Дар аль-Махзен) и другие учреждения, которые сейчас отведены под экспозиции музея истории Танжера. В остальном касба — продолжение базара медины. При-

смастривая себе кое-что в одной из лавок, мы вдруг увидели, как продавец, одетый по-европейски молодой человек вполне современного вида, вытащил из-под прилавка плетеную циновку, постелил ее и, встав на колени, принялся молиться. Такое мне раньше довелось видеть в Каире, когда охранник, проверявший билеты у посетителей Каирской цитадели, в назначенный час спокойно отвернулся от мирской суеты и стал молиться.

Гуляя по танжерским улицам, особенно по таким почти «парижским» шикарным авеню, как бульвары Пастера и Мухаммеда V, можно заметить, однако, что в Танжере магрибинская новь все же везде подавляет старину. Лишь кое-где среди доминирующей «иностраницы» в названиях улиц мелькнут имена Мусы Ибн Нусайра, Юсуфа Ибн Ташфина, а также Ибн Тумарта, основоположника учения Альмохадов. Удивительно, но в этих названиях почти нет упоминания об арабской Андалусии. Я уже было решил, что такого и не встречу, как недалеко от набережной заметил надпись: «Улица Муатамида Ибн Аббада». Это имя раньше ни в одном из магрибинских городов не встречалось. А ведь Муатамид Ибн Аббад — ярчайшая фигура в истории и культуре не только аль-Андалуса, но и всего арабского мира.

Талантливый поэт-лирик, он был сыном эмира Севильи и после смерти старшего брата в 28 лет, в 1068 г., стал эмиром. Его власть простиралась до Кордовы и Мурсии, а его двор был самым блестящим в аль-Андалусе, привлекал к себе видных ученых, музыкантов и поэтов, в том числе таких знаменитых, как Ибн Зейдун и Ибн Хамдис. Однако напор реконкисты вынудил его обратиться за помощью к Альморавидам, которые, задержав испанцев, одновременно подчинили себе силой аль-Андалус. В конце 1091 г. Юсуф Ибн Ташфин занял Севилью после многомесячной осады и выслал эмира Муатамида в горы Высокого Атласа, где тот вплоть до своей смерти в 1095 г. предавался горьким воспоминаниям и написал множество элегий. Поводов для этого было предостаточно: погибли его сыновья, умерла жена Ромейкия, на которой, простой погонщице мулов, Муатамид женился, плененный ее поэтическим даром.

Судьба самого Танжера чем-то напоминает судьбу Муатамида. Слишком много сил этим городом было отдано борьбе за сохранение своего лица. И в этой борьбе понесены были столь значительные потери, что тан-

жерцы вот уже четверть века как бы не могут прийти в себя и, кажется, почти привыкли к тому, что их город — не столько «европеизированное» Марокко, сколько «марокканизированная» Европа. Впрочем, возможно, что они начинают приходить в себя. В частности, улицу Санлукар недавно переименовали в честь великого арабского поэта аль-Мутанабби.

Одно из наиболее ярких впечатлений от Танжера оставила у нас встреча в местном Доме молодежи с активистами культурной ассоциации «Рисалят ат-Талиб» («Миссия студента»). Эта организация связана с ассоциацией дружбы «Марокко — СССР» и участвует в ее мероприятиях.

— Мы никогда не забудем, — говорил нам руководитель организации Мустафа Бен Масуд, — помощи СССР во время нашей борьбы за независимость. И мы рады принять вас в Танжере, в котором было учреждено первое русское представительство в Марокко.

Далее он рассказал о том, как много делает и его организация, и ассоциация дружбы, и лично ее председатель Мухаммед аль-Фаси в качестве главы марокканского комитета ЮНЕСКО для приема в Марокко многочисленных советских делегаций, театральных трупп, спортивных и музыкальных коллективов. Бен Масуд и его помощник Идрис Насыри информировали нас об истории и деятельности «Рисалят ат-Талиб», созданной в начале 60-х годов, о ее участии в проводившихся в Марокко празднованиях юбилеев Пушкина, Толстого, Чайковского, в организации лекций и семинаров, посвященных деятелям русской культуры, выставок рисунков, встреч с советскими художниками и артистами, демонстрации советских фильмов. Прочитывая слова короля Хасана II («человек, не знающий культуры других, не знает и своей»), Бен Масуд продолжал:

— Наша организация считает, что молодежь должна знать и свою национальную, и мировую культуру, включая культуру СССР. Поэтому мы просили бы общество дружбы «СССР — Марокко» направлять сюда больше лекторов, материалов, выставок. Танжер недаром известен и как ворота Африки в Европу, и как ворота Европы в Африку. Мы поддерживаем тесный контакт с ЮНЕСКО и Советским культурным центром, но этого недостаточно.

В ассоциации, по словам Насыри, состоит примерно 200—300 активистов, включая 15 руководителей. А в

разных ее мероприятиях участвует до 1 тыс. человек, в том числе представители всех слоев населения, но преобладают студенты и служащие. Все, включая руководство, трудятся на общественных началах. Например, Бен Масуд — служащий муниципалитета.

— Мы надеемся, — заметил он, — что когда-нибудь делегация наших активистов посетит вашу страну. Вообще стоило бы породнить Танжер с одним из советских городов.

О встречах с активом «Рисалят ат-Талиб» мы долго потом вспоминали и после отъезда из Танжера, когда автобус мчал нас мимо цитрусовых плантаций испанских и французских компаний, мимо знаменитой своим пляжем Асилы, бывшей твердыни паши Райсули, мимо каких-то полуглиняных, полужестяных, крытых соломой горных деревушек с лавочками, куббами марабутов и множеством школьников, мимо стрелообразного шпиля церкви и бесчисленных кафе Кенитры, сплошь заклеенной рекламами фирм «Рено», «Вольво», «Оппель», «Тоталь». Мы невольно сравнивали с Танжером все увиденное и обнаружили, что в нем воплощена вся «новья», а в Марракеше — вся «старина» этой страны. Однако когда мы после восьмичасовой гонки вдоль Атлантического побережья, прерванной лишь обедом и купанием в океане, достигли Касабланки, то поняли, что именно этот город — средоточие не только всего нового и современного, что есть в Марокко, но и самого «сверхмодерна», казалось бы, здесь немислимого.

Этого впечатления не смогли сгнать ни «ультрамусульманская» униформа служащих нашего отеля, ни аркады, мозаика и цветные решетки в оформлении его интерьера, ни псевдомавританский «колониальный» стиль главных зданий на площади Объединенных Наций. Мы много ходили по Касабланке, много повидали, но тогда, в октябре 1980 г., мне лично город «не раскрылся», остался непонятным. Думаю, что причина заключалась в желании наших гидов Абд аль-Азиза и Мустафы показать нам как можно больше и рассказать еще больше. А у нас от увиденного и услышанного буквально голова шла кругом. Лично я был ошеломлен Касабланкой, ее «римско-парижским» шиком днем и обилием агрессивно настроенной бедноты на ее улицах вечером, разницей между ее роскошным центром и ужасающими трущобами на окраинах, бесчисленностью ее многообразных контрастов и противоречий, а главное —

отсутствием в этом городе ощущения спокойствия и уюта, в разной степени и различных формах свойственных, на мой взгляд, всем остальным городам страны.

Поэтому рассказ о Касабланке впереди. Даже если бы мне не довелось снова посетить этот город, все равно следовало бы выждать. Бывают такие места на земле, о которых совершенно невозможно судить по первому впечатлению.

Глава 7

СНОВА НА БЕРЕГУ АТЛАНТИКИ

Симпозиум памяти Беяля

В ноябре 1982 г. мне опять удалось побывать в Марокко, а именно в Касабланке. Я приехал на симпозиум памяти Абд аль-Азиза Беяля, известного марокканского экономиста и социолога, профессора университетов Рабата и Касабланки, видного общественного деятеля и члена Политбюро Партии прогресса и социализма (ППС) Марокко. Будучи членом муниципального совета и вице-мэром коммуны Айн-Диаб (прибрежного района Касабланки), Беяль в мае 1982 г. поехал в США для участия в церемонии породнения Чикаго и Касабланки. Однако во время пожара в чикагском отеле «Хилтон» Беяль трагически погиб. Учитывая его известность в международных научных кругах и популярность в Марокко, особенно в Касабланке, королевское правительство согласилось на организацию симпозиума памяти Беяля.

Симпозиум был организован Ассоциацией марокканских экономистов (АМЭ), основателем и первым президентом которой был Беяль, совместно с университетами Мухаммеда V в Рабате и Хасана II в Касабланке. Участвовало в нем и множество других учреждений, список которых очень велик. Среди них — университеты Феса и Марракеша, Агрономический институт в Рабате, а также действующие в Касабланке Высший институт коммерции и управления предприятиями, Национальный институт общественной администрации, Национальный институт статистики и прикладной экономики. Профессура, студенты и сотрудники этих учреждений и соста-

вили большинство участников симпозиума, на который были также приглашены представители научных учреждений Франции, Сенегала, Венгрии и СССР.

Беляль — автор многих научных трудов, опубликованных на арабском и французском языках в Марокко, Алжире, Франции, Бельгии и других странах. Его докторская диссертация «Капиталовложения в Марокко в 1919—1964 гг. и уроки развития экономики» издавалась трижды (в Париже, Гааге и Касабланке) в 1968, 1976 и 1980 гг. Особый интерес представляет последняя работа Беляля «Развитие и неэкономические факторы», в которой по-новому рассматриваются причины слаборазвитости молодых афро-азиатских государств. Беляль считал, что подорвало хозяйство этих государств не только ограбление в прошлом и настоящем, но и сохранение традиционных укладов, отсталых форм жизни и социальных отношений, косных обычаев и привычек. Он доказал, что, вопреки насаждаемому западными пропагандистами мнению, колониализм просто не может не консервировать все отжившее и обветшавшее. И проявляется это как в сфере экономики и социальных отношений, так и в политике, культуре, психологии, быту.

Симпозиум работал в одном из помещений факультета экономики и права университета Касабланки. В зале, амфитеатром спускавшемся к президиуму, висел портрет Беляля: молоджавое лицо с нависшими над лбом черными прядями, грустные умные глаза. Сюда набивалось до 2—3 тыс. человек. Некоторые стояли в дверях или сидели на ступеньках. В первых рядах — представители учреждений-организаторов, профессура, иностранные гости. Далее в основном, судя по виду, студенты. Почти все — без галстуков, с растегнутым воротничком голубой или серой, а чаще полосатой или клетчатой рубашки. Вообще в одежде этой главным образом усатой, бородатой или очкастой публики преобладали темные тона — синие, коричневые, зеленые. Но кое-где вспыхивали красные или желтые пятна свитеров или вязаных жакетов, чернели кожаные и бархатные куртки. Девушки в большинстве случаев одеты, как и парни, в куртки, рубашки, брюки, но чаще всего в серые, голубые и черные джинсы. Коротко стриженных очень мало, у многих длинные смольные волосы чуть ли не до пояса. Брюнеты, да и брюнетки вовсе не преобладают. Другое дело, что оливковая смуглость и черный

цвет глаз напоминают о Востоке, несмотря на часто встречающиеся при этом каштановый или рыжеватый оттенок волос, курносый или «римский» профиль.

Интерес к симпозиуму среди молодежи объяснялся помимо популярности Беяля и широкого международного звучания его идей, о которых шла речь, и самим характером тематики. Проблема слаборазвитости и ее причин — неиссякаемая тема для ученых и вообще интеллигенции Азии и Африки. К тому же Беяль был не просто серьезным исследователем этой проблемы, но и видным теоретиком-марксистом. А студенчеству Марокко, тем более самого современного его центра — Касабланки, очень важно знать, что думают марксисты вообще и ППС в частности о социальных и экономических вопросах, стоящих перед страной. Судя по реакции аудитории, большинство присутствующих либо придерживались марксистских взглядов, либо сочувствовали марксизму, иногда, впрочем, не очень четко в нем разбираясь.

На открытие симпозиума я опоздал и лишь на следующий день прочитал в газете ППС «Аль-Баян» («Манифест») о первых выступлениях. Министр по делам парламента Ахмед Бельхадж говорил о всеобщем уважении к Беялю. Представители учреждений-организаторов, среди которых даже принадлежавшие к другим партиям лица (декан факультета экономики и права университета Хасана II Мухаммед Беннани — член правительственной партии Истикляль, профессор Мухаммед Лахбаби—член Политбюро оппозиционного Социалистического союза народных сил — ССНС) воздали должное принципиальности и скромности Беяля, его заслугам не только как ученого, но и как деятеля ППС. Но лучше всех, конечно, сказал Генеральный секретарь ППС Али Ята: «Азиз Беяль был прекрасным исследователем, лектором редкой эрудиции, который умел показать, основываясь на цифрах и статистике, лживость всех утверждений, обманывающих народ и пытающихся заставить его забыть горькую действительность».

Затем началась деловая часть симпозиума. Рассказать о ней можно лишь бегло. В самом деле, за два дня (вернее, полтора, так как половина первого дня ушла на официальные приветствия и выступления) было прочитано 28 докладов. На их обсуждение времени не было. Лишь председатель мог сделать какое-либо замечание. Почти все доклады посвящены были анализу тру-

дов Беляля, особенно посвященных исследованию проблемы индустриализации и экономических кризисов в странах Магриба, социальных противоречий и классово-вой борьбы во всем арабском мире. Но были и другие, например: «Творчество Абд аль-Азиза Беляля и его отношение к наследию арабо-мусульманской цивилизации» Мухаммеда аль-Фаиза, профессора из Марракеша, или «Методология в трудах Абд аль-Азиза Беляля» экономистов М. Жермуни и А. Агуррама. Социалистические страны были представлены докладами от СССР и Венгрии. В первом докладе, основным автором которого был Ю. Н. Попов, знаток творчества Беляля и его личный друг, была дана оценка главных работ и концепций Беляля, подчеркнута критика им ошибочных идей (их отголоски, к сожалению, слышались и в отдельных выступлениях на симпозиуме). Та же мысль прозвучала и в докладе профессора Будапештского университета Имре Мартона. Он говорил о внимании Беляля к социальной конкретике афро-азиатских стран, о его призыве изучать в первую очередь не «проблемы зависимого капитализма», а «положение маргинализованных слоев», а также «племенную, областную, классовую, семейную и иную структуру» населения, «его национальные особенности».

Формально дискуссии не было. Но спор разворачивался заочно, ибо кроме марксистских взглядов высказывались и другие, особенно в импровизированных докладах. Их авторы выступали без тезисов и вообще без видимой связи с темой симпозиума. Например, М. Иконников из Национального центра научных исследований Франции всю проблему государства в Азии и Африке сводил к «чужовщине бюрократии» и всячески гиперболизировал ее засилье. Невысокий, худой, с висячими пепельно-седыми усами, он как бы сверлил публику сквозь очки своим пронзительным наивно-голубым взором, призывая ее уверовать в то, что гостехнократия — «сила более опасная, чем другие правящие классы». Наоборот, Жерар Дестал де Бернис, профессор университета Гренобля, полный, седой, с мягкими манерами и прямым серьезным взглядом, представлял собой как бы антипод неистовому фанатизму Иконникова, говорил о «живом марксизме наших дней», о необходимости творческого применения теории научного социализма к сложной и далеко не однозначной реальности современного мира, в том числе афро-азиатского.

В течение всей работы симпозиума недалеко от председателя постоянно располагался бледновато-смуглый человек с хищным профилем мелкого ястреба, с выпуклыми темно-кариими глазами, с серебристой сединой, как бы специально «подобранной» в тон его светло-синему костюму и желтовато-серому свитеру. С его невысоким ростом и сутуловатостью контрастировали гордая посадка головы и уверенные манеры. В перерывах восторженная молодежь окружала его, расспрашивала, брала автографы. А он держался весело и снисходительно, с показным демократизмом звезды первой величины, несколько даже утомленный ролью кумира и властителя дум. Это был известный теоретик «неомарксизма» Самир Амин, работающий в Дакаре египетский экономист и социолог, автор нашумевших в 70-е годы книг: «Накопление во всемирном масштабе» и «Неравное развитие: исследование социальных формаций периферийного капитализма». Когда-то он был членом компартии Египта, но, эмигрировав из родной страны, осел в Сенегале и выдвинулся там сначала как леворадикальный исследователь социально-экономических проблем Магриба, а затем и всего, как он говорит, «третьего мира». Самир Амин приобрел широкую популярность, особенно во Франции, где издаются почти все его работы, и в кругах ООН, благодаря эрудиции и образному языку его трудов, умению ловко увязывать отдельные положения Марксовой теории доленинского периода с анархо-негативизмом левых экстремистов типа Маркузе и весьма модным на Западе пессимизмом. Звонкая эффективность его «марксистской» фразеологии привлекает симпатии молодежи, включая прогрессивно настроенную, а подлинное содержание его работ вполне вяжется с либеральными, реформистскими и прочими антисоциалистическими взглядами мелкобуржуазного толка.

Разумеется, все с интересом ждали выступления Амина. Он хорошо знал Беляля, однако расходился с ним по принципиальным вопросам политики и идеологии. Доклад свой (содержание его он заранее не сообщил оргкомитету симпозиума) Самир Амин начал с общих положений о том, что мировой капитализм изменился, но что в Азии и Африке его развитие еще не завершено. Поэтому, мол, «существует граница между мировым и периферийным капитализмом». Докладчик приходил к совершенно неожиданному выводу: национальная буржуазия стран Азии и Африки неизбежно-де

потерпит провал там, где попытается идти самостоятельно, но преуспеет там, где «сыграет роль агента международного капитала». Причину этого Амин видел в якобы неодолимом процессе «мондиализации капитала», то есть превращении его в повсеместно господствующую в мире силу. Дальше — больше: Амин предлагал делить весь мир на «Запад», в который включал все развитые страны, включая социалистические, и «Юг», под которым понимал все развивающиеся страны. Переживаемая ныне мировым капитализмом, по его словам, «фаза кризиса и реструктуризации» характеризуется желанием утвердить господство капитала и на «Западе», и на «Юге». При этом, говоря о сопротивлении этому желанию, Амин вовсе не имел в виду страны социализма, ибо в них, по его мнению, «социализм не реализован или реализован не так, как было задумано», а капитализм-де, стремится «интегрироваться» в страны социализма, используя мирное сосуществование, экономический диалог в условиях разрядки и особенно «геополитическую взаимозависимость между Востоком и Западом». Последнее буквально повергало Амина в панику, поскольку он счел нужным несколько раз об этом сказать, и в полном противоречии с этим тезисом в конце доклада он сказал об «уменьшении возможности столкновения сверхдержав в случае успеха левых сил на Западе и на Юге».

В сущности, Амин не сказал ничего нового по сравнению с написанным им 10—12 лет назад. Еще в августе 1977 г. в Лейпциге мне довелось выслушать убедительную критику всех этих аминовских концепций видным французским африканистом-марксистом Жаном Сюре-Каналем. Новым было лишь то, что сквозь искусственную схему «Запад — Юг» и «мондиализации капитала» у Амина прорывались как бы нехотя и с трудом сделанные признания роли стран социализма, само существование которых он желал бы не замечать. Хотя у молодежи Амин, как всегда, имел успех, от более подготовленных участников симпозиума не укрылись претенциозность, противоречивость и ложность его аргументов. Председательствовавший Мишель Морэ, профессор университета Хасана II, заявил:

— Вообще-то распространение капитализма во всем мире предсказал еще Маркс. Но с тех пор добавилось много новых факторов, которые надо учитывать. Мы не разделяем мнения Амина в отношении стран социализма,

но у нас нет времени для дискуссии. Поэтому я благодарю докладчика за богатство идей в его докладе, с которым в целом мы не можем согласиться.

Фактическим возражением Амину был и сделанный до его выступления доклад Тхами аль-Хияри, профессора Агрономического института в Рабате, члена Политбюро ЦК ППС и одного из руководителей АМЭ. Рассматривая практическую деятельность Беляля, аль-Хияри подчеркнул:

— Он был выдающимся мыслителем, но также человеком действия, что отличало Азиза от всех крупных теоретиков развития.

Далее он процитировал слова Беляля о «догматическом экономизме» отдельных псевдолевых теоретиков, склонных преувеличивать силу империализма и недооценивать последствия внутренних процессов и изменений в периферийных странах, что может лишь поощрить пораженческие тенденции». Развивая этот тезис, аль-Хияри опроверг также теорию «фатального подчинения местных национальных капиталов» всемирному капитализму. Это было по идее Амина о «мондиализации капитала». Свои несогласия с Амином высказали мне в перерыве между заседаниями и другие участники симпозиума, в частности члены Политбюро ЦК ППС Абд аль-Вахид Сухейль и Абдалла Лайяши.

Симпозиум кроме заседаний имел еще и неофициальную программу: обеды, приемы, встречи. На приеме в отеле «Альмохады» с участниками симпозиума встречалось все руководство ППС. Генеральный секретарь партии Али Ята вспоминал свой первый приезд в Москву в 1956 г., встречи с известным советским арабистом В. Б. Луцким и исследовательницей новейшей истории Марокко Н. С. Луцкой. Он просил передать привет «всем советским друзьям Марокко, которых в СССР немало». Говорил он мало и выглядел очень утомленным. Имре Мартону и мне удалось побеседовать с А. Лайяши. Он невысок, энергичен, несмотря на пожилой возраст, с веселыми светлыми глазами, озорно поблескивавшими из-под круглой каракулевой шапки. Подобные шапки до этого я видел только в Узбекистане.

— Все страны ислама имеют много сходства, — улыбнулся, услышав это, Лайяши.

Он говорил о трудностях распространения прессы партии, о разногласиях между различными левыми силами в оценке тех или иных социальных конфликтов.

Речь зашла о роли профсоюзов, в том числе о желании самого сильного профобъединения — Марокканского союза труда (МСТ) — играть в политике самостоятельную роль.

— Но профсоюзы не могут заменить партию, — сказал Лайяши. — И вообще не они должны вести политическую борьбу. Их задача — разбудить классовое самосознание пролетариата. Предоставленные же сами себе, они могут породить лишь тред-юнионизм.

Вообще интерес к политике в Марокко, как мне показалось, даже больше, чем в других странах Магриба. Возможно, от обилия политических партий и группировок, а может быть, и от обилия нерешенных проблем. Об этом говорили многие, иногда прямо, иногда косвенно. В первый же день работы симпозиума ко мне подошли в разное время четыре совершенно незнакомых парня. Все они были студентами-экономистами, и, естественно, их интересовала система подготовки экономистов в СССР. Но были у них и иные вопросы. Например, один из них, в родной деревне которого хищнически истребляются леса, спрашивался, как у нас поставлена охрана лесов и кто этим занимается. Другой спросил, как и кто у нас может получить высшее и среднее образование, что для этого надо сделать. Третий, оказавшийся бербером из Рифа, интересовался, как пишется у нас история антиколониальной борьбы в Марокко. Он был потрясен, узнав, что в СССР изданы монографии об этой борьбе и особенно о республике Риф 20-х годов.

— А у нас, — с горечью сказал он, — об этой республике стараются не упоминать, как и само имя нашего вождя Абд аль-Крима.

Вероятно, мой собеседник был не совсем точен: улицу эмира Абд аль-Крима аль-Хаттаби, главы рифских повстанцев, я видел в Марракеше. Но больше это имя мне нигде не попадалось.

Как-то я разговорился с пожилым шофером Мати, который вез меня в отель. Мы проезжали роскошные виллы аристократического района Аифы. Глядя на них, мы с Мати беседовали на тему «что и почему» в Марокко. Он не спеша рассказывал:

— Средний марокканский рабочий зарабатывает в месяц по-разному, но не менее трехсот дирхамов. Хорошие ботинки марокканского производства стоят тридцать дирхамов, чашечка черного кофе — один дирхам, а

с молоком — полтора дирхама, батон хлеба — меньше дирхама. Так что работающему жить можно. Но здесь, в Касабланке, основная беда в том, что почти невозможно найти работу и жилье. Сюда в поисках места едут люди со всей страны.

И действительно, обилие безработных здесь бросалось в глаза еще в 1980 г. За два года число их несколько не уменьшилось. Проблема маргиналов, всерьез заняться которой призывал Беяль, превратилась в Касабланке, пожалуй, в главную.

Я слышал, как Самир Амин обменивался мнениями на эту тему с одним из руководителей ППС. Однако чего-либо нового Амин не сказал. Оставаясь светским, любезным, изысканным, он и в беседе напоминал свои труды: его интеллект поблескивал как холодное оружие, а не как согревающий огонь. Он весело предложил мне «собратиться и подискутировать», но не сказал, когда будет готов к этому. Гораздо непринужденнее он вел разговор об особенностях разных арабских стран, об арабском языке и его диалектах, о берберях. Короче, он избегал спора по существу своего доклада на симпозиуме.

Более энергично нападала на меня сидевшая рядом с ним Хуррия, вполне оправдывавшая свое имя: «Огонь». Эта бронзовокудрая, большеглазая, резковатая марокканка явно анархистского склада безумно интересовалась политикой. Она забрасывала меня вопросами: «Как воспринимает социализм в СССР простой человек с улицы? Как социалистические страны справляются с экономическим кризисом? Каковы перспективы отношений СССР с США? А с Китаем? А как вы урегулируете с Китаем проблемы Вьетнама и Кампучии? А не приберет ли Китай к рукам Япония? А не будет ли заключен союз СССР с Китаем? А возможен ли возврат к разрядке семидесятых годов?»

Я старался отвечать обстоятельно, но Хуррия далеко не всегда удовлетворялась ответом, спорила и не понимала, например, почему в странах социализма нет экономического кризиса или почему люди и при социализме согласны на какие-либо ограничения, тем более — на сознательную дисциплину и самоконтроль.

— Должна же быть при социализме настоящая «сладкая жизнь». Разве не за это вы боролись? — спрашивала она.

Труды Амина, судя по всему, она знала очень хоро-

шо. Более того, была в курсе той ожесточенной полемики, которая велась по поводу этих работ.

— Самир говорил мне, — сказала она, — что у вас в СССР его читают наиболее внимательно, и если кричат, то серьезно и глубоко.

А на следующий день в ожидании встречи с членами бюро АМЭ я сидел в холле отеля и смотрел на изображения Альмохадов, в честь которых назван отель. Почему-то все они были голубоглазы и очень похожи друг на друга и на «типичных» берберов-горцев, какими их представляют на рекламных открытках. Видно было лишь, что воинственный Абд аль-Мумин в шлеме и с кривым кинжалом — это не мечтательный Якуб аль-Мансур, чем-то напоминающий Алишера Навои. Как это ни странно, но работавшему в отеле художнику, очевидно не самого высшего класса, удалось передать удивительное сочетание в характере марокканцев воинственности и мечтательности, пламенной резкости и душевной тонкости. Поэтому не совсем верна магрибинская поговорка: «Если тунисцы — женщины, а алжирцы — мужчины, то марокканцы — львы». Она относится, пожалуй, лишь ко временам фактической независимости большей части берберских племен в горах, область расселения которых так и называлась Страна львов (Биллад ас-сибаа). Современные марокканцы, горожане особенно, любят показать не только «львиный» характер, но и внимание, заботу, дружеское расположение. Я сам это чувствовал и во время симпозиума, и после его окончания.

Мухаммед и Джамаль

В Касабланке в 1982 г. я познакомился с Мухаммедом Ракаи и Джамалем Теббаа. Они выступили на симпозиуме с интересным докладом о проблематике социально-классовых отношений в работах Беляля. У Мухаммеда и Джамала много общего. Оба они молодые интеллигенты, преподаватели экономики и социологии, члены бюро АМЭ. Оба серьезные, основательные, с прямым, внимательным взглядом сквозь толстые стекла очков. Наконец, оба неплохо водят машину. Но на этом сходство и кончается. Мухаммед работает в Рабате в Агрономическом институте. Он худощав, строен, с мягкими каштановыми волосами и бородой средних разме-

ров, сдержанный, скрытный, с глазами усталыми и невеселыми. Джамаль работает в университете Касабланки. Он — более крупный и плотный, с иссиня-черными вьющимися волосами и усами, с золотистой смуглостью кожи и большими черными глазами.

Я смог вторично и совсем по-другому увидеть Касабланку в обществе моих новых друзей. На первый взгляд Казá (так сокращенно, на французский манер, называют Касабланку ее обитатели, так же как Александрию в Египте именуют в разговоре Алекс) напоминает и даже превосходит по «ультрасовременности» Танжер. Здесь тоже есть улицы Гааги, Сеуты, Кольбера, бульвары Бургундии, Парижа, Бордо, Виктора Гюго, Эмиля Золя, Камиля Демулена, Дантона, площади Европы, Расина, Пьера Семара, Мирабо, бельгийского короля Альберта, американского генерала Паттона. Но здесь это меньше удивляет, чем в Танжере, так как Казá, в сущности, город XX в. Правда, еще в XII в. здесь существовал маленький порт Анфа, использовавшийся корсарами до 1468 г., когда он был разрушен португальцами, окончательно его уничтожившими в 1515 г. Однако в 1575 г. португальцы вновь высадились здесь и заложили крепость Каза Бранка (Белый дом). Их изгнали отсюда в 1757 г. Город был заселен в основном берберами Юга и Среднего Атласа, перестроен, получил арабское название Дар аль-Бейда, но вскоре захирел. В 1830 г. здесь было не более 600 жителей. Его возрождение связано с оживлением морской торговли, в которой главную роль играли испанцы, а позже французы, немцы, англичане. Однако испанцы первыми получили от султана Сиди Мухаммеда Бен Абдаллаха (1757—1790) разрешение вести коммерческие операции и, постепенно обосновываясь в городе, превратили его в оплот своего влияния. С XIX в. европейцы стали именовать город по его испанскому названию — Касабланка. Оно сохранилось и тогда, когда испанское влияние было заменено французским.

Город рос, окружая европейскими кварталами примыкающую к порту старую медину, которая ныне представляет собой сплошной рынок. Когда я попал на него впервые в 1980 г., он показался мне малопримечательным по сравнению с рынками Рабата, Марракеша, Феса, Мекнеса и Танжера. Я оглядывался на каждого человека в джеллябе и тюрбане и смотрел, нет ли у него пожа на поясе, так как гид Мустафа сказал, что ходить

с ножами разрешено в городе лишь берберам из ближайших племен. Я был оглушен выкриками на русском языке: «Володя, Миша, только посмотреть! Русский, иди сюда! Не глядя — махнемся кошельками?» Торговцы здесь казались мне не только более зубастыми и горливыми, чем в других городах, но и более нахальными. Но вот через два года я снова в старой медине. Только рядом со мной Мухаммед Ракаи. Мы ходим по тем же самым закоулкам, не торопясь разглядываем товары и беседуем о жизни. Те же самые торговцы ведут себя иначе, скромнее. Иностраный турист для них — только источник дохода. Отсюда и соответствующее к нему отношение. Но иностранец, прогуливающийся по медине с марокканцем, заслуживает большего уважения. Это — гость, может быть, даже друг. И вести себя с ним достойно — вопрос чести.

— Здесь живут не только торговцы, — говорит Мухаммед. — Хотя в основном, конечно, они. У многих здесь только лавки, а квартиры в других районах. Мелкий рыночный и розничный торговец живет неважно. А цены у нас все время растут. Килограмм картошки стоит три дирхама, почти столько же, сколько килограмм сахара. Здесь, правда, дешевы овощи и фрукты, но и на них цены растут. Традиционный продукт питания — оливковое масло. Теперь и с ним трудности, хотя Марокко по его экспорту занимает четвертое место после Италии, Испании и Туниса.

Когда мне надо что-то купить, Ракаи отчаянно торгуется с продавцом. Они отходят в сторону. Я хоть и с трудом (разговор идет на местном диалекте), но все же разбираю: торговец считает, что «брат-марокканец должен помочь мусульманину, а не иностранцу», а Ракаи стыдит его: «Подумай, что о нас будут говорить за границей». Было интересно наблюдать за Ракаи, который в такие мгновения словно забывал свою обычную застенчивость и превращался в жесткого, неуступчивого «льва коммерции».

Внешне Ракаи мог бы сойти за уроженца юга Европы. К тому же он живет в Рабате, где большинство коренных жителей — потомки андалусцев. Я спрашиваю его об этом. Он не знает. Однако, как мне кажется, ему приятно думать о своем возможном родстве с андалусцами.

— Знаете, — говорит он, — я несколько раз проводил отпуск в Испании, видел Гранаду, Кордову, Толедо

до, Севилью. Природа там близка нашей. И отдых там хороший. Иногда он обходится дешевле, чем у нас. А памятники арабской культуры напоминают наши города.

На площади Объединенных Наций в 1980 г. я успел заметить лишь внушительность зданий Верховного суда королевства и городской ратуши, ранее называвшейся муниципалитетом, а теперь префектурой (амала) во главе с префектом (амилем). Нам показали тогда отлично спланированный фонтан, который вечерами меняет цвета своих вод (желтый, красный, синий, зеленый) под звуки андалусской музыки или вальсов Штрауса. Однако мы ничего этого не увидели и не услышали, так как фонтан не работал. Очутившись на этой площади в 1982 г., я узнал от Ракаи более интересные вещи.

— Эта площадь, — сказал он, — при французах называлась площадью Лиотэ в честь первого генерального резидента Франции в Марокко. Кстати, кое-где следы этого названия еще сохранились.

Он указал на фигурные каменные буквы — «площадь Лиотэ» — над входом в 12-этажное здание страховой компании на другой стороне площади.

— Здесь стоял памятник самому маршалу Лиотэ, — продолжал Ракаи. — А теперь его убрали, но совсем недалеко, в сад генерального консульства Франции. Видите в дальнем углу площади решетку этого сада? А за ней конную статую? Просто скандал! Самого главного колонизатора Марокко оставили, только чуть-чуть передвинули.

Я привел одно из немногих критических замечаний Ракаи. Вообще-то он осторожен и сдержан в оценках, не торопится с высказываниями, что, очевидно, выручает его в трудных ситуациях. Как-то поздно вечером машину, в которой мы с ним ехали, остановила полиция.

Мухаммед вышел и долго объяснялся с блюстителем порядка. Оказалось, одна из фар была неисправна. Нам пришлось поехать в мастерскую менять лампу. И только после этого он сказал, что «в городе интеллигент может заставить себя уважать, но в деревне за такую неисправность пришлось бы платить». Я заметил, что с полицейским он говорил по-арабски, а в мастерской по-французски, хотя работали там одни марокканцы, да и находилась она в довольно бедном и неказистом райо-

не. Когда я спросил его о причинах такого разноязычия, Мухаммед улыбнулся:

— Мы здесь говорим на том языке, на каком удобно в данный момент. С полицейским мы обо всем договорились по-арабски — так менее официально. А в мастерской все говорят по-французски, поскольку приходится употреблять много технических терминов, и поэтому проще договориться на этом языке.

Ни у Мухаммеда, ни у других марокканцев я не почувствовал никакого комплекса в отношении выбора языка общения.

Не будучи жителем Касабланки, Мухаммед тем не менее неплохо знал город, в котором часто бывал. «Рабатский» патриотизм у него прорывался крайне редко.

— Вот этого у нас нет, — кратко заметил он, указывая, например, на бидонвиль около новенького небоскреба Шерифского (государственного) управления фосфатов. В других же случаях (в частности, при виде менее ужасающего бидонвиля — даже с огородом — недалеко от факультета экономики) он отмалчивался.

— А вот дома для рабочих, имеющих работу, — показывал он мне новенькие кварталы дешевых тускло-оранжевых пятиэтажек на берегу моря. Мы ехали по набережной, сплошь застроенной отелями и увеселительными заведениями, ресторанами, ночными клубами. Все они носили экзотические названия: «Тарик», «Тропикана», «Лидо». Прибрежная часть была тщательно огорожена и разделена на пляжи «Сиди Абд ар-Рахман», «Кон-Тики», «Сан Бич», «Майами», «Таити», «Скала Идена» и т. п.

— Посещение пляжа, — говорил мне еще в 1980 г. гид Мустафа, — в Касабланке стоит пять-семь дирхамов. Но зимой — не сезон, и они закрыты.

От воспоминаний меня отвлек Мухаммед, кивнув на ресторан «Риад ас-Салям», в котором однажды обедали участники симпозиума. По роскоши его интерьера, как и внешнего вида, можно судить о тех, кто бывает здесь в разгар туристского сезона. Мухаммед показал мне также «виллу саудовского принца», которую я видел еще в 1980 г. и издали узнал по высокому, оригинальной формы, минарету домашней мечети принца. Теперь она расширилась и представляет собой фактически два огромных дворца, возвышающихся над берегом. Говорят, что только возведение стены вокруг виллы стоило миллион долларов. Возможно, это лишь слу-

хи, так как всюду в арабских странах принцев Саудовской Аравии считают сказочными богачами и чуть ли не волшебниками, которые все могут.

В примыкающем к морю аристократическом районе Анфа — виллы консульств США, Франции и других стран, бульвары Рузвельта и Ниццы. Именно здесь в январе 1943 г. состоялась Касабланкская конференция, на которой Рузвельт и Черчилль встретились с султаном Марокко. Однако отель, где это произошло, почему-то «ликвидировали». Очевидно, французы, правившие здесь еще 13 лет после этого, не любили вспоминать о вмешательстве США и Англии в их отношения с Марокко. Здесь же, на берегу океана, где набережная переходит в бульвар Сиди Мухаммеда Бен Абдаллаха, недалеко от муниципального плавательного бассейна, по словам Мухаммеда, «одного из крупнейших в мире», расположен Аквариум. Я был там еще в 1980 г. и понимаю, почему жители Касабланки так им гордятся: здесь живут в естественных условиях не только различные виды морских и речных рыб, но и всевозможные представители океанской фауны со всех концов света.

Мы бродили с Мухаммедом по столь же ослепительно шикарным, как и в 1980 г., центральным улицам Лаллы Якут, Мухаммеда V, Хасана II, по улице аль-Хансали, ведущей от украшенной гигантским цветным куполом площади Мухаммеда V к городскому вокзалу, по предназначенным лишь для пешеходов кварталам сплошных магазинов, отелей, ресторанов, кафе, ювелирных мастерских и сувенирных лавок. Я вспоминал, узнавал, а он рассказывал, объяснял, советовал. Таким он мне и запомнился: заботливый и надежный гид, внимательный и вдумчивый собеседник, благодаря помощи которого я узнал много нового и о Касабланке, и о стране в целом.

Мухаммед торопился в Рабат, где ему надо было возобновить занятия со студентами. Мы тепло попрощались, и он уехал, возложив свои функции добровольного проводника на Джамалья. Более подвижной, энергичный и словоохотливый, энтузиаст-социолог, интересующийся положением рабочего класса и отлично знающий свой родной город, Джамаль уже проявил себя не только как преподаватель, но и как ученый. Беяль ссылается на одну из его работ в своей книге «Развитие и неэкономические факторы». Во время симпозиума я видел Джамалья лишь мельком, но мне о нем много говорил

Мухаммед: «Джамаль все хорошо продумывает. Он никогда не подведет. У него большое чувство ответственности».

Джамаль сразу повез меня в новую медину, расположенную в южной части города, в отличие от старой медины в северной, приморской части. Я по дороге вспоминал, как два года назад ехал сюда другим путем, через одетую в строительные леса площадь Лемэгр-Дюбрея и улицу Хаджа Омара ар-Риффи, которая вывела нас к великолепным, в духе андалусских традиций, воротам королевского дворца. Мы обогнули его и мимо Арабского культурного центра выехали на широкую площадь Мулая Юсуфа. Над ней высился минарет мечети, в связи с чем это место называли просто «площадь мечети».

— Здесь центр квартала Хабус, — сообщил нам тогда гид Мустафа. — В нем живет сегодня полтора миллиона человек, то есть семьдесят процентов жителей города.

Он повел нас вдоль торговых рядов, сверкавших медью подносов и блюд, манивших росписью и роскошью ковров. А на обратном пути мы ехали через «городок маршала Лиотэ» и слушали рассказы Мустафы о том, что женщины Магриба якобы не закрывали лица до прихода турок и что, если мы видим марокканку во всем белом, значит, она носит 90-дневный траур по мужу или родителям.

Выслушав меня, Джамаль сказал:

— Но я вас везу не совсем туда, а в соседний район Дарб ас-Султан, где расположен дворец короля.

Там, куда мы приехали, было много лавок и магазинов, шла оживленная торговля, но туристов я не видел. Район резко отличался от центра города. Мощенные булыжником, брусчаткой или вовсе не мощенные улицы, неказистые дома в 2—3 этажа, толпы оглушительно хохочущих или выкрикивающих что-то подростков, мелькающие в вечерней полутьме оригинальные типажи: то негр в соломенной шляпе, то бывший солдат в бурнусе поверх запыленного мундира, то старик в тюрбане и турецких шароварах. Здесь почти все носили потертые пиджаки, куртки, свитовки, рабочие комбинезоны. Попадались закрытые женщины. У многих маленькие дети привязаны за спиной. Кроме того, галдящей детворой заполнены все улицы и переулки, которые здесь не имеют названий, а просто пронумерованы.

Поначалу странно идти по «переулку № 6» или по «улице № 27». Потом привыкаешь к этому, как и к гусклому освещению, особенно недостаточному в проходных дворах и глухих каменных коридорах, которыми ведет нас Джамаль, знающий все ходы и выходы. У него здесь немало знакомых. Они останавливают его, здороваются, спрашивают о делах.

— От района Дарб ас-Султан, — говорит Джамаль, — баллотировался в депутаты Абд аль-Азиз Беляля. И хотя прошел кандидат партии ССНС, у нас много друзей и товарищей в этом районе.

Мы побывали с Джамалем и в старой медине, где, когда мне хотелось что-либо купить, он вел себя точно так же, как Мухаммед. Кроме того, у него здесь тоже были знакомые.

— Депутатом парламента от этого района, — рассказывает он мне, — избран Али Ята. Даже наши противники говорят, что он — единственный депутат, присутствующий на всех заседаниях и строго относящийся к своим обязанностям. Его рабочий день начинается рано утром, когда он правит корректуру арабского и французского изданий газеты «Аль-Баян», которые по содержанию не идентичны. После решения всех технических и организационных вопросов в редакции он весь день занимается делами партии, находя при этом время написать статью, подготовить речь, принять ту или иную делегацию, поехать на встречу с избирателями или на собрание актива.

После этих слов я тем более по-иному смотрю на обитателей старой медины. Значит, сильно развито в этих мелких торговцах, продавцах, ремесленниках, грузчиках и других тружениках чувство социальной справедливости и гражданского самосознания, если большинство их проголосовало за руководителя ППС!

Из старой медины через площадь Мухаммеда V мы вышли на авеню Королевской армии — один из наиболее широких и оживленных проспектов с роскошными магазинами, в которых марокканцев почти не увидишь, а тихую французскую или резкую английскую речь без труда перекрывают громкие восклицания испанцев и итальянцев.

— Когда хоронили Беляля, — продолжает Джамаль, — весь этот проспект был заполнен народом. Движение было остановлено. Беляль жил здесь. Его многие любили и тянулись к нему. Он всегда призывал

изучать конкретно все условия и стороны жизни трудящихся, особенно тех, кто недавно приехал в Касабланку. Люди разного положения чувствовали его внимание к ним.

В своих работах Джамаль следует заветам Беяля. Понимая, что большинство новых жителей Касабланки приходят в город из деревни, он вплотную занялся изучением традиционных структур сельского общества и их влияния на городское.

— Племенная структура сохранилась, — говорит он. — Но решающую роль она уже не играет. Вожди фракций и кланов еще сильны, однако в ином качестве: либо наиболее богатых среди соплеменников, либо духовных авторитетов, либо чиновников, так как в сельской местности на все посты назначают людей именно этой среды. В частности, из таких чиновников формируются новые арабские группы буржуазии, не принадлежащие к фаси и обогатившиеся на бюрократическом поприще. В свою очередь, на стальных пришельцев из деревни влияет авторитет феодальных семей, представители которых стали их работодателями в городах. Многие даже тянутся к «своим большим людям» в бизнесе, господство которых воспринимают как должное. В еще большей степени это относится к тем, кому удалось пробиться в средние слои и выше. Ведь любой феодал-бюрократ, оказавшись на высоком посту, начинает окружать себя родственниками и земляками.

Я думал обо всем этом, когда вечерами видел нищих на шикарных улицах экономической столицы Марокко, когда наблюдал редкое обилие сторожей автомобилей.

— Они дежурят в каждом квартале, — сказал мне Джамаль, — так как здесь платные стоянки.

Одетые в синие халаты и фуражки с красными околышами и кружками на тулье, эти сторожа, в основном старики, любят важно расхаживать вдоль улицы или восседать у открытой двери отеля либо ведомства, название которого вышито арабской вязью у них на фуражке. Они сознают свою необходимость в этом городе, несмотря на то, что с наступлением темноты на каждой улице дежурят вооруженные полицейские.

Обилие безработной молодежи вывело Касабланку на первое место в Марокко по угонам автомашин, похищениям, нападениям и прочим преступлениям. Еще в 1980 г. я был свидетелем драки у кинотеатра «Либер-

то», когда среди шума и воплей публики жандармы с дубинками и пистолетами мгновенно восстановили порядок. Касабланка — центр туризма. Поэтому марокканцы не хотели бы отпугивать иностранцев различными эксцессами, количество которых тем не менее растет. Где выход? Контрасты между бедностью и вызывающим шиком, нищетой и роскошью в этом городе особенно разительны. В 1982 г. я в этом убедился еще раз, особенно после того, как однажды вечером увидел, как служащий одного из самых великолепных отелей города, оснащенных электросчетными машинами и прочим современным оборудованием, молился на улице. Средних лет, в синей джеллябе и желтых бабушах, он усердно бил поклоны прямо на тротуаре, почти упираясь макушкой в стену отеля. Это зрелище напомнило мне, что для решения многочисленных и многообразных проблем всей этой страны, и прежде всего ее наиболее развитого города, надлежит сделать еще очень многое. Как говорил Джамаль, «главная проблема — в повышении уровня самосознания трудящегося человека».

Трудовая Каза́

При въезде в Касабланку по той дороге, что ведет из Рабата, за невысокими глиняными стенами видны бидонвили, один страшнее другого: жалкие хижинки из кусков металлолома, частей выброшенных старых автомобилей, неструганных досок, поломанных корыт и ржавых бочек, битых кирпичей и прочих строительных отходов. Не всегда можно различить, где кончается трущоба и начинается фактически составляющая с ней единое целое куча мусора. В таких злых пародиях на жилище влачат существование до 60 процентов жителей Касабланки.

— Может быть, их доля еще выше, — говорит Джамаль. — Подробного обследования никто не проводил. В бидонвиях живут и рабочие, и безработные. Среди последних большинство — вчерашние крестьяне, не успевшие устроиться на работу. Им многое мешает стать рабочими, в том числе неграмотность и невозможность вследствие этого получить высокую квалификацию.

Бидонвили жмутся к промышленной зоне города — районам Рош-Нуар (Черные скалы), Айн Сбаа (Глаз льва). Здесь сосредоточена основная часть мароккан-

ской индустрии и, естественно, пролетариата страны. Загрязненность воздуха в этой зоне Касабланки намного выше, чем в других местах Марокко, что ощущаешь даже сквозь плотно закрытые окна автобуса. Однако приток сюда ищущих заработка не ослабевает. Скудность населения в Касабланке (пыль далеко превысившего 2 млн. человек — официальную цифру 1979 г. и, по словам гида, достигнутого уже 3 млн. человек) — самая высокая по стране. Нигде нет в Марокко такого обилия ничем не занятых молодых людей, обычно полулюмпенского вида, иногда собирающихся толпами на площадях и скверах. Они нередко довольно недружелюбно задирают прохожих, а еще чаще просто слоняются без дела или безучастно наблюдают уличное движение, весьма интенсивное в городе и днем, и ночью.

В Касабланке нам еще в 1980 г. представилась возможность посетить автосборочный завод СОМАКА (Марокканского общества автомобилестроения). 46 процентов акций СОМАКА принадлежало марокканскому государству, 20 — французской фирме «СИМКА», 20 — итальянской фирме «ФИАТ», 14 — частным акционерам-марокканцам. На заводе, как сказано в красочно оформленном проспекте, выданном нам администрацией, было занято 1200 рабочих и 200 служащих, а фактически 950 рабочих и 250 инженеров, техников и служащих.

«Все они — марокканцы». Это нам с гордостью сказал инженер Мбарек Дахи. Он окончил 15 лет назад Реймский политехнический институт во Франции и возглавлял на заводе службу охраны труда, в ведении которой находились вопросы техники безопасности, санитарии, предотвращения пожаров. Он же занимался профессиональной подготовкой и повышением квалификации рабочих. Зарабатывал 5 тыс. дирхамов в месяц*. Нам он сообщил:

— У нас сорок восемь инженеров. Они зарабатывают в зависимости от должности и стажа от четырех до десяти тысяч дирхамов в месяц. Что касается рабочих, то наиболее низко оплачиваемый труд на СОМАКА (три дирхама в час) выше, чем в среднем по стране (два дирхама десять сантимов в час). Но такова (около восьмисот дирхамов в месяц) заработная плата лишь трехсот пятидесяти неквалифицированных или подсоб-

* 1 дирхам в 1980 г. был примерно равен 1 французскому новому франку, 100 дирхамов составляли приблизительно 17 руб.

ных рабочих. Остальные шестьсот рабочих получают больше, так как являются квалифицированными и имеют, как правило, одну-две специальности. Некоторые же выполняют до шести различных операций.

Поэтому разнообразие в оплате их труда было столь значительно, что Дахи даже затруднялся назвать нам сколько-нибудь реальную среднюю цифру.

Построенный в 1960 г. при технической помощи Франции, завод уже в 1962 г. выпустил 2247 машин, постепенно достигнув к 1976 г. объема годового производства в 25 тыс. Хотя мощности завода рассчитаны на сборку 5 машин в час (т. е. примерно 40 за день, так как рабочий день длится 8 часов 40 минут), усилиями рабочих и инженерно-технических работников они были увеличены. В 1980 г. за час на заводе собирали 13, за день — около ста, за месяц — 2500 автомобилей. Завод выпускал автомобили «СИМКА», «ФИАТ», «Рено», «Пежо» и «Опель». Сборка велась из деталей, производимых во Франции и Италии, а также в самом Марокко. Тесные связи СОМАКА с западными фирмами (весь руководящий персонал получил образование во Франции, Италии и ФРГ) непрерывно укреплялись: под его эгидой несколько марокканских фирм предприняли попытки заключить соглашения с филиалом американской монополии Крайслера во Франции о производстве в Марокко и последующей поставке во Францию различных деталей. В этом отношении СОМАКА — довольно типичный пример ведущего предприятия любой африканской страны, развивающейся по капиталистическому пути. Государство обычно гордится такими предприятиями, ибо они на деле доказывают способность народов молодых афро-азиатских государств вырваться из оков слаборазвитости, отсталости и застоя. Но вместе с тем эти же предприятия наглядно демонстрируют экономическую, финансовую, техническую, производственную, коммерческую и прочую зависимость национальной индустрии молодых государств от западных монополий.

Капиталистический статус предприятия определял и его социальную атмосферу. Несмотря на своего рода образцово-показательный характер завода и сравнительно высокую оплату персонала, использование им права на оплачиваемый отпуск (15—30 рабочих дней в зависимости от стажа) и пенсию (до 75 процентов оклада после 60 лет, что ввиду недавнего создания завода и преобладания на нем работников 18—35 лет имело в

основном теоретическое значение), присущие капитализму социальные конфликты проявлялись и здесь. Более 80 процентов персонала — члены профсоюзов, в большинстве своем примыкают к ведущему профобъединению страны — МСТ. Кроме МСТ здесь представлены и два других, менее влиятельных профобъединения. Силами всех профсоюзов на заводе была проведена двухмесячная забастовка. По словам М. Дахи, она была вызвана увольнением профактивистов, не согласовавших с администрацией отлучки с работы по делам профсоюзов. Мы расспросили Дахи подробнее и узнали:

— Профактивисты настаивали на праве заниматься делами профсоюзов в рабочее время три-четыре раза в неделю по два-три часа. Администрация на это не соглашалась и постепенно, чтобы предотвратить сбой в работе, стала переводить этих людей с ключевых участков производства на второстепенные. Так возник конфликт, а за ним — увольнение профактивистов за самовольные отлучки. Ответом на это и стала забастовка, в которой приняло участие поначалу 80—90 процентов персонала. Но затем число стачечников постепенно сократилось до ничтожного меньшинства, которое и было уволено.

Несмотря на неудачу забастовки, сама ее длительность и особенно то, что она имела место на СОМАКА, говорит о многом. Это один из тех ценных уроков классовой борьбы, которые закаляют молодой рабочий класс афро-азиатских стран, в том числе его наиболее высокооплачиваемую фракцию, дают ему опыт социального противоборства не только с иностранным (как в колониальные времена), но и с национальным капиталом и пробуржуазной национальной технократией.

Выслушав мой рассказ о посещении СОМАКА, Джамаль сказал:

— Да, о забастовке там в свое время много говорили. Она опровергла высказывания некоторых левых экстремистов, обвиняющих рабочий класс в «обуржуазивании». К сожалению, у нас квалифицированные рабочие составляют меньшинство пролетариата. А только они до конца втянуты в процесс капиталистического развития и поэтому относительно быстро обретают классовое самосознание.

Мне интересно было знать мнение именно Джамалья, знающего положение в родном городе и практически, и теоретически. И он мне многое рассказал и объяснил. Разумеется, я не помню весь его рассказ дословно, ибо

записывал все услышанное позже. Но в целом я узнал примерно следующее.

Прибывающие в Казу (Джамаль предпочитал говорить так) сельские мигранты, а они теперь здесь в большинстве, как правило, порывают связи с деревней и племенем, но сохраняют «чувство привязанности» к ним. Прежде всего это касается берберов, у которых племенные связи особенно крепки, но аристократия очень осовременилась. Из ее рядов вышла часть вездесущей буржуазии суси, названной так по своим первым отрядам, образованным выходцами из области Сус. Она процветает, нередко при поддержке соплеменников. Например, в Казе бербер — владелец одного металлообрабатывающего завода нанимает рабочих только из своего племени и только на время. За 6—7 месяцев персонал завода почти полностью обновляется: одни возвращаются в села, другие — их братья, сыновья и т. д. — сменяют их. В результате предприниматель имеет возможность не выплачивать своим рабочим (как «временным») предусмотренных законом социальных надбавок и выплат. Более того, рабочие у него фактически себя таковыми не чувствуют, «считая себя членами одного с хозяином племени». У берберов вообще — у рабочих, служащих, мелкой буржуазии и средних слоев — нередко сохраняются с деревней «не только сентиментальные, но и материальные связи». Однако инфляция и падение реальной заработной платы подрывают эти связи, лишая и горожан, и крестьян возможности помогать друг другу.

— Таким образом, — заметил Джамаль, — старые родо-патриархальные механизмы парализуются наступающим капитализмом.

Указывая на различия и конкуренцию между буржуазией суси и фаси, он в то же время сказал:

— Но все это отступает на второй план во время забастовок или рабочих демонстраций. Тогда все буржуа сплываются против рабочих, забывая о разногласиях.

По мнению Джамала, берберы в Марокко не так уж отличаются от арабов, ибо последние в большинстве своем тоже когда-то были берберами. Только арабы или арабизированные берберы, как правило, утратили уже давно сложившиеся племенные структуры. Поэтому они легче приживаются в городе. А берберы, потерпев в городе неудачу, гораздо чаще возвращаются в родные места, где еще не в диковинку материальная взаимопо-

мощь всех односельчан, наличие у них общих продовольственных запасов.

— Однако у всех марокканцев, — закончил Джамаль, — независимо от происхождения или земляческих настроений, есть сильная тяга к единству, более того — чувство принадлежности к единому народу.

Завершилось же знакомство с трудовой Казой интереснейшей поездкой к павильону международной ярмарки, расположенному недалеко от здания Аквариума в приморской части города. Меня привез туда Джамаль в последний вечер пребывания в Марокко, чтобы показать подготовку к празднику 10-летия органа ППС газеты «Аль-Баян». Мы уже издали увидели за оградой огромную полусферу крыши павильона.

— Здесь обычно организуются международные выставки и ярмарки, — сказал Джамаль. — А сейчас мы готовимся тут впервые не только в Марокко, но и вообще в арабском мире отпраздновать юбилей рабочей газеты. Все, что вы видите, как и плакаты в честь юбилея газеты в городе, мы делаем сами, в свободное от работы время.

Я действительно видел в городе, даже в центре (например, недалеко от ресторана «Шатобриан»), такие плакаты, выполненные аккуратно, но явно не профессионалами.

Мы вошли в здание павильона, изнутри напоминавшее планетарий. Несмотря на поздний час, все было ярко освещено. Около десятка человек в разных концах помещения работали без остановки: сколачивали стеллы, устанавливали макеты, среди которых я узнал символ Рабата — башню Хасана, вывешивали транспаранты с лозунгами. К нам подошел руководивший работой Абд аль-Маджид Дуайиб, член Политбюро ППС и национального бюро МСТ. Широкоплечий, плотный, светлоглазый, он говорил весело и непринужденно:

— Здесь все мы работаем после полного рабочего дня и даже ночами, так как времени у нас мало: до юбилея всего неделя. Некоторые из товарищей взяли отпуск, чтобы работать круглые сутки.

Дуайиб учитель по профессии. Среди работающих я узнал и Халида Насыри, преподавателя университета и члена ЦК ППС, выступавшего с докладом на симпозиуме памяти Беяля. Он руководил несколькими парнями и девушками, по виду студентами, которые спорили относительно наилучшего размещения в зале транспаран-

тов, сообщавших о деятельности областных организаций партии.

— А это, — указал Джамаль на группу людей постарше, — члены регионального бюро ППС. У нашей партии ведь нет ни аппарата служащих, ни здания ЦК. Основной упор на местные секции. Одна из них располагается как раз в доме рядом со зданием ярмарки.

Дуайиб рассказывал, широким жестом показывая на зал:

— Здесь места на пятнадцать тысяч зрителей. Сцена уже готова. Мы ее сколотили сами. Предполагается, что на нашем празднике выступят лучшие артисты Марокко. Здесь же разместится экспозиция картин сорока марокканских художников.

Он подвел меня к смуглому коренастому человеку в спецовке, с крупным скуластым лицом и молотком в руках:

— А это товарищ Эль Хадж, тоже член Политбюро нашей партии.

Узнав, кто я и откуда, товарищ Эль Хадж широко улыбнулся:

— Вам надо бы остаться на празднование юбилея. Уж мы постараемся, чтобы он удался на славу.

Джамаль потом сказал мне, что товарищ Эль Хадж работает простым рабочим на текстильной фабрике и кроме выполнения партийных функций ведет также большую профсоюзную работу*.

Мне показали, как будут выглядеть символы всех городов, как расположатся материалы на стендах, какие культурные мероприятия намечено провести во время фестиваля «Аль-Баян». А я смотрел на оживленные, вопреки усталости, лица Дуайиба, Эль Хаджа, Насыри, Джамалья, их помощников и видел, что они горды и счастливы. Всех этих людей разного возраста и разных профессий объединял энтузиазм служения интересам трудового народа, идеям научного социализма, равенства и справедливости на древней земле Магриба. Взяв все лучшее из магрибинской старины, они своим трудом отстаивали магрибинскую новь, прежде всего свое право, опираясь на традиции, идти к прогрессу.

* Эль Хадж — псевдоним Мохамеда Бен Беллы, члена Национального бюро крупнейшего объединения марокканских профсоюзов МСТ.

Все рассказанное автором принадлежит своему времени. И вряд ли стоит обобщать разнородные и разновременные впечатления. Но следует помнить, что именно из отдельных черточек, штрихов и вроде бы не связанных друг с другом образов и воспоминаний подчас складывается единое и если не во всем полное, то достаточно многостороннее представление о стране. К тому же оно никогда не бывает окончательным. Мне пришлось в этом убедиться во время шестой поездки в Алжир в октябре — ноябре 1983 г.

Казалось бы, что нового можно увидеть, шестой раз проезжая по столице страны, четвертый раз прогуливаясь по Орану и третий — по Тлемсену? Оказывается, можно. Достаточно побывать в Институте науки и технологии спорта в центре города Алжира, в котором работают 27 советских специалистов (не считая 13 советских тренеров, работающих на периферии). Выпускники института, получая основную специальность спортивного тренера, одновременно могут работать преподавателями анатомии, биохимии и других дисциплин. «А это чрезвычайно важно для Алжира,— говорит нам директор института Бен Мокрац,— так как мы испытываем большую нужду в квалифицированных кадрах. У нас, например, нехватка врачей в стране, а 6 тыс. врачей-алжирцев в то же время работают во Франции». Он сообщил нам, что, хотя студенты института могут изучать по собственному выбору один из языков, 70 процентов из них выбирают русский, так как предпочитают пользоваться советскими учебными пособиями.

Недалеко от столицы достраивается научно-технологический университет имени Хуари Бумедьена, огромная территория которого еще не утратила вида строительной площадки. Однако уже выстроены и функционируют здания институтов биологии, химии, физики, завершается строительство вычислительного центра, главной библиотеки, институтов математики, геологии, электроники, шахт и металлургии. По словам вице-рек-

тора Арезки Амокрана, в университете обучаются 12 500 студентов, 553 магистранта (аспиранта по-нашему) и 129 докторантов. Из 1265 преподавателей 1035 — алжирцы и 230 — иностранцы, в том числе 15 советских специалистов.

В Ороне нам удалось осмотреть стекольный завод, который с 1969 г. был полностью перестроен с помощью советских инженеров и техников. Сейчас их здесь 50 человек, а обучают они 300 алжирских специалистов. Всего на заводе занято 1300 человек. Их усилиями, как сказал нам директор г-н Хаси, объем производства увеличен в 4 раза по сравнению с 1962 г., когда завод принадлежал французской фирме «Сэн-Гобэн». За последние годы 250 рабочих получили от администрации новые квартиры. На работу и с работы персонал ездит в служебных автобусах. Завод, по словам председателя профсоюзного комитета Абд аль-Вахида, располагает собственной столовой, кооперативным магазином, летним детским лагерем, медицинским центром по обслуживанию как рабочих, так и их семей.

Конечно, этот завод во многом уступает таким мощным предприятиям индустриальной зоны города Арзева (примерно в 40 км от Орона), как нефтеперерабатывающий комплекс, дающий 2,5 млн. т горючего в год, или три комплекса по снижению газа с годовым производством в 25 млрд. кубометров. Мы их также посетили, любовались их идеальной чистотой, продуманной эстетикой, обилием света, стекла и бетона. Но из бесед с директором зоны Буалемом Мендаси и руководителем одного из комплексов М. Беррахом становилось ясно, что эти предприятия не только приносят стране огромный доход, но и тесно привязывают ее к мировому капиталистическому рынку, ибо основная часть их продукции идет на экспорт в США, Францию, Бельгию и Англию. Недаром строили их японские, английские, французские, американские и другие частные фирмы и компании.

«Частная собственность не должна быть источником какого-либо социального господства» — гласит один из многих лозунгов, украшавших алжирские города осенью 1983 г., накануне Пятого съезда партии ФНО. Напоминание это казалось мне тогда своевременным. В газетах писали о собраниях партактива ФНО, на которых говорилось о необходимости отпора империалистам и тем, «кто хотел бы поставить под вопрос завоевания наро-

да». А профсоюзный журнал «Ас-Саура в-аль-Амаль» («Революция и труд») прямо указывал: «Мы знаем, что существуют не только сознательные социалисты и что некоторые пытаются поднять руку на достижения и выбор страны». Все это говорило о продолжении в Алжире нелегкой борьбы за социальную справедливость и прогрессивные преобразования в соответствии с социалистическим выбором, сделанным алжирским народом.

Древний Тлемсен, особенно прославленный памятниками магрибинской старины, ныне вместе с окружающей его областью живет в напряженном трудовом ритме строек, производственных достижений в сельском хозяйстве и ремеслах, поисков геолого-разведочных партий. Вместе с председателем совета советских специалистов мы посетили центральный госпиталь Тлемсена. Здесь в числе 600 человек персонала работают 30 советских врачей, пользующихся всеобщей любовью и уважением. Директор госпиталя Бухара рассказал нам о плодотворности здесь, в Тлемсене, советско-алжирского сотрудничества «не только в области медицины», о планах расширения и модернизации госпиталя. Присутствуя вечером на концерте гастролировавшего в Алжире вокально-танцевального ансамбля «Русь» из города Владимира, мы видели над сценой плакат: «Тлемсен приветствует делегацию русско-алжирской дружбы».

Всюду, где нам довелось побывать в Алжире, мы встречали советских врачей, преподавателей, геологов, инженеров, слышали о самоотверженной работе советских специалистов на строительстве в нелегких условиях Сахары 660-километрового газопровода от Хаси-Рмель до средиземноморского побережья. Мы узнали также, что в 1983 г. в Алжире действовали уже 39 профтехцентров (подобных виденному нами в 1976 г. в Беджайе), укомплектованных советскими преподавателями, оснащенных советским оборудованием. И, естественно, мы были горды тем, что помощь нашей родины Алжиру является неотъемлемой частью торжествующей нови Магриба.

Естественно, нет нови без старины, как нет настоящего без прошлого. В правильном их сочетании, в умении так слить память о дне вчерашнем с заботами дня нынешнего, чтобы опыт пережитого помогал жить сегодня, и заключается секрет создания будущего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
<i>Глава 1. Память о минувшем</i>	6
Камни римской Африки	6
Кайруан и Карауин	20
Сиди Окба и Сиди Бумедьен	34
Андалусия в Магрибе	50
<i>Глава 2. Глазами туриста</i>	83
Город-лестница	83
На краю Сахары	91
Горные гнезда севера	98
Университеты: старое и новое	106
<i>Глава 3. Год Национальной хартии</i>	114
Встречи и беседы	114
Лекция в Бумердесе	119
Оранские впечатления	122
У активистов Беджайи	128
В кооперативе Сук ат-Тнин	132
<i>Глава 4. Продолжая летопись революции</i>	136
Новые институты	136
В резиденции вали	143
История и историки страны	148
В гостях у Тахара Ваттара	157
<i>Глава 5. Королевство пяти столиц</i>	163
Первое знакомство	163
Беседа в Агдале	169
Следы былого	171
Касба Удайя и базар медицины	175
Русский язык в Марокко	179
<i>Глава 6. Дальний Магриб вчера и сегодня</i>	181
Столица Альморавидов	181
Версаль Мулая Исмаила	191
Арабы и берберы	200
Фес и фаси	204
По соседству с Гибралтаром	209
<i>Глава 7. Снова на берегу Атлантики</i>	218
Симпозиум памяти Беяляля	218
Мухаммед и Джамаль	227
Трудовая Казá	236
Вместо заключения	243

Владимир Аркадьевич Аргентов

СТАРИНА И ПОВЬ МАГРИБА

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *Г. А. Аристова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 15298

Сдано в набор 14.09.84. Подписано к печати 27.03.85. А-04314. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,55. Уч.-изд. л. 13,93. Тираж 50 000 экз. Изд. № 5727. Зак. № 615. Цена 85 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано в 3-й типографии издательства
«Наука» 107143, Москва Б-143, Открытое
шоссе, 28. Отпечатано во 2-й типографии
издательства «Наука» 121099, Москва, Шу-
бинский пер., 6. Зак. 1265

